

Артур Адамов

ВЕСНА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВОГО

пьеса в 3 актах,
26 картинах с эпилогом
и 9 интермедиах

перевод с французского Е.Ауэрбах

М.: Искусство. 1968. 144 с.

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011
к 140-летию Парижской коммуны

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИНТЕРМЕДИИ:

Бисмарк.
ТЬЕР.
Ассамблея (Национальное собрание представителей сельского населения).
Французский банк.
Миротворец.
Коммуна.

КАРТИН:

Робер Удэ, 25 лет, редактор газеты «Глас народа». Умеренный.
Леон Удэ, 60 лет, его отец, подавший в отставку, член Коммуны.
Прудонист.

Жанна-Мария, 25 лет, жена Робера Удэ Швея.
Пьер Фурнье, брат Жанны-Марии, художник-декоратор, член муниципальной комиссии пятого округа, член Центрального комитета двадцати округов и т. д. Бланкист.

Тонтон, 50 лет, национальный гвардеец, рабочий-пекарь, также член муниципальной комиссии пятого округа. Бланкист.
Мээр, 50 лет, хозяйка кафе «Верная свинья», мать Ариетты и Рири.

Ариетта (Риетта), 20 лет, цветочница, затем маркитантка.
Рири, 15 лет, ее брат, продавец газет, затем национальный гвардеец.

Жюло, его ровесник, национальный гвардеец.
Шарло, 20 лет, пехотинец регулярных войск, перешедший 18 марта на сторону народа.

Поля Криковска, полька, санитарка, член Комиссии труда и обмена, член Женского союза защиты Парижа и помощи раненым. Интернационалистка.

Софья Николаева, русская студентка из богатой семьи. Ответственный член Комиссии труда и обмена, член Женского союза защиты Парижа и помощи раненым. Интернационалистка.
Силач, рассыльный в редакции газеты «Глас народа», национальный гвардеец.

Балашен, журналист, сотрудник газеты «Глас народа», затем — национальный гвардеец.

Старый служащий Орлеанской железнодорожной компании, 60 лет.

Служащий ливной на бульваре Бон-Нувель.

Дюлюль, курьер в редакции газеты «Отец Дюшен».

Гарибальдиец (Петро Туттио), солдат батальона
Гарибальди, сражающегося на стороне Коммуны.

Анри Лагард, врач. Республиканец, не сторонник Коммуны.
Луи Лавинь, мелкий служащий Французского банка.

Убогая женщина, растерявшаяся работница.
Вдова Легро, булочница, мелкий агент Версалья.

Непутевый рабочий, также мелкий агент Версалья.

Мартен-Бернар (Поль), торговец картиками и спекулянт.

Левый версалец, оставшийся в Париже.

Пешто (Жорж), фабрикант солдатской обуви, поставщик интенданства.

Анатоль де Курмон, 50 лет, рантье, бывший живописец.

Аббат Вилледье, правый версалец.

Сибилла, его племянница, баронесса.

Рауль, 20 лет, жених Сибиллы, молодой человек из консервативной, но «республиканской» семьи.

Бобур, 40 лет, журналист, сотрудник «Фигаро».

Франкель, Делеклюз, Верморель, Варлеи, Грелье,
Жюль Валлес, Гамбон — члены Коммуны или Центрального комитета.

Рабочие, работницы, национальные гвардейцы, буржуа, аристократы, а также провокаторы, среди которых — виконт де Пэн, виконт де Молинэ.

Многие персонажи могут быть дублированы. Пьеса требует примерно двадцати пяти исполнителей.

Перед поднятием занавеса звучит песня «Время вишен».

АКТ ПЕРВЫЙ

Плакат: «Первые дни Парижской коммуны. 18 марта — 2 апреля 1871 года».

ИНТЕРМЕДИЯ I

В глубине сцены — огромная карта, изображающая Париж той эпохи и его окраины. Она остается на протяжении всего первого акта.

Перед картой — на помосте Бисмарк в военной форме: смешная остроконечная каска, волочащаяся по земле сабля (как на рисунке Домье). Он поднимает бокал за здоровье Тьера, который стоит внизу у помоста, отчего кажется особенно невзрачным. Тьер тоже поднимает бокал.

Позади Тьера, то и дело подталкивая его, стоит краснощекаятолстуха крестьянской наружности — Ассамблея. Широкое платье с оборками, в руке — букет цветов (то же сходство с рисунком Домье). Молодая женщина в форме национальной гвардии обходит двором сцену, на ней фригийский колпак, на плече — ружье (вспоминая портрет Луизы Мишель). Это Коммуна. Посреди сцены — пушка. Неподалеку — сейф с надписью: «Французский банк». Из сейфа высовыивается мужчина — женоподобный и изысканный; темный, очень строгий костюм, монокль. Это Французский банк. Правее — высокий респектабельного «республиканского» вида человек: скорбное лицо, длинная борода (накладная, но это пока никому не известно), подпоясан трехцветным шарфом. Он мэр или нечто в этом роде, депутат, так называемый «левый», не сторонник Коммуны. Это Миротворец. Указательный столб со стрелой, направленной влево. На ней надпись: «Версаль». Слева от столба — широкое кресло, предназначеннное для Ассамблеи.

Бисмарк (чокаясь с Тьером, напевает).

Мы чокаемся,

чтобы пить вино,

И пьем, чтоб чокаться.

Уж так заведено!

Тьер (отстраняя Ассамблею, умоляющим голосом). Господин фон Бисмарк!

Бисмарк (энергично, нетерпеливо, однако благодушно). Вам желательно, чтобы армия его величества императора оккупировала Париж. Знаю, знаю. Но, к сожалению, вынужден

вновь ответить вам отказом. Во-первых, императору слишком дорога жизнь его верноподданных, чтобы его величество согла- силось на новые жертвы.

Тьер делает несколько неуверенный жест протesta.

Да-да,— жертвы, ибо вашим парижанам следовало бы защи- щаться самим. (Иронически.) Не в пример некоторым...

Ассамблея подталкивает Тьера локтем.

Тьер (еще более умоляющим голосом). Господин фон Бисмарк! Бисмарк (невозмутимо продолжает). Во-вторых, потому, что со- циализм заразен, и его величество отнюдь не желает, чтобы его верноподданные заразились от вашего парижского сбро- да. (Повернувшись спиной к Тьери, садится на деревянного коня с пышной гривой и, чрезвычайно довольный собой, рысью объезжает помост.)

Ассамблея (оттолкнув Тьера, подходит к помосту). Но вы не покинете нас, мой славный мсье... правда?

Бисмарк (гордо). Обещаю вам, мадам, оставаться на француз- ской территории до полного возмещения нам военных расходов.

Ассамблея. О, спасибо!.. Дорогой мсье... при одной мысли о том, что вы могли бы... сами понимаете... но раз вы обещаете... (Протягивает ей цветы.)

Бисмарк спешивается, берет букет, помогает радостно смеющейся Ассамблее подняться на помост и, взяв ее под руку, прохаживается с ней.

Точно воспроизвести известную литографию Домье «Идеал некоторых газет».

Тьер (семяня ногами, очень грустно). Значит, нам придется са- мим... без помощи пруссаков... отобрать пушки у парижан.

Бисмарк снова садится на коня.

Ассамблея (подойдя к краю помоста). Мсье Тьер, помогите же!

Тьер помогает Ассамблее спуститься с помоста. Но он не так ловок, как Бисмарк, и Ассамблея недовольно ворчит. Бисмарк смеется, вы-нимает из кармана маленькую флейту и начинает наигрывать.

(Поправляя платье.) Ну, мсье Тьер, что делать-то будем? Тьер (важно). Что делать, мадам? В ночь на восемнадцатое марта выступят наши доблестные войска; они перетащат на Мар- сово поле пушки, установленные на Монмартре парижскими бунтовщиками.

Ассамблея (пиццет). Схватить бы их всех, связать и выслать в Новую Каледонию, или пусть убираются в свою Валахию. Тьер (важно). При нынешней ситуации не так просто, мадам, за- владеть их пушками!

Ассамблея. Не просто! С вами всегда все не просто! (Садится в кресло и, ворча, принимается вязать.)

Не ответив Ассамблею, Тьер отходит вправо, зажигает свечу и приближается к Коммуне, которая прикорнула около пушки. Тьер хочет утащить пушку, но Коммуна просыпается и пинком сбивает его с ног.

Тьер (на четвереньках бежит по направлению к Версалю и, обра- чиваясь, подстрекает парижан). Друзья мои, законное прави- тельство временно переезжает в Версаль. Я призываю вас к защите ваших очагов, семей, собственности.

Французский банк, приоткрывший крышку сейфа, поспешно закрывает ее. Ассамблея засыпает, уронив вязанье на колени. Миротворец отво- рачивается.

Коммун (стоя лицом к публике, провозглашает). Граждане, на- род Парижа сбросил ярмо, которое пытались ему наложить. Спокойный, невозмутимый в сознании своей силы, он без страха готовился достойно встретить нападение наглых бе- зумцев, осмелившихся посягнуть на целостность республики. Спасибо нашим братьям-солдатам, отказавшимся поднять руку на нашу священную свободу. Спасибо всем. Пусть Па- риж и Франция вместе заложат основу республики со все- ми необходимыми последствиями.

Бисмарк, перестав играть на флейте, наблюдает за Коммуной и Тье- ром, который наконец добежал до Верселя. Миротворец bla- gorодизмо скрывается. Французский банк снова приоткрывает и тут же захлопывает крышку сейфа. Ассамблея громко хранит с открытым ртом.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

18 марта, около 10 часов вечера. Терраса кафе «Верная свинья» на площади Контрескарп, в пятом округе Парижа. Люди весело празднуют неожиданную победу. Увитая гирляндами пушка служит столом. Справа на дереве висят кружки для сбора пожертвований с надписью: «Для смельчаков 88-го полка, они заслужили!»

Анриетта, смешливая, кошачья, и ее мать Мэмэр, добрая то-стушка, разносят вино. Им помогает Рири, типичный Гаврош (надо бояться штампа), и Жанна-Мария —тонкое лицо, живые глаза.

Среди пьющих: Шарло — в форме пехотинца регулярных войск; Старый служащий Орлеанской железной дорожной компании — поноженная одежда, глубокие морщины, угрюмые ногти; Силач — добродушный великан; Тонтон — дородный шутник, еще несколько человек, возможно — рабочих, работница Тонтон, спина к публике, держит стакан и читает висящее на стене правительственные возваждение. Рядом с ней Жанна-Мария, со свечой в руке.

Тонтон (с иронией). «Жители Парижа, в ваших собственных интересах, в интересах вашего города, в интересах Франции — свечу, Жаннетон! — правительство намерено предпринять решительные акции».

Жанна-Мария. Акции оно предприняло. Но наша реакция... Силач. Поскольку мы реакционеры!

Смех.

Жанна-Мария. Может, по-твоему, мы и пруссаки? Силач. А почему бы и нет? С таким же успехом — и пруссак

Смех.

Тонтон (продолжает читать). «Похищенные у государства пушки...».

Старый служащий. У государства!.. Будто не мы, парижане, заплатили за пушки собственным потом и кровными гроши! У государства!

Жанна-Мария. Не расстраивайся, дедушка, ведь наши пуш-

остались при нас! (Смеяясь.) А потому, Анриетта, Мэмэр, мы требуем батарею... красного! Выпьем за здоровье... Анриетта (смеяясь). ...при сем присутствующей гражданки пушки! Анриетта — за, и Мэмэр тоже.

Мать и дочь разливают вино.

Тонтон (продолжает читать). «Похищенные у государства пушки будут возвращены в арсеналы...». Жанна-Мария (смеяясь). Например, в арсенал под вывеской «Верная свинья», что на площади Контрескарп.

Рири (смеяясь). В пятом округе!

Тонтон (продолжает читать). «Пусть добрые граждане отвернутся от дурных!»

Старый служащий. «Пусть злонамеренные дрожат, а благонамеренные не тревожатся», как говорил Баденгэ¹ в ночь на второе декабря!

Анриетта. Теперь-то злодеи и дрожат. (Нечаянно проливает вино.)

Смех.

Тонтон (продолжает). «Пусть добрые граждане отвернутся от дурных и помогут законной власти, вместо того чтобы притворяться ей».

Жанна-Мария. Что они и делают, ведь теперь власть — это народ, власть — это мы!

Тонтон (поднимая стакан). За здоровье народа!

Анриетта (так же). И за восемьдесят восьмой полк! Следовательно, за здоровье Шарло! (Целует Шарло.)

Старый служащий. Да здравствует пехота!

Силач (обнимая Шарло). Мы гордимся тобой, малый! Солдат, защищающий народ, — настоящий солдат!

Анриетта (перестает разносить вино, выходит на авансцену). А знаете, что я сказала господам солдатам?

¹ Баденгэ — прозвище Наполеона III, по имени рабочего, в чьей одежде он бежал из тюрьмы форта Гам в 1846 году. (Здесь и далее прим. пер.)

Тонтон. Ох и хвастунья! Ну чем же хвастать? Просто мадемуазель Рири (*смеясь*). Если бы твои слова услышали отец и сын Удэ, случайно оказалась на месте в нужный момент.

Анриетта. Позвольте, гражданин Тонтон! Если бы вы все любили Силача (*смеясь*). Жаннета и Пьеро, вся надежда на вас: как

ли папашу Гюго, как я...
Жанна-Мария. Позвольте, гражданка Риетта! При всей любви к папаше Гюго, не у каждого найдется подружка на Монмартре (*показывает в сторону Монмартра*), которая пригласит переночевать потому... что похороны Гюго-сына состоят ся наутро... на кладбище Пер-Лашез! (*Показывает в противоположную сторону*)

Анриетта. Дайте же мне рассказать!

Рири. Рассказать?! В который раз?

Анриетта. Так вот сначала мы им сказали: «Нехорошо, господи солдаты, зариться на наши пушки!»

Жанна-Мария. «Это вам не к лицу».

Шарло. А мы — им в ответ: «Добрые женщины, отойдите!»

Жанна-Мария. Но добрые женщины и не думали отходить, а продолжали наступать.

Анриетта. И вот среди этих храбрецов я узнала своего Шарло!

Шарло. А я свою Риетту!

Анриетта. Помнишь, мама, как сердился Шарло в детстве, когда проигрывал в шарики?

Жанна-Мария. Тут вдруг прискакал генерал Леконт. (*Подражая голосу генерала*) «Стреляйте, да стреляйте же!»

Тонтон. Только солдаты не дураки... (*Привязывает носовой платок к своей пальке*) «Товарищи, бросайтесь оружие!»

Кое-кто из присутствующих бросает на землю что под руку попало. Из кафе выходит Пьер Фурнье — высокий, худой, с неправильными чертами лица.

Пьер Фурнье. Тогда дражайший генерал Леконт закричал: «Капитаны, вы дорого за это заплатите!» А пока что расплачиваются сам.

Жанна-Мария. Я надеюсь, братишко, этого генерала не скоро выпустят из башни Сольферино.

Жаннета!

Жаннета и Пьеро, вся надежда на вас: как только откроются революционные клубы, вы немедленно составьте и внесите от нашего имени предложение, требующее наказания этих мерзавцев!

Жанна-Мария. Не подведем, Силач!

Анриетта (*желая обратить на себя внимание*). А я была на площади Пигаль!

Тонтон. Знаем. Хочешь изобразить нам генерала Сюбелья, да?

Анриетта (*смеясь*). Да. (*Перевразивая генерала*) «На мушку их, пли!»

Шарло. Но славные женщины, и Анриетта первая: «Господа артиллеристы, не стреляйте в народ!»

Тонтон. «Вы убьете республику!»

Анриетта (*взираясь на плечи к Шарло*). Тогда господа стреляли на своих лошадках...

Жанна-Мария. Несколько лошадок у них, правда, было, но без упряжек попробуй-ка стащить пушки с самой верхушки Монмартра...

Силач. ...и перетащить на себе к Инвалидам...

Анриетта (*продолжая игру*). Тогда господа артиллеристы со своими лошадками... (*Заставляет Шарло пятиться, как это делали утром солдаты в ответ на приказ генерала*).

Смех. Рири взбирается на спину к Тонтону, чуть не свалив его. Смех усиливается.

А когда какой-то капитан ранил саблей беднягу национального гвардейца...

Силач. У-у!

Рири. У-у-у!

Тонтон. Тогда генерал Сюбелья исчез, бесследно исчез!

Жанна-Мария. А площадь Клиши стала нашей!

Входят Робер Удэ, красивый парень, Поля, очень юная, хорошенькая, элегантная, и Софья, скромно, но хорошо одетая.

Робер Удэ. Друзья мои, объявляю вам: во-первых, национальная гвардия только что заняла...

Поля (весело). ...национальную типографию!

Тонтон. Да здравствует национальная гвардия!

Робер Удэ. Во-вторых, солдаты сто двадцать восьмого полка тоже отказались стрелять в народ.

Рири спрыгивает с плеч Тонтона, Ариетта — с плеч Шарло.

Тонтон (задумчиво, с восхищением). И сто двадцать восьмой тоже!

Пьер Фурнье. Расскажи, как это было.

Робер Удэ. Очень просто. Командиры приказали солдатам стрелять в нас...

Поля (смеясь). А они, вместо того чтобы стрелять...

Ариетта. Ответили нет генералам и да — дочерям народа.

Робер Удэ. Примерно так... А теперь, гражданки и граждане, имею честь представить вам двух прекрасных гражданок, с которыми счастливый случай свел меня на площади дю Тампль: Поля Криковска, полька. Она была вынуждена бежать из своей страны. Едет в Женеву, но задержалась в Париже, чтобы вместе с нами бороться против тиранни.

Тонтон. Да здравствует польский народ!

Робер Удэ (продолжая). И ее подруга Софья...

Софья (весело). Николаева.

Робер Удэ. Студентка, будущий физик, русская, избравшая тот же путь из тех же побуждений.

Рири (с момента появления Поли не сводивший с нее глаз). Да здравствует всемирная республика!

Робер Удэ (*Поле и Софье, представляя присутствующих*). Жанна-Мария, моя подруга, законная или нет, значения не имеет. Отважная. Пьер Фурнье, суровый вождь Центрального комитета национальной гвардии, член республиканского Центрального комитета двадцати округов; в гражданской жизни — художник-декоратор, к тому же мой лучший друг, хотя согласны мы с ним... лишь в главном. Тонтон, участник битвы

при Бюзанвале¹. Он оставил там только одну лапу,— хвала господину Тьеру! Предупреждаю: с этими двумя вы поссоритесь, если случайно забудете, что Бланки — это революция, а революция — это Бланки.

Тонтон (*попадаясь на удочку*). Ну да,— конечно! Если бы не Бланки...

Робер Удэ. Это Мээр, хозяйка здешних мест; завтра будет с нами, а быть может, уже сегодня наша. (*Указывая на Ариетту*.) Ариетта, короче Риетта, ее дочь, цветочница. Рири — ее братишка.

Ариетта (смеясь). Винчерпий!

Рири разливает вино.

Рири. Винчерпий — в шутку, а всерьез — будущий боец национальной гвардии.

Робер Удэ (смеясь). И тоже всерьез очарованный прелестью гражданки Поли Криковской!

Поля (смеясь). Какие глупости!

Робер Удэ (*обнимая за плечи Жанну-Марию*). Что, Жаннетта, веселимся, празднуем победу?

Жанна-Мария (холодно). Да.

Силач (*вполголоса*). И сто двадцать восьмой тоже! Весь Париж, значит!

Пьер Фурнье (*глядя на Софью*). Да, весь Париж.

Поля. Он удивителен, ваш Париж. Мне просто не верится, что я нахожусь здесь в такое время. (*Жанне-Марии*) Вы прекрасны. Я именно такими и представляла себе парижских работниц. (*Целует ей руку*.)

Жанна-Мария. Что вы делаете, гражданская?

Робер Удэ. Жанне-Марии не по душе старинные обычай, и она, пожалуй, права.

Поля. Простите, если я...

Тонтон (*Силачу*). Бланки, прости...

Жанна-Мария. Нет, это просто глупо, извините, конечно.

¹ Битва при Бюзанвале 19 января 1871 года.

Анриетта. Вам — белого или красного, граждаке?

Робер Уэз. Что за вопрос? Самого красного!

Софья (*Пьеру Фурнье*). Скажите, это правда, что большинство парижских рабочих бланкисты?

Пьер Фурнье. Я не могу назвать вам точной цифры, гражданска, но их очень много.

Софья. Видите ли, я хоть и не разделяю взглядов Бланки, но глубоко уважаю его. Он истинный революционер.

Пьер Фурнье. Счастлив слышать это от вас, гражданска. Вы интернационалистка?

Софья. Угадали. (*Пауза*.) Мне хотелось бы задать вам еще один вопрос. Можно?

Пьер Фурнье. Конечно.

Софья. Считаете ли кто-нибудь из бланкистов, как и некоторые из нас, в том числе я, что прежде всего надо захватить Французский банк?

Пьер Фурнье. Таких немногих! Лично я глубоко убежден, что в банке почти не осталось ценностей.

Софья. А я не очень убеждена.

Робер Уэз. Да перестаньте же вы спорить хотя бы сейчас! Свободный Париж впервые стал вершителем собственной судьбы! Правда, гражданска Поля, правда, Жаннета, не надо сорираться сегодня, когда наконец восторжествовала республика. (*Петь*.) За Париж, за всемирную свободу!

Тонтон. И за Мэмэр, которая теперь немного вздохнет!

Мэмэр (*наливая вино*). Почему?

Тонтон (*смеясь*). До нее все еще не дошло! Да потому, что ты можешь теперь не беспокоиться, Мэмэр. Платежи отсрочены! С кошмаром векселей покончено!

Поля. Покончено с социальным неравенством. Отныне будут господствовать правда и справедливость без классовых и национальных различий! О, как это прекрасно!

Жанна-Мария (*тихо, иронически*, *Пьеру Фурнье*). Без классовых различий!

Шарло. Тонтон, если у тебя есть вещи в ломбарде, ты сможешь получить их обратно.

Тонтон (*расхохотавшись*). У меня — и вещи в ломбарде!

Анриетта (*к Мэмэр*). Во всяком случае, тебе больше не придется платить проценты.

Шарло. Но нас, двух друзей, ты будешь пойти бесплатно!

Анриетта и Мэмэр наливают вино. Проходит Анатоль де Курмон, щуплый, болезненный, закутанный в широкий живописный плащ.

Анатоль де Курмон (*приподнимая шляпу*). Граждане, имею честь...

Жанна-Мария (*бежит за ним с кружкой для пожертвований, которую сняла с дерева*). Для смельчаков восемьдесят восьмого! Они заслужили.

Тонтон (*смеясь*). Жаннетта не теряется!

Анатоль де Курмон возвращается и опускает деньги в кружку.

Анатоль де Курмон (*удалляясь, превышайно любезно*). Граждане, гражданки...

Жанна-Мария. Сбили спесь с господина артиста...

Робер Уэз. Да, Жаннетон, да, друзья мои,— все в порядке. Если наш сосед господин Анатоль де Курмон нам так низко кланяется, значит Республика четвертого сентября¹... (*смеясь*) весьма низко пала.

Входит растерянный Леон Уэз; строгий костюм, высокий воротник, седые волосы очень коротко острижены.

Леон Уэз. Убили... генералов Леконта и... Клемана Тома... на улице Розье.

Робер Уэз. Клемана Тома тоже? За что? Откуда он взялся?

Леон Уэз. Ничего не знаю... Говорят, он снимал план баррикады... передостатый в буржуа. (*Пауза*.) Как бы то ни было, у нас руки в крови.

Робер Уэз. А в Комитете бдительности не противились?..

¹ 4 сентября 1870 года парижские рабочие свергли империю и провозгласили республику. Власть захватили буржуазные либералы. В правительство вошли Жюль Симон, Жюль Фавр и Жюль Ферри, поэтому Республику четвертого сентября называют также «республикой Жюлей».

Леон Удэ (*тихо, устало*). Не знаю.

Жанна-Мария. Помилуйте, Удэ — отец и сын! Называть убийством казнь палача Бюзанвала! По его приказу была уничтожена национальная гвардия, посмеившая поднять оружие на пруссаков!..

Тонтон (*саркастически*). Еще бы! Парижу ведь грозило быть захваченным... парижанами.

Входят два национальных гвардейца.

Первый гвардец. Мы заняли ратушу.

Тонтон. Вы... мы... заняли?..

Второй гвардец. Ратушу, да, и без боя.

Пьер Фурнье. Но каким образом?

Первый гвардец. Жандармам пришлось удирать через подземный ход казармы Лобо.

Робер Удэ. А правительство?..

Второй гвардец. Сбежало в Версаль.

Первый гвардец. И солдаты наотрез отказались подчиняться младшим офицерам.

Силач. Вот это да!

Поля. Софья, слышишь?

Пьер Фурнье. Национальные гвардейцы преследовали беглецов?

Жанна-Мария. Это надо было сделать в первую очередь.

Робер Удэ. Ну, это уж слишком! Жаннета, Пьеро, теперь вы, кажется, недовольны, что ублюдок удрал в Версаль и Париж — в наших руках!

Леон Удэ (*не может прийти в себя, тихо*). Неужели они.. действительно.. покинули ратушу... все? Жюль Фавр, Винуа, Тьер?..

Пьер Фурнье. Кто же занял ратушу?

Первый гвардец. Брюонель.

Силач. Вот это да! Ну, если кому-нибудь из вас когда-нибудь что-нибудь понадобится, обращайтесь прямо к Силачу. (*Смеясь.*)

Совсем другое дело, когда в ратуше сидит свой парень. (*Подымая стакан.*) Еще раз за твоё здоровье, старая пушка!

Тонтон (*поднимая стакан*). И за бессовестно оклеветанное красное знамя!

Анриетта. Ой, кстати о знамени. У нас ведь есть красное знамя.

А мы даже не догадались вывесить! Где оно?

Поля. Да-да, давайте вывесим красное знамя!

Мээр. Я его сейчас достану. (*Уходит и вскоре возвращается со знаменем.*)

Анриетта (*в кулисах*). Я его сама прикреплю. (*Показывает.*)
Тут? Шарло, подыми меня!

Шарло собирается поднять Анриетту.

Робер Удэ. Риетта, я бы хотел — если тебя это не очень огорчит, — чтобы знамя вывесила (*указывая на Софию и Поля*) одна из этих гражданок в знак признательности за честь и радость, которые они нам доставляют, борясь рядом с нами. Знамя принадлежит им и нам в равной степени, и, мне кажется, мы обязаны...

Анриетта (*раздосадованная*). О, мне совершенно все равно. (*Протягивает знамя Роберу Удэ.*)

Робер Удэ передает ею Поле и поднимает ее. Поля прикрепляет знамя к дереву.

Робер Удэ. А теперь пусть только попробуют сорвать наше знамя! Мы им покажем! Париж пробуждается. И Париж разгневан!

КАРТИНА ВТОРАЯ

20 марта, пополудни, Пасмурная, дождливая погода. Редакция газеты «Глас народа». Всюду висят плакаты и карикатуры. Горят керосиновые лампы. Справа — кабинет Робера Удэ, заваленный ворохами бумаг, он сообщается с другим кабинетом, расположенным правее; дверей нет. За столом — Робер Удэ без пиджака. Перед ним приподнявшаяся Жанна-Мария. Неподалеку — Пьер Фурнье с газетой в руках. На скамье, разделяющей сцену, сидит Силач. Левая сторона сцены изображает вестибюль. В глубине проходят Верморель и Грелье, оба в сюртуках.

Грелье. К счастью, старина, скоро меня сменит Вайан. До чего же скучно быть министром ~~культуры~~ случайно не министром ~~культуры~~ случайно не министром какой-нибудь ~~культуры~~ публичной библиотеки.

Верморель. Да нет, черт возьми!

Уходят, помахав Силачу, который машет им в ответ.

Силач (про себя, смеясь). Каково! Зарвался этот Грелье! (Принимается читать газету.)

Жанна-Мария. Робер, ну есть ли у тебя хоть капля разума?

Закрыть булочную сегодня, двадцатого марта! Да ведь за последние два дня, с тех пор как Париж наш, не было ни одного грабежа!

Робер Удэ (раздраженно). Я тебе уже сказал: я согласен! Согласен!

Жанна-Мария. Ты согласен, но тем не менее возмущаешься что Пьеро и я наставляем...

Пьер Фурнье. Это потому, что в глубине души он не согласен (Иронически.) К лицу ли Коммуне идти по стопам империи кого-нибудь осудить, что-либо пресечь? Помилуйте!

Жанна-Мария (Роберу Удэ). Даже Мэмэр, слышишь, Мэмэр сказала, что гражданику Легро следует проучить.

Робер Удэ. Ну, раз сама Мэмэр сказала!

Справа, из второго кабинета, появляется Жюль Валлес.

Валлес (кланяясь). Гражданка Удэ! Гражданин Фурнье!

Оба отвечают на его приветствия.

Робер, ты видел в «Официеле» заметку о военных судах?

Робер Удэ. Видел и одобрил, гражданин Валлес!

Валлес. Необходимо напечатать ее в нашем завтрашнем номере.

Найдется еще место?

Робер Удэ. Найдется, конечно. Для больших новостей всегда есть место (К Фурнье и Жанне-Марии.) А мы об этом даже не упомянули из-за вашего вздора. Нет больше военных судов!

Что вы на это скажете? Похоронена империя!

Жанна-Мария. Ты так думаешь? А булочные продолжают закрывать.

Робер Удэ пожимает плечами.

Гражданин Валлес, у нас в пятом округе булочница по фамилии Легро только что закрыла свою лавку под предлогом...

Робер Удэ. ...что народ Парижа собирается грабить. Это ложь, и ты хочешь, чтобы наш «Глас» разоблачил ее. Мы уже с тобой об этом говорили. Жаннетон. Ну к чему докучать еще и гражданину Валлесу?

Из второго кабинета появляется очень худой человек с газетой в руках. Это Балашен.

Балашен. Послушайте, друзья... (Читает.) Мы «политическая бомба», мы вылезли «со дна сточных канав и кабаков», и догадайтесь, с какой целью! «Чтобы набить себе желудки...»

Робер Удэ (смеясь). ...на банкете революции!

Валлес (смеясь). И это пишет «Фигаро»! За глаза узпаю.

Пауза. Балашен удаляется вправо.

Если я вас правильно понял, гражданска Удэ, вы хотите, чтобы в нашей газете появилась заметка, осуждающая эти несвоевременные, более того, возмутительные действия лавочников?

Справа появляется второй газетчик.

Второй газетчик. Валлес, поди сюда, умоляю! Ты бросил свои листки как попало. Сам черт не разберет!

Валлес. Спокойно, мой мальчик, иду. (Жанне-Марии.) Извините, гражданска Удэ. (Роберу Удэ.) Займись этим делом! (Уходит.)

Жанна-Мария. Послушай, Робер.

Балашен (снова появившись с какими-то бумагами). Знаешь, Удэ, что сделали почтовые чиновники с улицы Гренель?

Жанна-Мария. Удрали в Версаль, разумеется!

Балашен. На самом деле, такой поток добрых вестей...

Зальеर Фурнье. Выкиньте про военные суды. Разоблачайте лучше дезорганизацию почтовой службы, дезертирство персонала, это поважнее. (Просматривает какие-то бумаги.)

Робер Удэ. И закрытие булочных. Ясно!

Из кулис зовут Балашена.

Балашен (*Роберу Удэ*). Решай сам, Робер. (*Уходит направо.*)

Жанна-Мария (*собираясь уходить*). Так вот, если ваш «Глас завтра» не выступит, я очень на тебя рассержусь. Особенно потому, что эта Легро... Вспомни прошлый июль! Ты первый тогда кричал, что ни одной буханки хлеба мы больше не kunnen у этой старой ведьмы. Я на тебя рассчитываю!

Робер Удэ (*выведенный из себя*). Я ведь обещал уже! Но, помни, только ради тебя, Жаннетта! Мне претит угрожать оскорблять людей. Что поделаешь, я такой, и ты это знаешь лучше чем кто-либо...

Жанна-Мария. Да, но я также хорошо знаю себя. Если завтра не появится заметка...

Робер Удэ (*полунасмешливо, полусердито*). ...я ее прочитаю по лезавтра в «Сосиаль»?

Жанна-Мария. Или даже у «Отца Дюшена». Думаешь, постесняюсь?.. Привет! (*Машет Роберу рукой, потом — Пьеру Фурнье.*) Пьеро!..

Робер Удэ. Привет, отважная!

Попрощавшись с Силачом, Жанна-Мария уходит.

Пьер Фурнье (*держа в руках бумагу*). До чего дошли! Посмел составить специальный протокол о своем несогласии с казны генералов Леконта и Клемана Тома! Отмежевались от народа! Вы быстро прогрессируете!

Робер Удэ. Но ты же знал, что этот протокол будет составлен. Мы не могли его не составить и не поместить в нашей газете. Так в чем же дело? (*Пауза.*) И вообще, что с тобой сегодня, Пьеро? Поссорился с гражданкой Софьей? Она назвала тебя эбертистом, а ты ее — жирондисткой? Сознайся!

Пьер Фурнье. Перестань!

Справа опять появляется Балашен.

Балашен. Свежая новость: на бульваре Монмартр какие-то провокаторы подстрекают толпу.

Робер Удэ. Что они говорят?

Балашен. Например, — что готовится нападение на булочные, следовательно их надо закрывать. Короче, — сеют панику. Что мы налишем об этом в газете?

Робер Удэ. А что думает Валлес?

Балашен. Ровно ничего, по той простой причине, что он куда-то исчез. Кроме ищет его, пока безуспешно.

Робер Удэ. Что ж, как только они объявятся, позвони меня, вместе решим.

Балашен уходит.

Пьер Фурнье. Это очень смахивает на вдову Легро!

Робер Удэ не отвечает. Пьер Фурнье прохаживается по кабинету. Слева появляется Тонтон.

Тонтон. Значит, ты, Силач, теперь служишь здесь рассыльным? Больше не обувашь народ?

Силач (*смеясь*). Нет, но зато «раззываю» мостовые и строю баррикады. (*Пауза.*) Ты хочешь повидать Удэ?

Тонтон. И его друзей. (*Пауза.*) Показывай дорогу, гражданин.

Силач провожает Тонтона направо.

Конечно, он здесь, бестия! (*Здороваются.*) Гражданин Удэ... Пьеро, тебя требуют в ратушу.

Пьер Фурнье. Что еще там стряслось?

Тонтон. Да опять прилепились какие-то бедняги, щелкают от головы зубами. Их хозяин, как водится, удрал в Версаль... (*Роберу Удэ.*) Гражданин Удэ, извините, что отнимаю у вас Пьеро, но он распоряжается монетками...

Пьер Фурнье. Пошли. (*Собирается уходить.*)

Робер Удэ (*кладет ему на плечо руку*). Не сердись, Пьеро, ладно? Вы были правы, Жаннетто и ты, я понял. Вдова Легро получит по заслугам, можешь не сомневаться,

Пьер Фурнье. Привет!

Тонтон. Привет, гражданин Удэ!

Силач. Привет и братство, граждане!

Тонтон и Пьер Фурнье уходят. Удэ прохаживается по комнате, затем садится. Слева появляется Бобур. Одет в приличное, но слегка помятое пальто.

Бобур (*Силачу*). Я хотел бы поговорить с гражданином Удэ. (*Протягивает свою визитную карточку*.) Я его старый друг.

Силач бросает на него подозрительный взгляд, но берет визитную карточку и относит ее Удэ.

Робер Удэ. Вот это да!

Силач. Ах, ты его знаешь? А я, глядя на его рожу, был готов поклясться, что он...

Робер Удэ. ...по меньшей мере сыщик имперской полиции?.. Но он всего-навсего жалкий борзописец, получающий по три су за строчку. Впусти!

Впустив Бобура, Силач останавливается поодаль и наблюдает.

Бобур (*запинаясь*). Я пришел от имени... (*бросив опасливый взгляд на Силача, тихо*) господина де Вильмессана просить вас о большом одолжении. Господин де Вильмессан... словом, мы были бы вам... весьма признательны... Словом, не согласитесь ли вы заступиться за нас перед гражданином Грелье на площади Бово...

Силач зло смеется. Робер Удэ делает ему знак, чтобы он вышел, но тот не обращает на него внимания.

Робер Удэ. Ты, парень, зря приписываешь мне власть, которой у меня нет. Мы, Валлес и я, тщетно твердим о полной свободе слова. Нас никто не слушает, в том числе и Центральный комитет. (*Пауза*.) И то уж хорошо, что завтра весь Париж снова прочитает в нашей газете очередную заметку Валлеса, протестующего против запрета газет. Несмотря на то, что некоторые газеты, а твоя особенно, изощряются в оплевывании республиканцев.

Бобур. Вас, видимо, рассердила статья о политической богеме... но я могу вас... право... заверить, что господин де Вильмессан первый... очень сожалел... С другой стороны, господин де Вильмессан и я лишь потому и осмелились... что, помня, как красноречиво вы когда-то защищали свободу слова для всех партий... мы надеялись, что и сегодня... вы придерживаетесь тех же взглядов...

Робер Удэ. Чего тебе надо? Чтобы я замолвил словечко Грелье? Ладно. Как верный сторонник свободы слова я попытаюсь... Однако я не уверен в успехе.

Силач (*более не сдерживаясь*). И тебе не стыдно, гражданин Удэ?! Хочешь заступиться за «Фигаро», которая обзываала нас каторжниками?.. Забыл? Всего лишь две недели назад... Ага! Что?.. Вспомнил?! (*Бобуру*.) А ты убирайся вон, да поживее, не то я тебя... (*Жестом берет его на мушку*.)

Испуганный Бобур пятится, но не уходит.

(*Увлекшись, забывает о нем и продолжает, обращаясь к Удэ*.) Так вот позволь тебе сказать: если когда-нибудь ты, Валлес или даже сам Центральный комитет вздумает разрешить его лживую газетенку, некий сержант и его взвод, не дожидаясь приказа, набрасывается на этих охмурителей и мигом всадят им пулю в лоб.

Робер Удэ (*строго*). А тем сержантом будешь ты?

ПРОХОД I

Коммуна. Граждане, народ Парижа сбросил ярмо, которое пытались ему навязать. Спокойный, невозмутимый в сознании своей силы, он без страха готовился достойно встретить падение наглых безумцев, осмелившихся посягнуть на целостность республики. Осадное положение снято. Безопасность всех граждан обеспечена при содействии национальной гвардии.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

22 марта. Улица Риволи. События происходят на площади Вандом перед «мирной» манифестацией и после нее. Погода плохая. Размахивая тростями и трехцветными флагами, проходят господин де Пэн, директор газеты «Пари журналь», виконт де Молинэ и несколько расфранченных молодчиков из «партии порядка». Их сопровождают подкупленный ими Бродяга — «белая блуз» и господин Бобур. Все кричат: «Порядок! Порядок! Да здравствует порядок!» Один из них время от времени вопит: «На мэрню Лувра!», другой — «Долой Центральный комитет!» или «Долой убийц!» За куцей процессией следует Непутевый рабочий — тоже «белая блуз».

Непутевый рабочий (раздавая «голубую ленту порядка»). Голубая лента порядка! Кому голубую ленту порядка?

Входит вдова Легро.

(Протягивая ей ленту.) Госпожа Легро, вы ее безусловно застали. (Представляется.) Робинэ, рабочий-литейщик с улицы Муфтар; я хорошо вас знаю. Да, если бы все торговцы закрыли свои лавки, как вы, госпожа Легро...

Вдова Легро (брюзгливо). ...у них были бы точно такие же неприятности. Вы пебось не знаете, что потом было! Ну, я вам сейчас расскажу. Эти господа издали декрет, да-да, — декрет... (Что-то говорит ей шепотом, затем громче, злорадно.) К счастью, когда дошло до дела, они, как всегда... (Отходит в сторону, наблюдает.)

Проходит Дююль — большой, внушительный, — останавливается, смотрит на жалкое шествие. Подходит к Непутевому рабочему, в упор, неприязненноглядит на него. Непутевому явно хочется обрушить Дююлю, даже ударить, но, не решившись, он молча удаляется. Дююль провожает его взглядом, затем тоже уходит.

Во время этой немой сцены участники манифестации обмениваются репликами.

Господин де Пэн. Стойте, господа! Мы рискуем быть принятыми за реакционеров. Предлагаю написать на нашем флаге: «Да здравствует Республика!».

Бобур (испуганно). Совершенно верно. Давайте последуем разумному совету господина де Пэн и напишем.

(Пауза.) У вас есть мел, господин де Пэн?

Виконт де Молинэ. Держу пари, что да!

Господин де Пэн. Вы выиграли пари, виконт.

Проходит очень нарядная буржуазка.

Непутевый рабочий (подходит к ней, горланя). Голубая лента порядка!

Дама, улыбаясь, берет ленту.

Господин де Пэн (собираясь стать на колени, чтобы писать). Здесь ужасно сырь!

Бобур. Можно расстелить... (уныло) «Патриота».

Господин де Пэн (очень сухо). Мерси! У меня есть моя «Пари журналь». (Расстилает газету, становится на колени и пишет на флаге: «Да здравствует Республика!»)

Виконт де Молинэ (подавленный). Бог мой, как все это грустно!

Господин де Пэн (поднимаясь). Не говорите!

Бобур. А разве не менее грустно, что «Фигаро» (вздыхая), несмотря на все обещания, которые были нам даны, уж не говоря о моем скромном вмешательстве, больше не может...

Виконт де Молинэ (внезапно развеселившись). Дорогой друг, наша сегодняшняя манифестация призвана не только помешать им проводить эти скандальные выборы, но и помочь свободной прессе — всей свободной прессе — вновь свободно выходить. Помните это!

Господин де Пэн (нетерпеливо). Мы теряем время. Не успеем присоединиться к остальным, окажемся изолированными и загнанными в угол, как крысы. Идемте же, господа.

Бродяга. Извините, господин де Пэн, вы ведь сами предложили остановиться.

Господин де Пэн. Мужлан! Я не давал вам слова!

Бродяга опускает голову.

Господин де Пэн (*неся флаг*). Порядок! Порядок! Да здравствует порядок!

Все подражают ему. Манифестанты уходят тесной кучкой. За ними следует Нелугевый рабочий, предлагая голубую ленту порядка. Толкая повозку с цветами, входит Ариэтта, ее сопровождает Рири.

Рири. Что я тебе говорил, Риетта? Я за полчаса сбыл все газеты. Правда, сегодня утром... «Отец Дюшена» такое выкинул!

Ариэтта (*смеясь*). А что скажет гражданин Удэ, когда узнает, что, вместо того чтобы продавать «Глас народа», как вселичные люди, ты побежал и предложил свои услуги... врагу номер один!

Рири. Удэ! И нацял бы меня! А потом я вовсе не побежал к «Отцу Дюшена». Он меня сам позвал. Помнишь? (*Пауза*.) Постой, я тебе лучше расскажу, как здорово пишет сегодня «Отец Дюшена»: «До чего же доволен папаша Дюшена! Черт возьми! В ожидании голосования он выпил не одну бутылку доброго вина! А под вечер отправился не спеша с друзьями на улицу Монтогрей, где проглотил солидную порцию требухи, так что... — а, вспомнил! — он весьма приятно подкрепился. И как бы ни старались версальские бездельники, им не удастся сбить его с толку...»

Ариэтта (*смеясь*). Послушай-ка, Рири, ты попросил бы папашу Дюшена пригласить и нас на улицу Монтогей. Мы ведь тоже его друзья!

Рири (*смеясь*). Неплохо придумала!

Входит Аббат с треником в руках. Направляется вслед за манифестантами, но, передумав, останавливается.

Аббат (*к Рири*). Я хотел бы поговорить с тобой, мой мальчик. Рири (*дерзко*). Мальчик слушает вас.

Аббат знаком подзывает Рири.

Ариэтта. Я вам не помешаю, господин аббат?

Аббат. Нисколько, дочь моя. (*К Рири*) Хочешь ли ты служить своей родине, юноша? (*Вынимает из кармана деньги*.)

Рири. Вот оно что: вы хотите, чтобы я присоединился к тем шалопаям, которые собираются волить или уже волят на площади Вандом против нас, против Центрального комитета! Не нужны мне ваши су. Подкупать газетчика «Отца Дюшена»! Это уж слишком!

Аббат (*удаляясь*). Да простит тебя господь бог!

Рири (*вслед ему*). Надо еще, чтобы он существовал! А он не существует, ваш господь, не существует!

Слышен отдаленный барабанный бой.

Ариэтта. Довольно, Рири!

Рири. А что, может, по-твоему, бог существует?

Аббат обращается к Рири, чтобы надрать ему уши, но в это время входит национальный гвардеец. Аббат уходит. Слышны крики: «Долой Центральный комитет! Долой убийц!»

Национальный гвардеец (*ложится плечами*). Осмелиться горланить такую чушь! Где? На площади Вандом! Перед салым Правосудием!¹ Какая наглость!

Рири. Вы идете туда?

Гвардеец утвердительно кивает.

Я — с вами!

Ариэтта. Я бы тоже пошла, но мне надо дождаться Шарло, а потом повозка... (*Пауза. К Рири*) Ты мне расскажешь?

Рири. Еще бы!

Рири и гвардеец уходят. Проходит Мартен-Бернар с газетой в руках.

Ариэтта. Чудная сирень! Пять су букет, гражданин!

Мартен-Бернар. Вот тебе пятнадцать. Пять за сирень. Десять за взгляд и голос.

Ариэтта (*смеясь*). Пятнадцать раз спасибо.

¹ Имеется в виду Дворец Правосудия на площади Вандом.

Мартен-Бернар. И ты не боишься продавать свои цветочки в двух шагах от площади Вандом? Ты что, не знаешь, гражданка, что там происходит манифестация?

Анриетта. Конечно, знаю. Я сама была бы на площади Вандом, если только...

Мартен-Бернар. Если только?

Анриетта. Вы очень любопытны, гражданин!

Мартен-Бернар. Нисколько. (Пауза.) Как тебя зовут?

Анриетта. Анриетта. Вам этого достаточно?

Мартен-Бернар. Вполне. Поскольку я не сыщик и не служу в полиции...

Донесется отдаленный крик: «Долой убийц!» и снова барабанный бой. Входит очень взъяренный Шарло. Он в форме национального гвардейца. При его появлении Мартен-Бернар отходит в сторону.

Шарло. Ринетта, извини, что опоздал... Я тебе расскажу...

Снова слышен барабанный бой.

Идем! Идем скорее... Это национальная гвардия разгоняет толпу.

Анриетта. А повозка?

Шарло. Брось здесь. Никто ее не утащит. Пошли!

Шарло и Анриетта убегают. Мартен-Бернар колеблется, не знает, пойти ли на площадь Вандом или оставаться на месте. Решив остаться, развертывает газету. Входит запыхавшийся, растерянный Анатоль де Курмон, без головного убора.

Анатоль де Курмон. Поль... какое счастье... что вы уже... здесь!

Мартен-Бернар (складывая газету). Что случилось? (Пауза.)

Вы не принесли свою картину?

Анатоль де Курмон. Нет, но знаю, где ее забыл: у Мейера. Она в безопасности, меня там знают. Словом, надеюсь... Поль,

правда, что эти дикари стреляли в манифестацию друзей по-

рядка? Я был... у Лагравжа, пили чай, вдруг... разнесся слух...

Тогда я не выдержал... И прибежал... Мне было просто необ-

ходимо, необходимо знать...

Мартен-Бернар. Если это вас успокоит, могу сообщить, что пушки, нацеленные на площадь Мира, не заряжены, слышатся выстрелы.

Анатоль де Курмон. Это национальная гвардия! Они стреляли, уверяю вас. Вы... вы же слышали!

Мартен-Бернар. Конечно, дорогой, но мне что-то не верится, чтобы национальная гвардия открыла огонь первой,

Снова выстрелы.

Анатоль де Курмон. Идем, да идем же! (Увлекает Мартен-Бернара за собой.)

На мгновение сцена пуста. Появляется Шарло с перепуганной Анриеттой.

Анриетта. Как ты можешь смеяться, Шарло, когда...

Шарло. Когда что? Все в порядке. Национальная гвардия ответила тем мерзавцам так, как они заслужили, не правда ли?

Вбегают молодчики из «партии порядка», волоча запачканный трехцветный флаг и раненого господина де Пэна.

Бобур. Мы были безоружны, безоружны, а они выстрелили!

Зиконд де Молив. Утверждая, что мы вооружены. (Нечаяннороняет трость со шпагой.)

Шарло (подняв трость и вынимая шпагу). А это что? Может быть, погремушка? (Бросается вслед за ними, но они разбегаются.)

Анриетта (хватая его за руку). Ты что, хочешь один?..

Шарло. Э, мне ничего не грозит!

Анриетта его не отпускает, он подчиняется. Входят два национальных гвардейца с воссилками, на которых лежит Силач. Они на мгновение опускают воссилки на землю, чтобы передохнуть.

Первый гвардец. Подумать только! Центральный комитет позволяет этим господам свободно разгуливать!

Второй гвардец. Они ведь опять где-нибудь соберутся!

Первый гвардец. Известно где: в районе Биржи.

Шарло. Ну что ж, достаточно направить туда один батальон из Бельвиля.

Первый гвардеец. Направить!.. Легко сказать! Аринетта (*подошла к носилкам, но не узнала накрытого прости-ней Силача*). Это... национальный гвардеец?

Второй гвардеец (*открывая лицо Силача*). Да, по прозвищу Силач. Бедный Силач! К счастью, у него нет ни отца, ни матери.

Аринетта (*кричит*). Шарло, да это Силач! Ты же его знаешь,— Силач, который был в нашем кафе в прошлую субботу... Они убили Силача! (*Кричит вошедшему старому франту*.) Эй, ты там, шляпу долой!

ИНТЕРМЕДИЯ II

Декорации и костюмы те же, что в первой интермеди. Бисмарк, прогарцевав на коне по помосту, исчезает. Банк заперся в сейфе. Рядом с пушкой в кресле сидит Ассамблей. Тьер стоит возле нее. Несмного правее — Миротворец. Он все еще в трехцветном шарфе.

Тьер (*как бы про себя*). Страшно подумать! Если девятнадцатого марта, при атаке Версала, у них было бы восемьдесят, даже семьдесят тысяч человек, наши солдаты снова... (*с ужасом*) воткнули бы штыки в землю.

Коммуна (*лицом к публике, как обычно, — провозглашает*). Граждане, принимая во внимание, что несколько батальонов, подстекаемые реакционными командирами, сочли возможным противиться нашему движению, а все попытки примирения с представителями Ассамблеи и Парижа оказались тщетными, Центральный комитет постановил: выборы состоятся, как уже объявлено, завтра, в воскресенье, двадцать шестого марта.

Ассамблей (*ерзает в кресле*). Мсье Тьер, мсье Тьер! (*Показывает палец на Коммуну*.) Послушайте! Она упрямится, призывают парижан... голосовать! А вы... вы молчите!

Тьер. Я как раз думаю, мадам. Ассамблей. Думаете! Думаете! В Марселе, Лионе, везде — вос-

стания... а вы все еще думаете! (*В воднении роняет свое вязанье*).

Тьер, глубоко вздыхая, подымает вязанье и подает Ассамблее. Затем знаком подзывает Миротворца. Бросив опасливый взгляд на Коммуну, тот направляется к Тьеру медленной, полной достоинства и печали походкой.

Ассамблей (*пронзительно кричит при виде трехцветного шарфа*). У-у, у-у! Мсье Тьер, если вы его прамете, пеняйте на себя!.. (*Напуганному и растерявшемуся Миротворцу*.) Республиканец! Убийца! У-у. У-у!

Тьер делает жест отчаяния, означающий: «Глупо, но я ничего не могу поделать, уходите!» Миротворец охотно подчиняется.

Коммуна (*наблюдавшая эту сцену — Миротворцу*). Ну что, гражданин, говорите?! (*Иронически*.) Быть может, Версаль изменил мнение?

Миротворец (*лепечет*). Я..., господин Тьер, со своей стороны, проявил необычайную говорчливость... Настолько, что я поверили, надеялся... на мгновение... Но общая атмосфера, увы, не позволяет... лишь путем двухсторонних переговоров можно было бы достичь...

Коммуна (*все более иронически*). Вы хотите уговорить меня сно-ва отложить выборы?

Миротворец. Это... в общем... словом, не совсем точно...

Коммуна. А не могли бы вы, граждане, обойтись без согласия Версала?

Миротворец (*расстроенный*). Вы требуете, гражданка, от меня поступка, который... я... при всем желании... право... не могу совершить... легально... в качестве законного представителя Ассамблеи... Республики... (*С отчаянием*.) Да поймите же вы меня наконец!

Отвернувшись от Миротворца, Коммуна возвращается на авансцену.

Коммуна (*проводила*). К сведению избирателей: Центральный комитет напоминает, что голосование закончится завтра в полночь.

Ассамблея вздрагивает во сне, но не просыпается. Тьер делает несколько шагов и садится, озабоченный. Миротворец кивает ему. Тьер убедившись, что Ассамблея крепко спит, отвечает жестом, означающим: «Подойдите!»

Миротворец (направляется к Тьеру, предусмотрительно сняв и спрятав в карман свой трехцветный шарф.) Господин Тьер, я заклинаю вас... Позвольте мне явиться в ратушу. (Указывая на Коммуну.) Вы ведь слышали: выборы состоятся завтра! (Трагически.) Они непременно состоятся. В таком случае не лучше ли, чтобы мы, мэры и депутаты... приняли в них участие? Париж — в руках экстремистов, господин Тьер; они угрожают свободной прессе... мелкой собственности, Французскому банку...

Тьер (вставая). Ладно, ладно, явитесь.

Миротворец (растяганный). Благодарю вас! (Удаляется. По прибытии в Париж снова повязывает шарф через плечо.)

Тьер (в глубоком раздумье, подперев голову). В конце концов это опять бесконечные разглагольствования; тем временем я реорганизую армию.

Миротворец (подходит к Коммуне, поглаживая свою фальшивую бороду). Гражданка, Ассамблея в своем громадном большинстве наконец сдалась под напором моих веских аргументов. Она не возражает, чтобы мы, мэры и депутаты города Парижа, призывали избирателей голосовать в полном согласии с Центральным комитетом... (Борода отваливается.)

Озадаченная Коммуна слегка отступает.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

25 марта. Полдунна. Погода неопределенная. Район вокзала Монпарнас. Стены покрыты афишами. Перед одной из них стоят Пьер Фурнье, Робер Уэй, Поля и Софья. Она в дорожном костюме, с чемоданом в руках.

Пьер Фурнье (Софье). Теперь вы убедились, что я не выдумывал? Видите, они перетащили свои митральезы в мэрию второго округа.

Робер Уэй (смеясь). Готов поклясться: после неожиданного визита национальной гвардии в мэрию первого округа, мэрия второго показалась им более надежной.

Пьер Фурнье. Это потому, что мэрия второго все еще в руках мэров, а батальоны клики порядка все еще располагают митральеами. (Софье.) А вы в это время...

Софья (спокойно). ...еду в провинцию рассказывать людям, что мы собираемся делать в Париже; пусть везде создают Коммуны, как в Марселе.

Пьер Фурнье (иронически). Вердикт, федеральный совет Интернационала считает связь с провинцией важнее защиты Парижа. Софья. Скажите лучше, гражданин Фурнье, что вас огорчает мой отъезд.

Пауза.

Поля. А со мной ты и говорить не хочешь, Софья? Сердишься, что не еду с тобой? Мне действительно следовало бы поехать?

Робер Уэй. Да нет, Поля, тебе не надо ехать. Что бы там ни говорили, сердце Франции бьется и всегда будет биться между Монмартром и Монружем. А ты, Пьеро, — молчи! (Читает афишу.) «Мы долго протягивали братскую руку нашим противникам.

Поля что-то шепчет на ухо Софье, та тихо смеется.

Но перевозка митральеуз в мэрию второго округа вынуждает нас сохранить наше решение. Выборы состоятся в воскресенье, двадцать шестого марта. (Пьеру Фурнье.) А ты расшумелся! Центральный комитет всех держит в ежовых рукавицах! (Софье, выражаящий нетерпение.) Гражданка Софья, я кончил, мы следуем за вами.

Все уходят налево. На короткое мгновение сцена пуста. Появляется запыхавшийся, перепуганный господин в цилиндре и быстро пересекает сцену слева направо. Голос Рири: «Читайте «Глас народа»! Главный редактор — Жюль Валлес! Ублюдок разоблачен! Читайте «Глас народа»!»

Входят Рири с газетами под мышкой и Тонтон в рабочей блузке, вся ее афиши и банку с kleem.

Тонтон. Не ори так, малыш, охрипнишь.

Рири. Если я не охрип на улице Эстрапад, Тонтон, то уж не охрип ну. (Пауза). Как ты думаешь, сколько я продал газет? Всемьдесят — в пятом и всего двадцать одну — в шестом. Вот тебе твой хваленый шестой.

Тонтон. Не клевещи на мой район, Рири, не то...

Рири (смеясь). Ну и район, нечего сказать! (Показывает на афишу.) Погляди-ка, эта висит здесь по крайней мере пять дней, а твои монпарнасы ее даже пальцем не тронули! (Читает, иронизируя.) «Принимая во внимание, что проведение выборов является актом национального суверенитета, осуществлять который надлежит лишь власти, установленной в результате всесобщего голосования...»

Тонтон (читает, смеясь). «...что комитет, водворившийся в ратуше, не обладает ни соответствующим правом, ни авторитетом...»

Рири (читает). «..., Журналь де ляба», „Фигаро“, „Голу“, „Парижский журнал“...» (Пытается сорвать афишу.)

Тонтон (читает, смеясь). «... и „Авекир либераль“ призывают избирателей не голосовать...». Так?

Рири (смеясь). Так. (Тщетно пытаясь сорвать афишу.) Помоги мне, Тонтон, видишь,— она не поддается...

Тонтон (не выпуская свои афиши из-под мышки). Минуточку, малыш. (Читает другое обращение.) «Кто такие члены Центрального комитета? Какие-то неизвестные личности». Следовать за ними (смеясь) значит кинуться в неизвестность! (Заклеивая обращение своей афишей.) Ну ладно: мэры — люди известные да к тому же теперь наши добрые друзья, раз пришли за парижанами право выборов, потому предоставим им слово!

Справа входят Поля, Пьер Фурнье и Робер Удэ.

Рири. Смотри, Тонтон, кто сюда топает!

Тонтон. Клянусь честью, это Удэ и Пьеро, и Варшава-красас! (Смеясь.) Чем вызвано,уважаемые граждане, ваше вторжение в мои владения? А, догадываюсь! (Смеясь.) Мэрия пятого округа после отставки своего «законного» мэра перешла в ру-

ки коммунаров. И вы, как благонамеренные граждане, решили, что пора удирать в Версаль Верно?

Робер Удэ (смеясь). Только отчасти. (Пауза.) Гражданин Тонтон, разреши доложить: мы только что проводили на вокзал гражданику Софью...

Пьер Фурнье... которая хочет привлечь на сторону революции всю Францию, тогда как в самом Париже, несмотря на все наши усилия...

Робер Удэ (покупая газету у Рири, который смотрит на Поля). Нет, сдачу оставь себе, малыш, на нее ты сможешь купить под шумок «Папашу Дюшена» и передать его потом Полье.

Поля (кладет руку на голову Рири и, заглянув через плечо Робера Удэ, читает). «Колокол призывает к труду, а не к бою». Как это прекрасно!

Тонтон (так же заглянув через плечо Удэ, читает). «Кровь больше не льется, ружья отдыхают, Париж — свободный город. Народные избранники немедленно приступят к переговорам с версальским правительством по вопросу о сохранении статуса квартала без борьбы». Голова все же, этот чертов Валлес!

Пьер Фурнье. Но мэры никогда не согласятся на статус квартала без борьбы!

Тонтон. Не знаю, согласны ли они на самом деле, но (указывая на декларацию мэров) заявляют, что согласны. Я расклеиваю их декларацию и знаю ее наизусть. (Подводит всех к декларации мэров.)

Робер Удэ (пробегая глазами декларацию). Все спасено! Поля. Пьеро, мэры подписали вместе с нами! Прочитайте-ка это.

Поля (читает). «Мы добились безоговорочного признания прав Парижа, который в кратчайший срок изберет свой муниципальный совет».

Робер Удэ (смеясь). Подписано: Эдгар Кинэ, Луи Блан, Клемансо. Что скажешь, Пьеро?

Пьер Фурнье. Ничего. Пошли? (Уходит вправо.)

Робер Удэ. Да что с ним? Что с ним происходит? (Шепчет что-то на ухо Полье.)

Робер Удэ и Поля быстро идут за Пьером Фурнье.

Рири. Тонтон, мне тоже надо бежать. (*Уходит вслед за ними.*)

Тонтон (*смеясь, Riri*). Мой привет гражданке Поле!

Входят два национальных гвардейца.

Первый гвардеец. Салют, Тонтон!

Второй гвардеец. Тонтон, передай Удэ-старшему от имени национальной гвардии...

Тонтон. ...что граждане делегаты финансов — Варлэн, Журд и сам Удэ — дали себя облапошить господину маркизу де Пляк!¹...

Второй гвардеец. ...и что они — тряпки. Согласиться на тридцать пять тысяч франков, когда Центральному комитету необходимо семьдесят! В банке они есть, надо было выудить их!

Тонтон. То-то...

Первый гвардеец (*просмотрев декларацию мэров*). Как ты думаешь, зачем мэры подписали вместе с нами?

Тонтон. Ну?!

Второй гвардеец. Мне это кажется довольно подозрительным.

Первый гвардеец. Мне тоже, но, откровенно говоря, я слишком хочу спать, чтобы думать об этом. Утром — батальоны порядка, после обеда — хлопоты о солдатском содержании, вечером — дискуссии... Идешь?

Второй гвардеец утвердительно кивает.

Тонтон. Я вас немного провожу. Заодно оклею улицу Кампань-Премьер.

Уходят направо. Сцена на мгновение пуста. Затем справа входят Аббат, маленькая баронесса Сибилла, которую сопровождает служанка Анжела, нагруженная картонками, за ними — Пэлажи, служанка членодавца Анатоля де Курмона, и, наконец, — сам де Курмон с накинутым на руку пледом.

Сибилла (*осматриваясь*). Разумеется, Эктора еще нет. Однако уже три часа. (*Аббату*). Дядюшка, правда — уже три часа?

¹ Маркиз де Пляк — вице-директор Французского банка, с 23 марта фактический его директор.

Аббат. Без пяти три.

Анатоль де Курмон. Как вы думаете, аббат, что делали сейчас... здесь те господа? Извините за назойливость, но, как по вашему, они нас заметили?

Аббат. Ну допустим даже, что этот краснобай, гражданин Удэ заметил нас!

Сибилла. Дядя, вам никогда раньше не попадалась эта курочка, которая сопровождала господ патриотов? Даю руку на отсечение,— она берлинской породы! О, если Эктор через три минуты не появится!.. Не могу же я ехать в Версаль абсолютно голая! (*Анатолю де Курмону, читающему декларацию мэров*.) А вы, друг мой, поезжайте. (*Пауза.*) Анжела, о чем вы думаете? Мои несчастные шляпки будут совершенно измяты.

Анжела. Прошу прощения, мадемузель.

Анатоль де Курмон (*обращаясь к Аббату*). Посмотрите, аббат! Мэры подписали декларацию вместе с убийцами из ратуши. (*Глубоко вздыхая.*) Ах, эти дни настали словно нарочно, чтобы доказать ничтожность человеческого существования!

Аббат (*саркастически*). Неужели вы надеялись, что господа Луи Блан и Клемансо не перешагнут через баррикады, чтобы присоединиться к своим республиканским дружкам!

Сибилла. Мужчины, когда вы наконец прекратите ваши дискуссии? (*Пауза.*) Боже мой, куда девался этот проклятый Эктор!

Анатоль де Курмон (*озабоченно*). Боюсь, что мы уже опоздали на поезд.

Сибилла. Но я вам уже сказала, Анатоль...

Аббат. А что случится, если вы поедете следующим?

Анатоль де Курмон. Аббат, вы... вы на меня сердитесь за то, что я уезжаю в Версаль... Мой бедный Эдуард перед смертью вверил меня вам, и вы... согласились взять на себя эту чрезмерную обузу... Я должен был, очевидно, остаться с вами, тем более что бросить так мою виллу... Но, право же, после...

Аббат (*раздраженно*). Знаю, после манифестации на площади Вандом, где чуть было, по вине вашего ультракрасного товарища...

Анатоль де Курмона. Не говорите дурно о Поле, аббат. Несмотря на левые убеждения, он старый и верный друг. (*Пауза.*) И вот доказательство: благодаря ему не только я, но (*указывая на Сибиллу*) и ваша племянница, которую он даже никогда не видел, добились... (*важно*) пропусков! (*Грустно.*) И он был первым торговцем, который когда-то... когда я еще писал картины...

Сибилла (*Аббату*). Дядя, почему мы, наконец, не можем покинуть этот ужасный, бесконечно бунтующий город? (*Полусерьезно, полуукачиво.*) Не все же святые или герои, как вы.

Аббат. Тебя я ни в чем не упрекаю, Сибилла. Тебя зовет мама, ты едешь к ней, и отлично.

Анатоль де Курмон (*грустно*). Вы думаете, поскольку меня никто... (*Слезами в голосе.*) Меня-то действительно никто не зовет...

Аббат. Не приписывайте мне, Анатоль, того, что я не говорил. Я просто считал необходимым предупредить, что вы не найдете в Версале жилья. (*Сибилле.*) Что касается меня, Сибилла, оставаясь здесь, я лишь исполняю свой долг. В Париже всегда будут новорожденные и умирающие. Значит, будут нужны священники. (*В сторону.*) Не следи я неусыпно за моим викарием, он давно перешел бы на сторону черни (*иронически*): из верности к нашему господу Богу вступил бы... за угнетенных.

Анатоль де Курмон. А между тем... время идет.

Сибилла. Я вам повторяю, мой друг...

Слева возвращается растерянный господин в цилиндре.

Господин. Кто мог подумать, что первый поезд будет представлять такое трагическое зрелище?

Анатоль де Курмон. Какое зрелище? Расскажите! Расскажите! Господин. Я не нашел ни одного сидячего места... Так набито... будто вагоны для скота.

Справа входит Эктор, нагруженный чемоданами, запыхавшийся, что-то бормочущий.

Сибилла. Ах, вот и вы наконец...

Аббат. Сколько ты успел пропустить стаканчиков, каналья? Анатоль де Курмона. Сибилла, пойдемте, ради Бога. Как знать, может быть, еще успеем? Постоим, что поделаешь! Идем, да идем же...

Господин. Вы... вы правы... я тоже вернусь на вокзал... вместе с вами!

Анатоль де Курмон. Добрая моя Пэлажи, я могу рассчитывать на вас, не так ли?.. Вы будете охранять виллу... Но если когда-нибудь... по возвращении я констатирую, что ее оградили!..

Пэлажи. Месье может оказать мне честь...

Анатоль де Курмон. Храни вас Бог, аббат!

Аббат (*пожимая руку Анатоля де Курмона*). Да хранит он прежде всего Францию!

ПРОХОД II

Коммуна. Центральный комитет. Выборы в Коммуну. Граждане, наша миссия окончена, мы уступаем место в ратуше вашим новым избранникам, вашим законным представителям. Республика спасена!

«Марсельеза».

КАРТИНА ПЯТАЯ

27 марта. Площадь Ратуши. Ясный солнечный день. Привозглашение Коммуны. Рабочие, работницы, горожане, горожанки (блузы и сюртуки вперемешку). Национальные гвардейцы. Тонтон, Мээр, Рири, Леон Уэз, Гарibalдике (в форме: шляпа с пером и т. д.). На плечах двух рядов стоящих статуй примились Ариэтта и Жанна-Мария. Все расположены лицом к публике: официальная трибуна предполагается в первых рядах партера.

Ариэтта. А старик в высокой шляпе кто такой, Жаннетон?

Жанна-Мария (смеясь). Та шляпа? Да это Делеклюз!

Тонтон (*восхищенно и вместе с тем педантично*). Старейший боец старой гвардии!

Гарibalльдиец (*Анриэтте, с которой ему хочется заговорить*).
А вот там, видишь, мадемузель? (*Показывает*) Рядом с ним.
Жанна-Мария (*опередив гарibalльдийца*). Рядом с ним, высокий с усиками — Эд.

Гарibalльдиец, не обидевшись, утвердительно кивает.

Тонтон. Да, Эд! Его наверняка расстреляли бы за дело Ла-Виллетта, если бы за это время у нас не было «четвертого сентября». Национальный гвардеец (*смеясь*). Но, к счастью, оно было, дедушка; мы даже еще кое-что успели с тех пор.

Смех.

Жанна-Мария. А там, видишь, Рири?
Рири. Риетте небось все видло, а мне ничего!
Тонтон (*смеясь*). Бедняга Рири! Конечно, ему ничего не видать. Вы ведь заняли его место.

Анриэтта (*смеясь*). Очень сожалею, но очередь моя, он целый час занимал «свое место»!

Гарibalльдиец. Подтверждаю!
Жанна-Мария (*к Рири*). Я уступлю тебе свое через пять минут. Мэмэр (*Тонтону*). Подними же Рири, пусть посмотрит, бедняжка! Тонтон. Ты права, Мэмэр. Такой день запоминается на всю жизнь.

Лезь ко мне на плечи, малыш.

Рири. Малыш? Мне пятнадцать лет!
Анриэтта. Ну конечно, малыш, ведь в национальную гвардию принимают только с шестнадцати.

Рири. Ну, если они меня не примут!..

Жанна-Мария. Парижу крышка, ясиол
Рири. Будет вам обенм!.. А дед с белой бородой... нет,— тот... да, тот, кто он такой?

Жанна-Мария. Не знаю... Кто это, Тонтон?
Тонтон. Господин Бэлэ. (*К Мэмэр*.) Богач, который за нас. Он друг Прудона, но все же порядочный человек.

Леон Удэ (*задетый*). Все же!

Смех. Прудоистские взгляды Леона Удэ известны всем, его реакцию ждали.

Анриэтта. А старик в середине, Жаннета, это — Бланки? Тонтон (*очень взволнованный*). Бланки? Ты видишь Бланки? Бланки здесь?

Первый национальный гвардеец. Увы, нет, гражданин. Второй национальный гвардеец. По той простой причине, что по приказу ублюдка его арестовали в департаменте Ло. Первый национальный гвардеец. Семнадцатого марта, будто случайно.

Тонтон (*удрученный*). Они арестовали Бланки! Он не будет участвовать в Коммуне!

Голос Ранвье. Граждане, мое сердце переполнено радостью. Я не буду говорить длинных речей. Разрешите мне только прославить народ Парижа за великий пример, который он подал всему миру.

Жанна-Мария. Да здравствует Ранвье!
Все. Да здравствует Париж!
Тонтон (*тихо*). Они арестовали его, самого лучшего!
Голос Ранвье. Именем народа Коммуна провозглашена!
Тонтон. Да здравствует Коммуна!
Жанна-Мария. Да здравствует Центральный комитет!
Леон Удэ. Да здравствует Республика!

Национальные гвардейцы подбрасывают вверх свои кепи, ловят и кружат их на остриях штыков. Тонтон тоже бросает свое кепи в воздух. Анриэтта снимает и подбрасывает вверх туфли, затем безуспешно пытается поймать их.

Гарibalльдиец (*схватив туфли*). Можно?
Анриэтта. Сегодня все можно!
Гарibalльдиец. В таком случае... (*Надевает ей туфли и целует ножки*.)

Впрочем, целуются все: Тонтон целует Мэмэр в обе щеки. Мэмэр целует Рири, спрыгнувшего с плеч Тонтона, и Анриэтту, которая, наклонившись к ней, чуть не свалилась на национального гвардейца. Смех.

Рири. Отлично. Я снова займу свое место.

Жанна-Мария. Нет, ты займешь мое. (*Спускается со статуи*.)

Рири (*взбираясь на статую*). Риетта, тебе не мешало бы последовать примеру Жанны-Марии.

Тонтон. Ай да Рири!

В глубине сцены справа появляется Анри Лагард с повязкой Красного Креста на рукаве. Он поддерживает очень бледную Полю.

Анри Лагард. Что вы стоите? Видите, ей плохо! Пусть кто-нибудь сбегает за водой.

Рири, спрыгнув со статуи, подбегает к Поле.

Анриетта (*спускаясь со своей статуи*). Что с тобой, Поля? Что случилось?

Поля. О, ничего серьезного. Я чуть не потеряла сознание. Жара, народ... Но я счастлива, Анриетта, так счастлива, что Коммуна наконец провозглашена!

Жанна-Мария. Я все же скажу за водой.

Поля. Не стоит, мне уже лучше.

Анри Лагард (*Жанне-Марии*). Спасибо. (*Укладывает Полю*.)

Рири. Поля... тебе нехорошо?

Поля. Не беспокойся, Рири. Это просто от духоты, возможно, от волнения. Такой великий день! (*Вставая*.) Прошло.

Жанна-Мария (*смеясь*). Ну, уж если санитарки падают в обморок!. (*Анри Лагарду*.) Вы дежурите?

Анри Лагард. Нет, мадемузель. Я не участник Коммуны.

Жанна-Мария. Жаль, гражданин.

Анри Лагард пристально смотрит на Жанну-Марию.

Рири. Поля, тебе уже совсем хорошо?

Поля. Совсем хорошо.

Слева на переднем плане появляются национальные гвардейцы, волокущие пушку. Среди них — Пьер Фурнье и Балашен. Пьер на ходу подписывает бумагу и передает ее Балашену, который, взял ее, уходит. Пьер Фурнье не видит своих друзей; Тонтон первый замечает его.

Тонтон. Да это Пьер! В службе порядка!

Жанна-Мария (*смеясь*). Правительства беспорядка!

Пьер Фурнье (*смеясь*). Новое доказательство угнетения гнусной, кровавой диктатурой несчастных парижских пролетариев... Жанна-Мария (*смеясь*). ...обманутых тоталитарной пропагандой!

Робер Уде (*входя*). Здравствуй, Жаннетта. Здравствуй, Поля! Здравствуйте все! Ну, Пьеро, надеюсь, теперь-то ты не скажешь, что нас только горстка.

Пьер Фурнье (*смеясь*). Я мог бы, однако, возразить; будь здесь по-настоящему много народа, мы с тобой и вовсе не встретились бы.

Жанна-Мария. Но ты этого не сделаешь!

Робер Уде. И ты также не скажешь, что девяносто членов муниципального совета... извины, Коммуны...

Пьер Фурнье (*смеясь*)... избираются несвоевременно, потому что Версаль, воспользовавшись этими выборами... Нет, возможно, я и должен был это сказать, но не скажу.

Поля (*смеясь*). В добный час!

Пьер Фурнье присоединяется к позвавшим его национальным гвардейцам и уходит вместе с ними.

Робер Уде (*целуя Полю*). За ваши слова! Жаннетта, поди поцелуемся в честь нашей прекрасной мирной революции.

Тонтон. Знаешь, они арестовали Бланки.

Робер Уде кивает утвердительно.

Национальный гвардеец. Не волнуйся, дедушка, мы непременно вызволим его из каталажки.

Голос Варлена. Жители Парижа! Вы стали хозяевами своих судеб. Благодаря вашей поддержке избранная вами представительская власть справится с бедствиями, причиненными свергнутым режимом. Долгожданное решение о квартирной плате вошло в силу с сегодняшнего дня...

Жанна-Мария. Слышишь, Тонтон? Отсрочка квартирной платы уже с сегодняшнего дня!..

Голос Варлена. Завтра будет обнародовано постановление об отсрочке векселей.

Тонтон. Мэмэр, что мы тебе говорили?

Анриетта (смеясь). С завтрашнего дня — конец твоим денежным затруднениям.

Голос Варлена. Все службы будут восстановлены и упрощены..

Жанна-Мария (смеясь). Новый проступок социалистической бюрократии!

Голос Варлена. Национальная гвардия отныне — единственная армия, и она будет немедленно реорганизована. Таковы наши первые шаги.

Тонтон. Да здравствует национальная гвардия!

Жанна-Мария. Да здравствует социальная республика!

Голос. Да здравствует Варлен!

Робер Удэ. И пусть шпионы Версала, рыщущие под нашими стенами, расскажут своим хозяевам, чем дышат сегодня жители Парижа!

Анриетта. Они-то расскажут! Но что скажете вы, друзья мои, о бутылке доброго красного вина?

Робер Удэ (смеясь). Раз речь зашла о единодушии!..

Жанна-Мария. Принято!

Тонтон (поднимая руку). Единодушно!

Мэмэр. Да погодите вы, еще не кончено!

Леон Удэ, добродушно улыбаясь, треплет Мэмэр по плечу.

Тонтон. Мы вернемся, Мэмэр, вернемся.

Гарibalльдиц. Можно и мне, гражданка Анриетта, присоединиться к вам, если, конечно, твоя уважаемая мама разрешит?

Мэмэр. Разрешаю, молодец.

Жанна-Мария (смеясь). Мэмэр — под впечатлением решения о квартирной плате!

Робер Удэ. А Жаннетон — в своей тарелке. (Уходит налево, взяв под руки Полю и Жанну-Марию.)

Мэмэр, Тонтон, Леон Удэ, Анриетта, Гарibalльдиц, Рири и некоторые другие следуют за ними. Ани Лагард, видимо, тоже хотел присоединиться к ним, но, передумав, уходит в противоположную сторону. Толпа постепенно расходится. Слышится не-

ние «Марсельезы». Сцена на мгновение пуста. В глубине слева появляются Мартен-Беркар и Пешто, он очень высок ростом, отлично одет, брюки фасона «дипломат».

Пешто (забоченно). Что это, по-вашему, Поль? Муниципальное движение, социальная или политическая революция?

Мартен-Беркар. Это сбирающе объединяет самые различные элементы.

Уходят направо.

Голос одного из членов Коммуны. Граждане, сплотитесь с доверием вокруг вашей Коммуны, облегчите ее работу, позвольте вашим братьям руководить вами, и вы добьетесь своей цели: придет к всемирной республике!

Голоса. Да здравствует всемирная республика!

ПРОХОД III

Коммуна. Пусть возворятся честность, труд, справедливость. Раскройте двери просвещенному пролетариату, подлинному представителю народа, единственному классу, свободному от ошибок и слабостей прошлого, единственному классу, способному спасти страну.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

29 марта. Муниципальная комиссия мэрии пятого округа. На стеле — афиши. Как и в редакции газеты «Глас народа», сцена разделена на две части. Справа — письменный стол, за которым сидят Пьер Фурнье. Неподалеку прохаживается Робер Удэ. Напротив Пьера Фурнье за столом что-то пишет Слуящий пивной на бульваре Бон-Нувель. Слева у столика — шупленский, хильд Рассильи и редакция. Рядом с ним — Дюдюль, курьер из газеты «Отец Дюшен», крупный, толстощекий. На столе — откупоренная бутылка, скакавы. Возле стола — корзина с бутылками. На скамье, разделяющей сцену, лицом к столу сидят Старый рабочий в блузке и Убогая женщина с шалью на плечах.

Служащий пивной. Как мне написать, гражданин?

Робер Удэ (останавливаясь). Так, как ты нам рассказал: хозяин, владелец пивной на улице Бон-Нувель номер такой-то, уво-

лил тебя за то, что ты «слушал выражая свои симпатии к Коммуне».

Пьер Фурнье. И при этом объявил, что он выгонит любого служащего, разделяющего взгляды Коммуны.

Служащий пивной и Пьер Фурнье пишут. Робер Уде просматривает газету.

Дюдюль (*чокаясь с рассыльным и со стариком*). Ну, теперь посмеяйте только плохо отзываться о папаше Дюшене!

Рассыльный. Никогда в жизни! Однако, откровенно говоря, мы этим обижены не папаше Дюшенну, а тебе, Дюдюль. Не будь его курьера...

Дюдюль (*смеясь*). Верно, мне велели поить национальную гвардию, а не муниципальную комиссию пятого округа. Но граждане из муниципальной комиссии тоже хорошо трусятся...

Рассыльный (*смеясь*) ...потому ты поишь заодно и рассыльного комиссии!

Дюдюль. И гражданина посетителя. (*Вновь наливает старому рабочему*) И гражданику тоже. (*Предлагает женщине выпить, она отказывается*) Только это винно, кажется, не пришло ей по вкусу.

Убогая женщина. Не в этом дело... просто я никогда не пью...
Дюдюль. Как знаешь. (*Поднимая стакан*) За здоровье «Отца Дюшена»!

Рассыльный. Тише! Гражданин Уде рядом, и если он услышит это имя!..

Служащий пивной (*кончив писать, показывает свою бумагу Фурнье и Уде*). Сойдет?

Пьер Фурнье. Отлично.

Служащий встает.
И не бойся, гражданин, хозяин будет вынужден принять тебя обратно.

Робер Уде (*поглядывая на него*). А если окажется, дай нам знать.

Служащий пивной, поклав им руки, выходит в вестибюль, прощается с рассыльным и уходит. Старый рабочий встает.

рассыльный. Сожалею, гражданин, но сейчас очередь гражданки.

Старый рабочий (*смущенно*). Извините, я спутал. Убогая женщина. О, благодарю вас, благодарю!

Рассыльный вводит женщину в кабинет и возвращается.

Дюдюль (*поднимая корзину*). А теперь пора обслужить национальную гвардию!

Рассыльный. Да, пора бы! Спасибо, и до скорой встречи!

Пьер Фурнье указывает вошедшей женщине на стул, но та продолжает стоять.

Убогая женщина (*лепечет*). Прошу... прошу прощения за беспокойство, граждане. Мне передали, что у вас можно узнать... Верно ли, что я могу съехать с квартиры и увезти свои вещи, не уплатив задолженности хозяину?

Пьер Фурнье. Совершенно верно. Разве вы не читали декрет Коммуны?

Убогая женщина. Да-да, мне его показывали, но я думала, что не так поняла...

Пьер Фурнье. Вы в состоянии уплатить свою задолженность?

Убогая женщина. Откуда же?! Я восемь месяцев без работы. Раньше мы жили на гроши моего мужа, который работал сторожем в двадцать первом округе. Но он умер... от удара. А мне нужно прокормить троих малышей. Все, что было, снесла в ломбард.

Пьер Фурнье. Как фамилия вашего домовладельца?

Убогая женщина. Господин Пишамбар, предприниматель, вы его наверняка знаете.

Робер Уде. Подумать только, больше трети домов в округе принадлежат этому проходимцу!

Пьер Фурнье. Такой же проходимец, как все люди его класса. (*Женщина*) Гражданка, вы можете съехать с квартиры в любой день.

Убогая женщина. А у меня ничего не отберут? Я смогу забрать все вещи? Белье? Одежду?

Робер Удэ. Все, все, моя милая!

Убогая женщина. Но господин Пишамбар никогда не согласится! Он такой бессердечный! В прошлом году он добился, чтобы наложили арест на имущество моей соседки, бедной старухи, муж которой находился в больнице.

Пьер Фурнье. В прошлом году он делал что хотел, закон был на его стороне. Сегодня закон — на стороне справедливости. Каждый обязан нести свою долю общих бедствий.

Робер Удэ. Если он будет противиться, загляните в мэрию к Фурнье или ко мне в редакцию газеты «Глас народа». Зовут меня Робер Удэ.

Убогая женщина. О, благодарю вас, благодарю!

Робер Удэ (*проводя ее*). Благодарить надо не нас, гражданка, а Парижскую коммуну, революционный народ.

Убогая женщина направляется налево к выходу, потом в нерешительности останавливается — ей хочется еще что-то выяснить.

Робер Удэ (*проводив женщину, Пьера Фурнье*). Ты обратил внимание на ее жалкую шаль?

Пьер Фурнье. В ломбарде, верно, не приняли.

Рассыльный (*заметив женщину*). Вы что-нибудь забыли, гражданка?

Убогая женщина. Да-да... (*Снова входит в кабинет*.) Извините, граждане, но я хотела еще спросить... насчет ломбарда... могу я быть уверена...

Пьер Фурнье. Можете быть совершенно уверены, гражданка, что через месяц, максимум — два вы получите все ваше имущество при условии, что выданная вам ссуда не превышает двадцати франков.

Робер Удэ (*Пьери Фурнье, тихо*). Зачем ты ее смушаешь? Ясно, что у нее там не больше чем на двадцать франков!

Убогая женщина. Спасибо, спасибо вам, граждане, и простите, что отняла у вас... столько... времени. (*Выходит*.)

Попрощавшись с женщиной, рассыльный делает знак старому рабочему, что настала его очередь. Рабочий встает и теперь роется в карманах.

Старый рабочий. Я забыл, кажется... (*Продолжает искать*.) Пьер Фурнье. Знаешь, Робер, иногда я просто счастлив, что представляю власть.

Старый рабочий (*извлекая из кармана бумагу*). Нет, опять не то.

Робер Удэ. Я люблю тебя, Пьера, за то, что ты так любишь людей.

Пьер Фурнье. Ты их любишь больше, и ты — сердечнее. Ты был совершенство прав... относительно двадцати франков!..

Робер Удэ дружески треплет по плечу Пьера Фурнье.

Старый рабочий (*найдя наконец нужную бумагу*). Это мой расчетный лист. Очень хотелось бы узнать в комиссии...

Слева входит очень взъятованная Мэмэр и направляется прямо в кабинет.

Рассыльный. Гражданка, сядь и подожди немного. (*Указывая на старика*.) Сейчас очередь гражданина.

Мэмэр (*старому рабочему*). Мне только на одну минуточку, гражданин. (*Рассыльному*) А потом Пьери — мой друг. Меня зовут Мэмэр, если хочешь знать. (*Хочет пройти в кабинет*.)

Рассыльный (*удерживая ее*). Сожалею, но гражданин пришел раньше тебя.

Старый рабочий. Ничего, я не тороплюсь.

Рассыльный делает жест, означающий: «Ну, тогда ладно». Мэмэр проходит в кабинет. Рассыльный разворачивает «Глас народа». Старый рабочий опускается на скамью и молча, неподвижно сидит до конца картины.

Мэмэр (*в кабинете*). Здравствуй, Пьери, здравствуй, Робер. Ты теперь работаешь в комиссии?

Робер Удэ. Нет. Просто пришел узнать о делах моего друга Пьери для очередной статьи!

Пьер Фурнье. А ты, Мэмэр, зачем к нам?

Мэмэр. Я зашла, чтобы поблагодарить вас за арендную плату и особенно за векселя. И принесла подарочек. (*Вынимает из кар-*

мана коробку.) Не откажитесь принять. Я отдаю это Коммуне, от всего сердца, поверьте!

Пьер Фурнье. Но...

Мээр. Никаких но. Я хотела заложить их в ломбард, чтобы выкупить швейную машинку Анриетты. Но узнала, что вещи будут возвращены нам бесплатно. А у вас наверняка денежные затруднения... Мы ведь хорошо знакомы, вы — мои верные клиенты... Словом, я решила, что могу обойтись без этого сребра. Открывайте, гражданин Фурнье.

Пьер Фурнье (открыл коробку, изумленно). Но что нам делать с этими ложками?

Мээр. Что хотите. Говорят, Коммуне нечем платить национальной гвардии, вот и заплатите. Они из серебра, гражданин, из доброго серебра.

Пьер Фурнье (полусерьезно, полунасмешливо). Ладно. Мы их реализуем, а деньги передадим в ратушу.

Робер Удэ (тронутый). Спасибо, Мээр.

Мээр. Я тут ни при чем, гражданин Удэ, это все — моя малинка. Господи, да я позабыла вам сказать, это ведь она додумалась. Она крепко любит Коммуну, моя Риетта, вот как!

ИНТЕРМЕДИЯ III

Ассамблея спит в кресле. Возле нее стоит озабоченный Тьер. Несколько правее — не менее озабоченный Миротворец. На постое не видно ни Бисмарка, ни Французского банка. Сейф на своем месте. На авансцене, лицом к публике — Коммуна.

Комуна (правозглашает). Республика в опасности. Чтобы спасти ее, необходимы — строжайшая финансовая экономия, не прерывный труд и неусыпный контроль повсеместно. В девяносто третьем году, при таких же обстоятельствах, наши отцы вывели Францию из хаоса. Париж обязан последовать их высокому примеру.

Внимательно выслушав Коммуну, Тьер жестом подзывают Миротворца, который тотчас же подбегает.

(Не замечая их маневра, невозмутимо продолжает.) Продажа сигар и табака на улицах со вчерашнего дня строго воспрещена.

Тьер (убедившись, что Ассамблея крепко спит, тихо, Миротворцу). Друг мой, вы можете оказать Франции неоцененную услугу, которой она никогда не забудет.

Миротворец (встревоженный). То есть?

Тьер. Я рассчитываю, что вы предупредите население столицы...

Миротворец. Прошу прощения, господин Тьер, но в качестве депутата от нескольких округов Парижа, я не могу (положа руку на сердце) по чести...

Тьер. Бессспорно. Потому-то я и прошу вас всего лишь о небольшой информации. Вы только разъясните, что последние мероприятия Коммуны, несмотря на кажущиеся их достоинства, в настоящих условиях неосуществимы, значит, неспособны облегчить положение рабочих.

Миротворец. Но почему..., поручить это именно мне?..

Тьер (указывая на храпящую Ассамблею). Потому что, в отличие от этой дамы, я убежден, что вы — наш друг... (торжественно) и республиканец.

Комуна. Продажа заложенных в ломбарде вещей с сегодняшнего дня прекращена.

Тьер расстегивает Миротворцу плащ, развязывает трехцветный шарф, которым тот подпоясан, и повязывает ему шарфом голову. Миротворец растерян. Тьер вынимает из кармана деньги и протягивает ему. Сначала Миротворец не решается взять их, но, когда Тьер, зажав деньги в правой руке, протягивает ее для прощания, Миротворец многозначительно кивает в знак согласия, берет деньги и удаляется.

(Невозмутимо, продолжает.) Почтовая связь возобновится с послезавтрашнего дня.

Миротворец (бросив опасливый взгляд на Коммуну и убедившись, что она его не замечает, обращается к незримой толпе, однако довольно тихо). Несчастный Париж! Так трудно восстановить порядок, несмотря на все старания и самоотверженность. О разоренный город, как я скорблю о тебе!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

30 марта. Десять часов утра. Пасмурно. Кафе «Верная свинья». На пороге стоит Мээр. Недалеко от нее — Рассыльный из муниципальной комиссии в форме национальной гвардии и Дюдюль, наряженный пачками газет. Посреди сцены — Непутевый рабочий.

Непутевой рабочий (жестикулирует). Задержанный? Какой задержанный? Я никому вреда не причинял.

Дюдюль. А Коммуна? Может быть, ты ей пользу приносишь, пропавая табак из-под полы? (К Мээр.) Табак — важная статья дохода для Коммуны, верно, Мээр?

Непутевой рабочий (удаляясь, кричит). Коммуна! Коммуна! (Уходит направо.)

Рассыльный (Дюдюлю). Сообщим в комиссию?

Дюдюль. Да ладно! (Делает жест, означающий «не стоит».)

Мээр. Дюдюль прав. Жалкий нищий! Я его знаю как облупленного, можете не сомневаться. Он давно околачивается в нашем предместье!

Рассыльный пожимает плечами. Дюдюль уводит его налево. Справа входит расфранченная, веселая Ариэтта.

А, вот и ты! Совсем совесть потеряла! Не ночуешь дома, являешься в десять утра?! Опять таскалась со своим Шарло?! Не отнекивайся. Знаю я тебя, обоих вас знаю. С тех пор как появился Шарло, совсем от рук отбилась.

Ариэтта. Извини, мама, но если бы не Шарло и его товарищи-пехотинцы, не было бы и Коммуны.

Мээр. Вот как?! А мне-то и невдомек! (Гордо.) Я спешаила наши серебряные ложки в муниципальную комиссию пятого округа для того, чтобы Коммуна вовремя выдала национальным гвардейцам их гроздовое жалование.

Ариэтта (ошеломленная). Ты отдала... серебряные ложки?

Мээр. Да, отдала гражданину Фурнье, который передаст их в ратушу.

Ариэтта (смеясь). Отлично сделала, мамочка! (Целует ее.)

Мээр. Послушай, что было дальше: я им сказала, что меня прислали Рнетта...

Ариэтта. Почему?

Мээр (смеясь и целуя ее). Да потому, что уверена: если бы ты подумала, наверняка сказала бы: «Давай отдадим, мамочка!» Но ты не догадалась, потому что занята своим Шарло; вот твоя мама и подумала за тебя.

Ариэтта (целуя мать). Мамочка, я тебя просто обожаю.

Мээр. Раз так, то иди чистить овощи. Мне надо постирать рубашки Тонтона. Хоть я ему не раз говорила: «Тонтон, мне надоело стирать твои рубашки». Но он смотрит на меня такими глазами!.. Идешь?

Ариэтта (смеясь). Иду. Но стирать буду я, а чистить овощи — ты. Специализация труда, как говорит сам Тонтон. И конец.

Обе, смеясь, входят в кафе. Сцена на мгновение пуста. Затем слева появляются Аббат и Бобур.

Аббат. Клянчить разрешение выпускать газету, через десять дней после разгрома вашей редакции!

Бобур. Если бы мы прислушивались к голосу собственного сердца, мы безусловно не стали бы хлопотать об этом, господин аббат. Но у нас есть обязательства не только перед подписчиками «Фигаро», а главное — перед двумястами рабочих, которых она кормит.

Аббат (пожимая плечами). Ну что ж, переселились бы в Брюссель или в Версаль, как все порядочные люди.

Бобур. Мы, конечно... думали об этом, но... опасаемся... господин де Вильмессан... откровенно говоря, и я тоже... что газеты, выходящие вне Парижа...

Аббат. ...не попадут сюда? (Саркастически.) Из-за нарушения почтовой связи? О, все это позади! Новые служащие наперебой предлагают свои услуги. (Мрачно.) Не позднее чем послезавтра возобновится нормальная доставка корреспонденции.

Бобур. Пусть так. (С отчаянием.) Они ведь могут иными путями помешать газетам со свободной территорией... проникать в Париж.

Аббат. Ошибаетесь. В вопросе реорганизации служб они как будто и достигли единодушия, но в отношении контроля, слава богу, никак не договорятся. (*Иронически.*) Пользоваться методами Баденга. Подумать только! (*Серьезно.*) Мы будем регулярно получать «Голуа» из Бельгии.

Аббат и Бобур уходят направо. Слева входят Удэ, отец и сын, Ари Лагард, Жанна-Мария, Поля. За ними — Пьер Фурнье, читая газету.

Робер Удэ. Из-за того, что мы не коммунисты, а мютиозлисты¹... Жанна-Мария. Быть против коммунистов значит быть против Коммуны. Как ты думаешь, почему мы вынуждены сегодня заниматься налаживанием почтовой связи и одновременно работать: ты — в редакции, Пьер — в комитете и в комиссии, я — в своем цехе? Да потому, что почтовая администрация, куда входили мютиозлисты и прудонисты, подчинившись приказу версальского правительства, обязала своих служащих выехать в Версаль.

Леон Удэ (*тихо*). Не все же уехали. Почтальоны и конторщики остались.

Жанна-Мария иронически улыбается.

Поля (*подходит к Пьеру Фурнье*). Не грусти, гражданин Фурнье. Ты тоскуешь о Софье, да?

Пьер Фурнье пожимает плечами.

Не надо. Софья — удивительное существо: проводит целые дни в зеленой лавочке, заворачивая репу и морковь в наши возвзания!. (*Пауза.*) Ты сердишься, что она не пишет. Но ты ведь знаешь, что почта сейчас... (*Пауза.*) Мне, может быть, удастся переслать ей письмо через друга, который едет в Марсель. Что ей передать от твоего имени?

Пьер Фурнье (*сухо*). Ничего.

Поля (*после паузы*). Знаешь, я счастлива, что Жанна-Мария стала

¹ В 60-х годах XIX века название «мютиозлисты» применялось к правому крылу прудонистов, входящих во французскую секцию I Интернационала.

хорошо ко мне относиться; она наконец поняла... поняла... что между Робером и мною ничего нет и не было...
Пьер Фурнье (*стходит от Поли, зовет*). Тонтон!
Рири (*выходя из кафе*). Тонтон идет!

Слева входят и останавливаются в стороне Мартен-Бернар и Убогая женщина.

Робер Удэ (*Пьеру Фурнье*). Смотри, — та злосчастная женщина, что приходила к тебе в комиссию.

Мартен-Бернар. Да вы прикиньте сами, гражданска: «Вещи, заложенные в ломбард на сумму до двадцати франков, будут возвращены владельцам бесплатно...» и т. д. Превосходно! Но при всем желании с этим придется повременить не менее, если не более года.

Убогая женщина. Значит, по-вашему, я не смогу получить...

Мартен-Бернар. Посчитайте на пальцах, гражданска. Предметов, которых касается постановление Коммуны, — около миллиона, в Париже три склада, значит, выдача вещей неизбежно займет около года.

Пьер Фурнье (*возмущенный*). А поскольку тем временем Коммуна лопнет...

Робер Удэ (*удерживая его*). Прошу тебя!

Жанна-Мария. Подожди, посмотрим, до чего он договорится. Убогая женщина (*Мартен-Бернару*). Но в таком случае?..

Мартен-Бернар (*громко*, желаю быть услышанным всеми). Я думаю, что практически невозможно выдавать более трех-четырех тысяч предметов в день.

Леон Удэ (*подойдя к Мартен-Бернару*). По подсчетам Коммуны — четыре тысячи.

Жанна-Мария смеется.

Тонтон (*выходя из кафе*). Гражданин Тонтон явился!

Мартен-Бернар (*не смущаясь, Леону Удэ*). Допустим, что вы правы, гражданин. Выходит, что нам придется стоять в очередях в течение нескольких месяцев, летом обливаясь потом и замерзая зимой...»

Пьер Фурнье. Ты, видно, заложил свою постель? Кто б мог подумать!

Мартен-Бернар. Я... Я не обязан отчитываться перед вами, гражданин. Я не с вами разговаривал, а с гражданкой.

Пьер Фурнье. А я-то с тобой разговариваю. Покажи документы! (В сторону.) Внушает беднякам, что им не дождаться выполнения распоряжений Коммуны!..

Жанна-Мария. Деморализует народ!

Робер Удэ (Мартен-Бернару). Идите своей дорогой, гражданин.

Мартен-Бернар. Нет. Раз гражданин и гражданка требуют, я готов предъявить документы. (Протягивает их Пьеру Фурнье.) И еще один (передает документ Леону Удэ), он несомненно заинтересует вас.

Леон Удэ (прочитав, с уважением). Вы — племянник... Мартен-Бернара?

Мартен-Бернар. Да, и, как он, был изгнаником при империи. Теперь вам понятно, почему меня несколько удивило...

Пьер Фурнье. Гражданка, расскажите нам, пожалуйста... (обращается к Убогой женщине, но та, испугавшись, убежала. Смущенный своей оплошностью, останавливается.)

Мартен-Бернар смеется.

Робер Удэ (Мартен-Бернару). Довольно! А теперь проваливай!

Мартен-Бернар (с готовностью). Забудем об этом, гражданин, и да здравствует республика! (Удаляется вправо, но не уходит, а, притаившись, наблюдает за происходящим.)

Тонтон (порываясь догнать его). Постой, да ты, видать, из ламартинов!..

Ари Лагард (удерживая Тонтона). Гражданин! (Ко всем.)

Граждане, клянусь, вы... неправы. (Пауза.) Вы знаете, что я весьма охотноучаствую в восстановлении служб, я работаю в больнице, как вы на почте... Но мне кажется, что выражение собственного мнения не является... проступком.

Мартен-Бернар (из своего укрытия, очень громко). Спасибо, гражданин. (Скрывается.)

Тонтон. Ни за что нельзя было упускать эту птицу.

Пьер Фурнье. Я больше не скажу ни слова.

Жанна-Мария. А я скажу, что вы напрасно вступились за него, гражданин Лагард.

Ари Лагард (тихо, Жанне-Марии). Я не мог поступить иначе, хотя и знал, что вы осудите меня. Не следует, поверьте, еще больше отравлять атмосферу взаимной враждой. (Грустно.) Впрочем, ваш муж это понимает не хуже меня.

Жанна-Мария (иронически). Робер, гражданин Лагард весьма высокого мнения о твоей образцовой умеренности.

Робер Удэ. Ну что ж? Гражданин Лагард прав. Если мы станем выслеживать всех парижан, высказывающих... неуместные мнения, то это, друзья мои, заведет нас слишком далеко... И в любом случае я предпочитаю — ничего не поделаешь! — прошагать пять-десять километров вслед за красивой девушкой. Да, кажется, не один я придерживаюсь такого мнения. (Пауза. Засмеявшись, к Рири, который на протяжении всей картины не сводил глаз с Поли.) Рири, что бы ты предпочел: следовать за господином в котелке до моста Сен-Мишель или за Полей на край света?

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

Плакат — «Вторая осада. 2 апреля — 20 мая 1871 г.»

ИНТЕРМЕДИЯ IV

По-прежнему висит карта Парижа и его окраин. Но теперь это карта «второй осады». В глубине сцены Бисмарк верхом на деревянном коне объезжает помост. Французский банк осторожно выглядывает из сейфа. В стороне, в глубоком раздумье Миротворец. Ассамблея вяжет в своем кресле. Неподалеку от нее Тьер чистит пушку. Лицом к публике стоит Коммуна. она держит лист бумаги.

Коммуна. Принимая во внимание, что на долю труда, промышленности и торговли пришлись все тяготы войны, а справедливость требует, чтобы и собственность взяла на себя часть жертв во имя родины, Парижская коммуна постановляет: отсрочить квартирплату за последний квартал тысяча восемьсот семидесятого года и первое полугодие тысяча восемьсот семьдесят первого года.

Ассамблея (*бросая вязанье*). Мсье Тьер! Мсье Тьер!

Тьер (кланяясь ей). Слушаю вас, мадам!..

Ассамблея. Та-та-та! Скажите лучше, когда мы отправимся в Париж (*указывая на Коммуну*), чтобы заткнуть ей глотку и поломать ребра?!

Тьер. Будьте спокойны, мадам! Правительство медлило во избежание кровопролития...

Миротворец (*тихо, важно*). Во избежание кровопролития!

Тьер (*продолжает*). ...но оно не бездействовало. Благодаря этому средства восстановления порядка будут лишь более обдуманными и надежными.

Ассамблея. Только на словах!

Тьер. Нет, на деле. Паши солдаты, мадам, будут отныне получать ежедневный рацион мяса.

Ассамблея. Мясо — каким-то солдатам! (*Прыснула со смеху.*)

Тьер (*очень серьезно*). Да, мадам, мясо — солдатам. Ибо, если сол-

дат не кормить говядиной, они начинают догадываться, что их считают пущечным мясом, и отказываются отдавать свою кровь родине. Вспомните восемнадцатое марта!

Ассамблея. Ладно, ладно. И все-таки, когда же мы отправимся наконец в ваш проклятый Париж? Когда?

Тьер. Вероятно, мы будем атаковать в ночь на третью апреля, мадам.

Французский банк, приоткрыв сейф, подслушав разговор и снова спрятался. Ассамблея, глубоко вздохнув, снова принимается за вязание и постепенно засыпает. Тьер, видимо, собирался что-то предпринять, но Французский банк, осторожно вылезший из сейфа, помешал ему.

Французский банк (*подойдя к Тьеру*). Дорогой друг, говорят, вы готовитесь к скрым военным действиям против Парижа. Прошу вас, распорядитесь, чтобы первые вступившие в город части пришли нам на помощь.

Тьер. Французский банк первым будет освобожден французской армией, можете не сомневаться, маркиз.

Поблагодарив Тьера легким кивком, Французский банк возвращается в сейф и закрывается. Посмотрев на Ассамблею и убедившись, что она глубоко спит, Тьер направляется к Бисмарку, который все еще гардует на деревянном коне.

Тьер. Господин канцлер, согласно вашему совету я сию же минуту двинусь на Париж, чтобы подавить восстание. Но, рискуя повториться, выражая свое горячее желание и надежду, что прусская армия будет содействовать...

Бисмарк (*замедляя шаг, иронически*). ...вашей победе над парижанами?

Тьер (*сердечно*). Нашей победе над коммунистами.

Бисмарк. Ловко! (*Спешиваеться, смеясь и отечески похлопывая Тьера по плечу.*) Желаю вам успеха, господин Тьер!

Тьер, таща пушку, окольными путями приближается к Коммуне, которая все еще стоит на авансцене.

Коммуна (*читает*). «Парижская коммуна постановляет: статья первая: рекрутский набор отменяется...»

Тьер наносит Коммуне сильный удар ногой. Коммуна спотыкается и падает. Тьер осторожно удаляется. Бисмарк громко хохочет и запевает арию из «Волшебной флейты»: «Быть императором я очень бы хотел, Константинополем тогда б я засталел!». Миртоворец хватается за голову.

Ассамблея (просыпаясь, — Тьери, находящемуся на полу пути между Парижем и Версалем). Мсье Тьер! Мсье Тьер! Подите-ка сюда! Что вы натворили? Как это получилось?

Тьер. Отлично, мадам, как я и предполагал.

Коммуна (поднявшись на ноги, продолжает). Роялистские заговорщики атаковали нас! Они напали на нас, несмотря на нашу умеренность. Лишенные поддержки французской армии, они бросили в атаку папских зуавов и императорскую полицию. Но благодаря помощи национальной гвардии и поддержке избравшего нас парижского населения победа останется за нами.

Миртоворец (вздывая руки к небу). О, братоубийственные сражения! О, глубокая скорбы! Париж проливает кровь Франции, Франция — кровь Парижа! Чья победа страшнее!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

3 апреля. Раннее утро. Перед домом, в котором живет Тонтон. Возле входной двери — шкаф и несколько небрежно брошенных простыней. На ручную двухколесную тележку погружены тумбочка и постель. Рядом с тележкой — очень испачканные Тонтон и Рири. Тонтон без пиджака, в фартуке. Тут же нарядный Пишамбар, домохозяин Тонтона. Несколько поодаль за ними наблюдает нащий старик, он тихо посмеивается.

Пишамбар (стаскивая с тележки тумбочку). Пользуясь тем, что господа коммунары...

Входят отец и сын Уде и Жанна-Мария.

Робер Уде (угадав ход мысли Пишамбара, продолжает). ...злоупотребляя узурпированной властью, пытаются навязать нам бесчеловечный декрет...

Тонтон вновь ставит тумбочку на тележку. Рири хохочет.

Жанна-Мария (продолжает). ...ты удираешь, не заплатив долга. (Смеясь, указывает на Тонтона.) Жулик!

Робер Уде (озадаченному Пишамбару). Как видишь, гражданин домовладелец, мы не только читаем твои мысли, но и выражаем их, честное слово, неплохо... для невежд! (Смеется.)

Пишамбар. Не вмешивайтесь в чужие дела... господа!

Леон Уде (выступая вперед, серьезно). Это наши общие дела, гражданин.

Робер Уде. Тонтон, мы к твоим услугам.

Пишамбар. Мне не совсем понятно... граждане.

Робер Уде жестом перебивает Пишамбара и с помощью отца и Тонтона грузят шкаф на тележку. Пишамбар хочет помешать им, но Жанна-Мария, смеясь и расставляя руки, преграждает ему дорогу.

Рири. Вот и все!

Робер Уде (толкая тележку и смеясь, Пишамбару). О вас плохо подумают в Версале, гражданин: вы предоставляете свободу слова и действия бродягам, бандитам!

Жанна-Мария (смеясь). Иначе говоря — рабочим!

Пишамбар. Вам это дорого обойдется, бездельники! (Грозит им кулаком.)

Рири, оборачиваясь, показывает ему кос.

Тонтон (Пишамбару, смеясь). Если тебе когда-нибудь захочется выпить стаканчик с твоим бывшим жильцом, вот тебе мой адрес: площадь Контрескарпи, 5... У «Верной свиньи».

Жанна-Мария (следуя за тележкой, поет).

Когда богачи дерутся,

Кому тумаки достаются?

Тумаки — непременно рабочим,

Богачам — барышни, между прочим.

Еще за квартиру плати им!..

Вдвойне

Мы жертвами стали бы в этой войне!

Все скрываются. Пишамбар входит в дом. Старик по-прежнему странно ухмыляется. Вошедшие слева во время скоры две работ-

и и ды — молодая и постарше — тоже посмеиваются. Молодая тихо подтюрят последние две строчки куплета Жанны-Мари. В форме национального гвардейца слева входит плачущий Жюло.

Первая работница. Что случилось? Почему ты плачешь, мальчик?

Вторая работница. У тебя отец умер?

Жюло отрицательно качает головой.

Первая работница. Брат?

Жюло. Да-да, они... убили его... на моих глазах.

Первая работница. Кто — они?

Жюло (кричит). Папские зуавы!

Первая работница. Каким образом?

Вторая работница. Где же?

Жюло. В Курбевуа, по дороге на Сен-Жермен! (Убегает, рыдая.)

Первая работница. Атаковали, изверги!

Вторая работница (с ужасом). Осада возобновляется.

Старик смеется, удивленные работницы переглядываются.

Первая работница. Почему ты смеешься, старик?

Старик. Осада возобновляется! (Снова тихо, зловеще смеется.)

Входят Пьер Фурнье с двумя национальными гвардиями, Ариетта, Мэйэр и Луи Лавинь — невысокий, рыжий, прилично одетый.

Первый гвардеец. Убивают наших братьев!

Второй гвардеец. Баррикаду на мосту Нейл атаковали ажаки, переодетые в жандармов.

Ариетта. Но... как же им удалось?

Пьер Фурнье. Очень просто. (Указывая на гвардейцев.) У наших не было патронов.

Первый гвардеец. И мы ничего не ели больше шестнадцати часов. Вот и пришлось удирать.

Первая работница. Почему же у вас не было патронов, граждане?

Первый гвардеец. Потому что нас предали.

Старик смеется: его преследуют воспоминания о первой осаде.

Пьер Фурнье. Не в этом дело. Чуть коснется организации — Коммуна совершила беспомощна.

Мэйэр. Пьеро, по-твоему, Коммуна...

Пьер Фурнье. ...погибла? Нет, Мэйэр.

Пишамбар (из окна нижнего этажа). Извините, гражданин, я невольно слышал ваш разговор. А с Мон-Валериена не стреляли?

Работницы перешептываются.

Пьер Фурнье. С Мон-Валериена? Он уже несколько дней занят версальцами. И Бержере¹ это знал, раз приказал арестовать Люлье. Только мы ничего не знали.

Вторая работница. Версальцы... на Мон-Валериене?

Первый гвардеец. Говорю вам: нас предали.

Старик опять смеется.

Первая работница (внезапно кричит). На Версаль!

Ариетта. Да-да, — на Версаль!

Луи Лавинь (не спускающий глаз с Ариетты). Ариетта, прошу тебя, не делай глупостей! Я совсем не потому, знаешь...

Ариетта (довольно громко). Поглядите-ка на этого счетовода из Французского банка! Протанцевал со мной тур вальса у Бюлье и уже позволяет себе давать мне... (хахоча) советы!

Луи Лавинь (испуганно). Тсс!

Ариетта (иронически). Да он вдебавок еще и трус! А кого боится? Нас же!

Луи Лавинь. Ариетта, поверь, я вовсе не потому, что... не согласен... Правда, я не целиком согласен, не отрицаю... но... уверяю тебя...

Ариетта (кричит). На Версаль!

Луи Лавинь незаметно уходит направо.

¹ Бержере — смешенный Коммуной главнокомандующий Национальной гвардией, предшественник Домбровского.

Пьер Фурнье (с горечью). На Версаль?! Уже две недели назад надо было и можно было быть в Версале!

Первая работница. Не огорчайся, гражданки, мы скоро туда доберемся, раз женщины взялись за оружие!..

Все пускаются в путь.

Мээр (бежит за Анриеттой, решительно примкнувшей к группе).
Риетта! Риетта! Куда же ты?

Старик продолжает посмеиваться, но его смех переходит в рыдания. Он следует за остальными. Слышна отдаленная канонада. Входят Аббат в сутане и Анатоль де Курмон.

Анатоль де Курмон (удрученко). Канонада! Как при пруссаках...

Аббат (воинственно). Началась гражданская война. Но, честное слово, раз уж дошло до этого...

Анатоль де Курмон. А что, если... Версаль падет?

Аббат (сурово). Доверимся богу и нашим доблестным воинам, Анатоль!

Анатоль де Курмон. А если... и Отей... подвергнут бомбардировке? Ах, почему судьбе угодно, чтобы моя вилла находилась именно... там, где завтра... И, пожалуйста, аббат, не смейтесь надо мной, это несправедливо. У меня там все портреты моего покойного брата, весь мой фарфор, все мои безделушки, словом — все мое прошлое... (Проникновенно.) Я не должен был уезжать из Парижа... не укрыв в надежном месте... мои сокровища... Но для меня пересезды... не говоря уже о неизбежной опасности... на улицах, где в любую секунду может возникнуть как из-под земли национальный гвардеец... И даже не говоря о национальных гвардейцах... когда вещь... переносится с места на место, она теряет для меня всякую прелест!

Аббат. Почему бы не доверить все хлопоты вашей славной Пэляки? Она окажется согласна.

Анатоль де Курмон. Разумеется. (Пауза.) Бедняжка Пэляжи, такая мужественная! За два дня, после моего возвращения, она дважды побывала... в Отейе. (Спотыкается.)

Аббат. Что с вами?

Анатоль де Курмон. Ничего. Просто задумался: как могло случиться, что всеобщее возмущение не повернулось против пруссаков? (Тихо.) Священная любовь к родине, где ты?

Вдали раздается «Марсельеза» или «Походная песня». Пишамбэр, появившийся в окне в момент прихода де Курмона и Аббата, снова скрывается

Аббат. Ныне только обжорство и пьянство способны еще заставить геройски проливать кровь.

Уходят. Сцена на мгновение пуста. Затем входит Рири в обнимку с Жюло: они, видимо, только что познакомились.

Жюло. Я отомщу за Мориса! Скажи, отомщу я за Мориса?
Рири. Да, мы за него отомстим. Клянусь тебе, Жюло, мы отомстим!

КАРТИНА ДЕЯТЕЛЬНАЯ

Кладбище Пьер-Лашез. Красные знамена. В глубине сцены стоят Делеклюз, согбенный, в сюртуке, с непокрытой головой. Позади него — несколько членов Коммуны тоже с непокрытыми головами.

Делеклюз (взволнованным, почти беззвучным голосом). Я не буду многословен. Нам слишком дорого обошлись длиные речи. Язываю о справедливости для семей погибших, о справедливости для великого города, которому после пятимесячной осады и измены правительства ныне грозит вторая осада. Но Париж продолжает держать в своих руках будущее человечества! Мы должны не оплакивать наших братьев, павших смертью героев, а поклясться, что отомстим за них, и, продолжая их дело, спасем Свободу, Коммуну, Республику. (Медленно царапается в сопровождении членов Коммуны).

Безмолвное шествие.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Первая неделя апреля. Сумерки. Одна из парижских улиц. Слева — дверь в сарай. На пороге сидит очень усталый Анатоль де Курмон. Возле него стоит Аббат, он в сутане.

Анатоль де Курмон О, если бы я только знал!

Аббат. Знали что? Что французская армия будет атаковать Париж второго апреля? Мы знали об этом за четыре дня. Что декрет о заложниках будет опубликован в «Официеле»? Нам это было известно за два дня. Надо было только отказаться от этой... «личной инспекции». Вы не доверяете вашей славной Пэлажи, это куда ни шло... мне вы могли бы, кажется...

Анатоль де Курмон (*плаксиво*). Аббат, вы отлично знаете, что я вам бесконечно признателен за вашу преданность, за ваше предложение отправиться на виллу. Но как могли бы вы без меня проверить... я и сам не могу точно сказать, сколько у меня картин, эстампов. (*В отчаянии*) А что до их описания!.. Как вы видели, все мои эстампы изображают вулканы. И, право же, отличить один вулкан от другого почти невозможно. Значит, если бы украли... О, мой бедный Эдуард, что бы он сказал, если бы украли!..

Аббат (*раздраженно*). Но его, увы, нет в живых! Впрочем, вы сами убедились, что все в целости...

Анатоль де Курмон. Да, пока все еще цело, но... завтра...

Аббат (*вздыма руки к небу*). Завтра!

Анатоль де Курмон. Завтра Отей могут бомбардировать, как сегодня Нейи.

Аббат. Сегодня, Анатоль, Нейи бомбардируют наши друзья.

Анатоль де Курмон (*проникновенно*). Поймите меня, аббат. Представьте себе... что при виде трупа, даже если это труп коммунара, я испытываю жалость... Да, — почти жалость.

Аббат. В таком случае почему вы не остались в Версале, дорогой?

Анатоль де Курмон (*кричит*). Да потому, что я там лишился сна, в этом Версале! (*Сокрушенно*.) Главным образом из-за... из-за моей злосчастной виллы.

Аббат. Ну что, пошли?

Анатоль де Курмон. Еще мгновение, прошу вас! (*Пауза*)

Как вы думаете, они действительно расстреляют архиепископа?

Аббат. Помилуйте! Они надеются обменять его на Бланки. Идем же!

Анатоль де Курмон (*поднимаясь с трудом, неохотно*). А что, если они пощадят Дарбуа?

Аббат (*мрачно*). Тогда другим несчастным священникам, менее известным и менее преданным галликанской церкви, нежели его высокопреосвященство архиепископу Парижскому, придется расплачиваться жизнью за свою приверженность ко господу Богу! (*Саркастически*.) Я не говорю, конечно, о моем викарии, который вчера заявил, что все его симпатии на стороне...

Анатоль де Курмон. Сюда тащат пушки! Это национальные гвардейцы! Спрячемся, быстро, умоляю вас! Вы не представляете себе... (*Показывая на сутану Аббата*.) При вашей... (*Увлекает Аббата в сарай*.)

Почти одновременно входят Балашен и второй национальный гвардеец в очень грязной походной форме, за плечами — ранцы.

Балашен. Я больше не могу. Давай приляжем прямо здесь.

Второй гвардеец. Если мы ляжем, то больше нестанем.

Балашен. А если пойдем дальше, то свалимся.

Второй гвардеец. У тебя есть чем промочить горло?

Балашен кивает. Они садятся в глубине сцены. Делают несколько глотков и, смертельно усталые, почти тотчас же начинают дремать.

Аббат (*из укрытия*). Повторяю вам в пятисотый раз: я надел ее в день моего посвящения в сан и пока не собираюсь с ней расставаться...

Анатоль де Курмон. Тсс!

Пауза.

Второй гвардеец (*заспанным голосом*). Знаешь, у меня не выходит из головы колонна воинопленных с непокрытыми головами и сорванными нашивками.

Балашен (после паузы, с горечью). Да, с них сорвали даже нашивки.

Засыпают. Новая пауза.

Аббат (из укрытия). Они спят, Анатоль!

Анатоль де Курмон (раздраженно). Минуточку!

Раздаются шаги.

Слышите?

Справа входят Поля, Робер Удэ и Пьер Фурнье, тоже очень усталые. Они не замечают национальных гвардейцев.

Робер Удэ. Не торопись так, Пьеро. Поля совсем выбилась из сил. В ее годы нелегко с утра до вечера смотреть на нескончаемые вереницы носилок.

Поля. Какой ты славный, Робер! Но я ведь санитарка, и если я теряюсь от одного вида раненых...

Пьер Фурнье. И если все отважные девушки будут нуждаться в опеке!.. (Пауза.) Будь серьзнее, Робер! Что мы делаем здесь, все трое? Поля раскинула, вместо того чтобы ухаживать за нашими ранеными в Нейи, а ты, вместо того чтобы находиться на своем посту — в редакции, оказываешь ей моральную поддержку... Каждый должен оставаться на своем месте, черт возьми!

Робер Удэ. Спокойно! Ты ведь хотел зайти в префектуру, спрашивая о судьбе несчастной Марсельской коммуны; пошли! (Пауза.) Кстати, это и мне пригодится для газеты.

Пьер Фурнье. Для газеты? Сегодня тебе на нее наплевать. Ты идешь в префектуру потому, что туда идет Поля, а она, допустим, потому, что беспокоится о Софье, но главное — из-за невыносимой обстановки в Нейи... А я умираю от страха за Софию. Только ради нее я и нашусь сегодня с восьми утра... а между тем меня тоже ждет работа, много работы!

Поля качается от усталости.

Робер Удэ. Отдых! Одна минута не в счет!

Поля. Глупо, но я просто валюсь с ног. Пожалуйста, Пьеро, сядем... ровно на пять минут, даю тебе слово, Робер Удэ (думая, что Пьер Фурнье собирается уйти). Подожди, прошу тебя, пойдем вместе.

Пьер Фурнье. Ладно.

Поля (заметив спящих гвардейцев). Смотрите, там — гвардейцы. Неужели они...

Робер Удэ (наклонившись над гвардейцами). Нет, они дышат! Просто эти молодцы возвращаются с фронта. (Внезапно.) Пьеро, один из них — Балашен!

Пьер Фурнье. Балашен — доброволец? Никогда не поверил бы! (Серьезно.) Он правильно поступил.

Поля. Да что со мной? Отчего у меня на душе так тревожно?

Робер Удэ. Тебе просто необходимо немного отдохнуть. (Усаживает ее на землю и накрывает своим пиджаком, затем садится рядом.)

Пьер Фурнье следует их примеру.
Пауза.

Пьер Фурнье (Роберу Удэ). О чём задумался?

Робер Удэ (закинув руки за голову). О том, что генералу Дювалю обещали сохранить жизнь, а потом поставили его к стенке... И задаю себе вопрос...

Слышен шепот Аббата и Анатоля де Курмона.

Голос Аббата. Генерал Дюваль тоже!

Голос Анатоля де Курмона. Тсс!

Пьер Фурнье и его спутники не слышали шепота

Пьер Фурнье. Какой вопрос?

Робер Удэ. Не следует ли, в конце концов, решительнее применять декрет о заложниках? Возможно, ты прав...

Поля (блаженно улыбаясь от крайней усталости). Софья непременно сказала бы (подражая голосу Софии): единственный стоящий заложник — это Французский банк. Захватив его, мы

парализовали бы господина Тьера. Бессмысленно арестовывать приходских священников. Полно ребячиться! (Засыпает.)

Робер Удэ поправляет на Поле скользнувший с нее пиджак и тоже засыпает.

Аббат (гневно, довольно громко). Да отпустите же меня иаконец! Пьер Фурнье (рывком распахивая дверь сарай). Привет, гражданин!

Анатоль де Курмон. Я...

Аббат. Мы...

Пьер Фурнье (подталкивая растерянного Аббата и Анатоля де Курмона). Что поручили вам разведать ваши версальские дружки? Нельзя ли, пока федералисты спят, утащить новые пушки из форта Исси? А может, вы хотели разузнать, не отступают ли гвардейцы к Мулино, чтобы расправиться с ними в пути?

Аббат (нагло). Скажите лучше, что вы хотите арестовать меня, как священника, на основании декрета Коммуны о заложниках. Одной невинной жертвой больше или меньше... в Париже!..

Пьер Фурнье. Невинный — в сутане!..

Робер Удэ. Пьеро, не делай глупостей. (Аббату.) Кто вы такие? И что вы делали... за той дверью?

Подходит разбуженный шумом Балашен.

Гражданин Балашен!..

Аббат. Я аббат Вилльдье и направляюсь к своей родственнице на улицу Дебаркадера, шесть. Можете проверить.

Пьер Фурнье. Что вы оба делали за той дверью?

Анатоль де Курмон. Господин... гражданин Удэ, разрешите и мне представиться... хотя я вам знаком, как и вы мне. Зовут меня... впрочем, это не важно... Как вам известно, я художник-живописец.. Всего лишь живописец!

Балашен. Это верно. Я хорошо знал его брата.

Анатоль де Курмон (расторганный). Вы... вы знали Эдуарда?

Балашен кивает.

Аббат. Не кажется ли вам, граждане, что будь у нас намерения, в которых вы нас подозреваете, я облачился бы в иную одежду? (Саркастически.) Сутана ведь снимается!

Поля (просыпаясь). Что случилось?

Пьер Фурнье (Балашену). Балашен, ты не знаешь, что делается в Марселе?

Балашен. Говорят, генерал Эливан душит Коммуну.

Робер Удэ (воспользовавшись их разговором, шепчет Аббату и Анатолю де Курмону). Доволько! Убирайтесь отсюда.

Анатоль де Курмон увлекает Аббата, они уходят. Пьер Фурнье поворачивает голову в их сторону, но не двигается с места.

ПРОХОД IV

Коммуна. От генерала Домбровского получены отличные вести. «Три четверти Нейи — в наших руках. Ведем осаду по всем правилам. Сегодня вечером надеемся быть на мосту Нейи».

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

12 апреля. Пасмурно. Терраса кафе «Верная саняня». За столом, облокотившись, сидят Софья и Поля. Доносится возгласы: «Да здравствует Домбровский!»

Поля. Но если нет больше Коммуны в Марселе, в Нарбонне, ни-где... Если репрессии обрушились на все провинции... И если в Париже только мы одни... что тогда? (Пауза.) Софья, мне кажется, ты не должна забывать о том, что генерал Домбровский вновь занял Аньер. Это ведь важно, очень важно для Парижа и для Интернационала, правда? (Пауза.) Тебя долго не было здесь, поэтому тебе трудно понять... (Пауза.) Ты считаешь дальнейшую борьбу бесполезной? По-твоему, это «бесплодный героизм»?

Софья. Нет, Поля, борьба не бесполезна. И, пожалуй, я много думала об этом.

Поля. Пока Париж держится, нет повода для отчаяния...

Софья. Изолированный Париж не может победить. И все же надо продолжать нашу работу и борьбу. Почему? Как бы тебе

лучше объяснить. (Пауза.) Многие парижане поняли теперь, чего они хотят. Даже порой ошибаясь в чем-то, они знают, к чему стремятся.

Поля (внезапно успокоившись). Софья, если бы ты увидела Анриетту! Совсем другой человек. Она не просто радуется или болеет душой за Коммуну, теперь она ей служит. И все так. Вот почему мне не верится...

Софья. Расскажи подробнее об Анриетте. Я знаю, что она сражается в форте Ванв... (улыбаясь) и что ей очень хотелось, чтобы я пока жила в ее комнате.

Поля (смеясь). Ей так этого хотелось, что она даже вообразила, будто Мээр — против.

Софья. А Мээр — за?

Поля. Безусловно. Я же говорю тебе, что теперь все за нас, за революцию. А нас с тобой очень любят и считают своими. (Пауза.) Теперь мы с Жанной-Маргей отличично ладим. А как работает Пьер! (Пауза.)

Софья. Представляю! Он человек надежный.

Поля. Мне так не хочется плакать, Софья, особенно сейчас, когда Домбровский, чтобы ты ни говорила, одерживает небывалые победы! (Пауза.) Я готова умереть вместе... с нашими друзьями за Коммуну, но (чуть не плача) как было бы чудесно, Софья,— жить вместе с ними... для нее!

Из кафе выходит Робер Удэ со стаканом в руке.

Робер Удэ. Не пора ли, гражданки, прекратить ваши конфиденциальные дебаты? Разрешите мне в качестве гонца объявить (указывая на кафе) оному благородному обществу, что вы не прочь присоединиться к нему.

Поля (смеясь). Мы не прочь.

Робер Удэ (громко). Дебаты окончены!

Появляются Мээр, Жанна-Мария, Тонтон и Пьер Фурнье.

Мээр (с полу值得一ем в руках). Можно наливать?

Робер Удэ. Что за вопрос!

Все усаживаются вокруг стола.

Тонтон (поднимая стакан). За сто двадцать восьмой полк!

Жанна-Мария (так же). Он особенно отличился!

Софья (так же). За Домбровского!

Тонтон (так же). За победителя Ней!

Мээр (так же). И Аньера!

Пьер Фурнье (так же). За реванш Марселя!

Робер Удэ (так же). За Анриетту и за Жаннетту, за Полю и за Тонтона, за Мээр и еще раз за Домбровского! И за Парижскую коммуну! Все!

Все смеются, пьют.

Мээр. Дети мои, а вы рассказали Софье, как Домбровский стоял у версальцев пушки, которые они стащили у наших в Аньере?

Тонтон. Это вам не Бержере!

Робер Удэ. Да, недалеко время, когда справедливость и свобода, будут так сильны, что возвестят всему миру об утверждении власти народа!

Слева входит работница за руку с девочкой; они подходят к объявлению, висящему в глубине сцены.

Работница. Посмотри, Луиза! Создана пенсионная комиссия. Наконец можно будет получить деньги. (Читает.) «Прием ежедневно с девяти часов утра и от двух до пяти».

Мээр. Выпейте стаканчик, гражданка, в честь этого события.

Работница. Я бы всей душой, но мне надо добраться до Божона не позднее двух часов. Спасибо вам. (Уходит направо.)

Софья (просматривает газету). Вы мне не говорили, что специальная комиссия займется наконец передачей покинутых мастерских рабочим кооперативным товариществам.

Робер Удэ. В столице произошло немало событий, пока вас не было, гражданка Софья.

Пьер Фурнье. Да, создана комиссия по организации рабочих кооперативных товариществ. Но в то же время ставится вопрос об уплате компенсаций капиталистам-дезертирам, а это, знаете ли, Софья...

Софья. Я знаю одно: надо немедленно взяться за работу, переписать все покинутые хозяевами мастерские и фабрики. Поля (со слезами радости в голосе). Будем работать, переписывать...

Тонто (протянув руку, проверяет, не пошел ли дождь). Но спачала укроемся от дождя.

Дождь усиливается.

Мээр (носит стаканы и графин). Если бы я была уверена, что Риетта не наделает глупостей в Ванве, что она будет осторожна!.. (Софье, с гордостью.) Гражданка Софья, а Рири теперь в национальной гвардии, он будет сражаться... как раз под начальством вашего Домбровского.

Все поднимаются.

Робер Удэ. Мы забыли рассказать ей самую спогшибательную новость. Гражданка Софья, разрешите доложить вам, что папа-Удэ со вчерашнего вечера член Парижской коммуны. Его избрали на дополнительных выборах.

Все входят в помещение кафе. Сцена на мгновение пуста. Темнота. Слева вдоль стены крадется Анатоль де Курмон, боязливый, расстроенный. За ним следует Непутевый рабочий с пачкой газет, спрятанной под одеждой. Проходя мимо булочной, сует газету под дверь.

Непутевый рабочий. Господин де Курмон!

Анатоль де Курмон (пугливо оборачиваясь). А, это вы! Вы меня напугали. Что вам?

Непутевый рабочий (конфиденциально). Купите «Общественное благо», увидите сами. (Протягивает ему газету.)

Анатоль де Курмон. Хорошие новости, в самом деле?

Непутевый рабочий тихо смеется. Анатоль де Курмон берет газету и, укрывшись в проеме двери булочной, принимается читать, смеется.

Непутевый рабочий. Господин де Курмон, вы не заплатили. Анатоль де Курмон. Простите, друг мой. Извольте! (Расплачивается.)

Непутевый рабочий удаляется.

Анатоль де Курмон (шепчет с надеждой). Аньер...

Дождь постепенно усиливается.

(Не замечая дождя, забыв даже раскрыть зонт, бледный, потусторонний, бормочет.) Аньер... Аньер освобожден! (Уходит.)

Сцена снова пуста. Темно. Дождь продолжается. В булочной зажигается свет. За окном появляется вдова Легро, нагибается и поднимает газету, подсунутую под дверь Непутевым рабочим. Затем свет в булочной гаснет. Издалека доносится «Походная песня».

ИНТЕРМЕДИЯ V

ТЬЕР, как обычно, — слева. Он прикалывает к рукаву трехцветную повязку. Рядом с ним стоит мрачный Миртворец. Спиной к Тьери — Ассамблея. Слегка согнувшись, опершись ладонями о колени, она с ужасом прислушивается к словам Коммуны, которая стоит на авансцене.

Коммуна (в одной руке ружье, в другой лист бумаги). Граждане, вы призываетесь к дополнительным коммунальным выборам. Да здравствует неделимая республика!

ТЬЕР прогуливается, любуясь своей повязкой.

Ассамблея (оборачиваясь). Мсье Тьери, мсье Тьери! Где вы? Что вы делаете? Лучше послушайте ее, она хочет... поставить новых людей! Она непременно хочет заполучить свой пирог!

ТЬЕР (раздраженно). Мадам, вам надлежало бы заметить ее крайнюю усталость, она вот-вот заснет. Этим мы и воспользуемся, чтобы атаковать.

Ассамблея. У вас на все готов ответ! (Садится в кресло.)

ТЬЕР (наводя пушку на Коммуну). А что вы теперь скажете?

Ассамблея ворчит, но больше не возражает.

Коммуна (задремавшая справа у стены, встрепенулась). Ночное донесение: враг атаковал в полночь форт Ванв, но был отброшен. Через час спокойствие было восстановлено.

ТЬЕР стреляет в Коммуну и ранит ее.

Ассамблея (хлопая в ладоши). Наконец-то! Наконец!

Коммуна поднимается и стреляет. Тьер открывает огонь из пушки. При каждом выстреле Миртворец хватается за голову.

Миртворец (тихо, важно Тьера). Скажите, пожалуйста...

Тьер (продолжая стрелять, напыжившись, веет). Правительство нечего добавить. И если нам пришлось сделать несколько выстрелов, то только по вине горстки бунтовщиков, желающих продемонстрировать свою храбрость.

Коммуна выступает вперед.

В действительности же они едва смеют показаться.

Коммуна стреляет. Испуганный Тьер, спотыкаясь, отступает на несколько шагов. Коммуна смеется и, удовлетворившись достигнутым успехом, возвращается на прежнее место.

Коммуна (развернув листовку, читает). Извещение. Профессора медицинской школы покинули свои посты; лекции прерваны. Ввиду необходимости срочно покончить с создавшимся положением Комиссия просвещения постановила...

Тьер снова стреляет в Коммуну и серьезно ранит ее.

(С трудом продолжает читать.) ...студенты-медики... ординаторы и экстерны... госпиталей...

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

20 апреля. Ясный день. Снова — кафе «Верная свинья». Перед входом на скамье сидит сгорбленный старик; возле него — осколок снаряда. Через сцену слева направо пробегает Бобур.

Старик. Десять су за осколок снаряда, гражданин! Десять су, просто даром!

Бобур, не оборачиваясь, уходит. Справа входят взъявленный Тонтон и Леон Уэй, — унылый, воротник пальто поднят.

Десять су за осколок снаряда, граждане!

Тонтон (не обращая на старика внимания, Леону Уэй). Сложить с себя полномочия члена Коммуны, дезертировать! (Разгоря-

ясь.) Сейчас, когда каждый пушечный выстрел означает новое убийство патриотов, когда сам Домбровский побежден! (Останавливаясь.) Народ так на тебя рассчитывал!

Леон Уэй (тоже останавливаясь, тихо). Мне было нелегко принять это решение.

Тонтон. Ты солдат, ты был обязан оставаться на боевом посту. Только мы, твои избиратели, могли отозвать тебя. Какое имеет значение, что ты был избран всего двумя тысячами двести девяносто двумя голосами?

Леон Уэй (педантично). Двумя тысячами сто девяносто двумя...

Тонтон. Да еще во имя какой-то... легальности! Из-за того, видите ли, что закон тысяча восемьсот сорок девятого года требует восьмой части голосов зарегистрированных избирателей! Дать себя провести сорок девятым годом! Это уж слишком! (Пауза.) Нечего было считаться с избирателями, удравшими в Версаль, словно зайцы.

Леон Уэй. Рожар тоже поступил, как я. Он тоже не считает свое избрание действительным. (Пауза.) Надо было признать действительным избрание всех или вичье.

Тонтон. Надо было прежде всего, чтобы ты остался членом Коммуны. (Пауза.) Я-то отлично знаю, почему ты отказался: не все ее действия одобряешь. Но послушай, Леон, и кроме тебя есть такие, кто не одобряет все действия Коммуны; однако они считают своим долгом оставаться с ней до конца.

Леон Уэй (тихо). Они правы, раз они видят в этом свой долг.

В глубине сцены слева входит Мартен-Беркар. Леон Уэй и Тонтон не замечают его.

Старик. Пять франков за осколок снаряда, гражданин.

Мартен-Беркар не реагирует

Тонтон (Леону Уэй). Неужели ты не видишь, что играешь на руку Версалю! Что там воспользуются этим, чтобы сказать: выборы были незаконными, даже лучшие из коммунаров сами... (Презрительно, с сарказмом.) И ты будешь среди тех лучших!

Входит продавец газеты «Отец Дюшен».

Газетчик. Граждане, читайте «Отца Дюшена»! Сегодня паша, Дюшен разгневан, стоит поглядеть!

Мартен-Бернар (ухмыляясь). Посмотрим. (*Покупает газету, разворачивает ее и читает.*)

Газетчик (Тонтону и Леону Удэ). Не желаете ли «Отца Дюшена», граждане?

Леон Удэ отрицательно качает головой.

(Удаляясь.) Почтайте, почтайте, как страшно гневается «Отец Дюшень» на тех членов Коммуны, которые подали в отставку, не постеснявшись бросить патриотов в беде. (*Ходит, продолжая кричать.*) «Отец Дюшень» настоятельно требует, чтобы Коммуна всеми средствами добивалась освобождения гражданина Бланки, арестованного версальскими бездельниками.

Леон Удэ опускает голову.

Тонтон (после паузы). Голову опускаешь? Стыдно?

Леон Удэ (тихо). Нельзя считаться ни с мнением противников, ни даже с мнением друзей, нужно считаться только с собственной совестью. (*Пауза.*) Прощай, Тонтон. (*Удаляется вправо.*)

Тонтон (догоняя его). Ну не сердись! Неужели нельзя высказать начистоту старому товарищу, рядом с которым трудился и боролся всю жизнь?

Тонтон и **Леон Удэ** уходят. Наблюдавший за ними Мартен-Бернар складывает газету. Входит Пешто. Старик перестает предлагать свой товар.

Пешто. Поль, вот мое решение... Я отказываюсь поставлять интенданству солдатские башмаки по тридцать су за пару. Сорок су — весьма недорого. Я, разумеется, готов служить родине, но всему есть предел.

Мартен-Бернар (холодно, с раздражением). Я же тебе не раз говорил, Поль...

Пешто. ...что на этой сделке я ничего не теряю и даже могу кое-

что заработать, снизив заработок моим работникам. Отлично помню. Только мне кажется...

Мартен-Бернар. ... тебе кажется...

Пешто. ...рискованным.

Мартен-Бернар. Не понимаю, почему.

Пешто. Очень просто: почем я знаю, что их недовольство обра-тится против Коммуны — как рассчитываешь ты и наши дру-зья, — и что я не останусь в дураках? Эти дамы могут забас-товать и вынудить меня закрыть лавочку. После чего госпо-дам коммунарам легко будет...

Мартен-Бернар (иронически). ...реквизизировать и передать ее рабочим кооперативным товариществам. Какая наивность! Неужели ты думаешь, что они отважатся на такой шаг, преж-де чем перепишут в строгом соответствии с буквой закона все фабрики?.. Бедный мой Жорж!

Пешто. Их крайнее возбуждение...

Мартен-Бернар. У них, прежде всего, крайне плачевноефи-нансовое положение. Вот они и ухватятся обеими руками за такую находку. (*Смеясь.*) Десять су экономии на каждой паре, шутка ли?

Уходят. Навстречу им идут два национальных гвардейца.

Первый гвардеец. Мой отец зарабатывал по пятьдесят су в день. И тем не менее выкормил троих ребятишек. Я же, по-лучая при империи пять франков, из кожи лез, чтобы прокор-мить двоих.

Второй гвардеец. Из этого следует...

Первый гвардеец. ...что теперь, когда в Париже нет богачей, все изменится.

Старик спит на скамейке.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

22 апреля. Глубокая ночь. Форт Винь. Освещенный общий зал. Не- сколько национальных гвардейцев чистят ружья, дру-гие спорят, ухаживают за раненым, некоторые спят.

Первый гвардеец (*второму*). Ты знаешь, кто обещал нам подкрепление?

Второй гвардеец. Центральный комитет, наверно.

Третий гвардеец. А я готов держать пари, что Коммуна.

Входит Мэмэр в сопровождении четвертого гвардейца.

Четвертый гвардеец. Я же говорю вам, гражданка, что она здесь у нас, ваша малышка! (*Третьему гвардейцу*.) Филипп, ты не знаешь, куда девалась Ариэтта? (*Указывая на Мэмэр*.) Ее мамаша ищет.

Третий гвардеец. Риетта? Может быть, она в своей лавочонке. Спроси у Тютиной (*К Мэмэр*.) Бедовая у вас девчонка, смешная, огонь-девка, поверьте моему слову, гражданка!

Мэмэр (*с гордостью*). Верю, мой славный!

Орудийный залп.

Это... версальцы?

Второй гвардеец. Да, их очередь, что поделаешь! Потом наступит наша.

Снова орудийный залп.

Четвертый гвардеец. Гражданка, вам бы лучше спуститься в подземелье; кажется, будет жарко.

Мэмэр. А моя Риетта? Мне хотелось увидеть Риетту. Где тут ее лавочонка? Я ведь не знаю.

Слева входит Ариэтта с флягой у пояса.

Ариэтта (*целуя Мэмэр*). Мамочка! Вот это да! Чтобы повидать меня! Ты с ума сошла!

Мэмэр (*смеясь сквозь слезы*). С ума сошла! Разве так разговаривают с матерью? (*Обнимает дочь*.) Риетта, Риетта!

Слева входит Гарибальдиц, более юного увещанный медалями.

Гарибальдиц. Кого я вижу! Гражданка Мэмэр! (*Кланяясь*.)

Гражданка, извините, что вмешиваюсь в вашу беседу, но я очень хочу сказать вам, что значит для меня мать!

Мэмэр (*с удивлением*). Для вас?

Ариэтта. Ну да, для них — там, в Италии. Ты как с неба свалилась, мама.

Мэмэр. А эти медали вы заслужили тоже там — у себя?

Гарибальдиц. Одни — у себя, другие — у вас. (*Смеясь*.)
И все — у нас!

Ариэтта (*смеясь*). Скажи, Пьетро, а эту большую за что тебе дали? Ты говорил, но я уже позабыла.

Гарибальдиц (*гордо*). За поход на Рим, когда мы собирались выкупить папу.

Мэмэр (*ошеломленная*). Папу?

Все смеются.

Ариэтта (*тоже смеясь*). Ну да, папу римского, мамочки. Ты знаешь, что гарибальдийцы...

Мэмэр. Вы хотели прогнать папу римского?

Гарибальдиц. Это так же верно, как то, что я сражаюсь в форте Ванз и влюблена в мадемуазель — вашу dochь.

Первый гвардеец. Не тушуйтесь, мамаша. У нас принято так беседовать. Только не подумайте дурного...

Сильный орудийный трохот.

Второй гвардеец. Похоже, что версальцы сдержали слово.

Третий гвардеец (*смеясь*). Это слово они сдержат, будьте уверены. Не то что с квартирной платой.

Второй гвардеец. Примечай, логика — железная: что мертвому квартиранту платить?

Снова трохот орудия.

Мэмэр. Девочка моя!

Ариэтта. Послушай, мамочка, будь умницей и сейчас же возвращайся домой на площадь Конгрескарп, а я приду, как только отстоим Ванз.

Входит Жанна-Мария в военной форме.

Мээр. Жаннетон! Риетта, почему ты мне не сказала, что и
Жаннетта здесь?

Анриетта. Когда же я могла? Ты так набросилась на меня, за-
человала, запричитала! (Смеясь.) Было не до Жаннетты.

Жанна-Мария. Робер тоже не сказал вам, что я в Ванве?
Канонада усиливается.

Первый гвардеец. На сей раз, кажется, всерьез. (Будет спя-
щих.) Эй, парни, довольно хрестить! Версальцы атакуют.

Гвардейцы просыпаются, встают.

Четвертый гвардесец (третьему). Проводи мамашу в погреб,
Филипп.

Орудийный грохот.

Мээр. Риетта, а ты пойдешь со мной? Я не хочу, чтобы... Зна-
ешь, малютка Поля...

Жанна-Мария. Поля?

Мээр. Да, Поля. Они с Робером проходили у ворот Майо, когда
разорвался снаряд. И пришлось срочно везти Поля в госпи-
タル. Не собиралась я вам рассказывать, просто так вышло...

Канонада все больше усиливается. Общее волнение.

ПРОХОД В

Коммуна. Доводится до сведения граждан патриотов, что ко-
митет Женского союза защиты Парижа и помощи раненым
функционирует с сегодняшнего дня при мэрии двадцатого
округа с восьми часов утра до десяти часов вечера. Регистра-
ция добровольцев, желающих работать в походных госпита-
лях, на металлургических заводах и на баррикадах, а также
сбор средств производится в комитете ежедневно.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Конец апреля. Снова перед кафе «Верная свинья». Из кафе выходят
Жанна-Мария в военной форме и Поля,— она, прихрамывая,
опирается на костьль.

Жанна-Мария (внезапно останавливаясь). Да, я тебя нена-
вижу.. И не только из-за Робера, можешь мне поверить.
Есть еще куча причин. (Почти кричит.) Что тебе и Софье по-
надобилось у нас, спрашивается? Нам пришлось пережить
времена Баденга, Республику Жюлей¹, а потом и осаду; было
отчего взбелениться! А вам-то что до Парижа и Версая! Че-
го ради тебе-то проливать кровь за нас! (Делает несколько
шагов.)

Поля (едва поспевая за ней). Жанна-Мария, позволь мне, пожа-
луйста...

Жанна-Мария и Поля уходят налево. Сцена на мгновение пу-
стя. В дверях буточной появляются Аббат в гражданской одежде
и вдова Легро.

Вдова Легро. Господин аббат...

Аббат. Я вам тысячу раз повторял: называйте меня просто мсье
Вилледье.

Вдова Легро. Мсье Вилледье, мне хотелось бы, с вашего раз-
решения...

Аббат. ...пожаловаться, что вам мало платят? Допускаю. По это-
му поводу обратитесь к господину Тронсен-Дюмерсану. Фи-
нансовые вопросы не входят в мою компетенцию.

Вдова Легро. Знаю. Но я же подвергаюсь огромному риску.
(Пауза.) Вы не учитываете, мсье Вилледье, что у любой па-
рижской работницы непременно есть кто-нибудь в националь-
ной гвардии.

Аббат. Сожалю, мадам Легро, но, по-моему, имея пекарню,—
работающую даже только днем²,— бедствовать не приходится.
Вдова Легро. Но.. мсье Вилледье...

Аббат. Ну— баста! Вы не хотите шить для нас повязки по пред-
лагаемой цене? Вы не понимаете, для чего национальным
гвардейцам «партии порядка» трехцветные повязки. Вам, ве-
роятно, также невдомек, зачем французская армия вступит
внутри в Париж. Гладко, и обрившись к другим тканям. (На-

¹ См. примечание к стр. 15.

² Коммуна запретила ночную работу в пекарнях специальным декретом.

правляется к выходу.) И дай бог, чтобы послезавтра, когда порядок в столице будет восстановлен, вас не обвинили в содействии бунтовщикам и убийцам.

Вдова Легро (удерживая Аббата за фалду). Вы меня... плохо поняли. Я не то хотела сказать... Я вспомнила об одной бедной девушке, которая очень нам подойдет. (Смеясь.) Она, конечно, даже не знает, что эти три цвета теперь уже не цвета Парижа. Словом, с ней можно не беспокоиться.

В глубине сцены справа входят Пьер Фурнье и Робер Удэ.

Аббат (заметив их). Идемте. (Вталкивает вдову Легро в булочную и сам входит за ней следом.)

Робер Удэ. Я, право, не знаю, как мне быть, Пьеро; я не могу, да и не хочу оставить Жаннетту. А если б даже и захотел, то Поля не согласится. И будет права. В такой момент, когда Риетта в Ванве и Жаннетта собирается туда же... да и Рири, и все наши...

Пьер Фурнье пожимает плечами. Слева входит Аири Лагард с медицинской сумкой.

Аири Лагард. Извините, гражданин Удэ, что я оставляла вас прямо на улице. Я вас всюду искал. И раз уж повезло... Вы, вероятно, сумеете оказать мне большую услугу. Среди моих пациентов есть ребенок, больной крупом; его состояние требует немедленной госпитализации. Но в госпитале, как вам известно, дежурят ли там студенты или нет, существуют правила... административные...

Пьер Фурнье (иронически). Бюрократические!

Аири Лагард (спокойно). Я этого не сказал. (Роберу Удэ.) Благодаря вашему вмешательству можно было бы спасти жизнь этого ребенка, хотя бы одного ребенка...

Роберт Удэ делает жест, означающий «Отстань». Вбежавший газетчик помешал ему высказать свою мысль вслух.

Газетчик. Поражение федералистов в Бель-Эпине! Подлое убийство двух детей!

Пьер Фурнье покупает газету.

Робер Удэ (после паузы, Аири Лагард). Идемте. Займемся вашим парнишкой.

Робер Удэ и Аири Лагард уходят налево. Пьер Фурнье следует за ними, читая газету. Сцена снова пуста. Затем из кафе выходит смущенный Рири в сопровождении сияющих Тонтона и Мэмера, она в фартуке.

Мэмер. Здесь нам все-таки будет лучше. Внутри — такой чад! Каждый раз, когда пеку блинчики, — одно и то же! Тонтон. Вот это да! (К Рири.) Ну, расскажи, за какие подвиги?

Рири молчит.

Ты ведь должен был здорово отличиться, чтобы в такое время получить увольнительную. Только говори правду!

Мэмер (целуя Рири). Ну, раз этот упрямец вбил себе в голову... Знаю я своего Рири! (Снова целует его.)

Тонтон. Да, он, видно, решил разыгрывать скромницу и скрыть, за какой ратный подвиг наградил его генерал Домбровский.

Мэмер (восхищенная, ошеломленная). Сам... генерал Домбровский?

Тонтон. А кто же? (К Рири.) Ладно, Рири, не будем больше говорить о твоих доблестях, расскажи нам о подвигах самого Домбровского.

Мэмер. А пока садись. (Усаживает Рири.) Стоит как вкопанный, что за ребенок! (Пауза.) Господи, мои блинчики! (Входит в помещение.)

Тонтон. Говорят, версальцам дали взбучку.

Рири (упавшим голосом). Да, мы добились некоторых успехов, но...

Тонтон. ...но вы сражаетесь один против пятерых. Знаем. Знаем. Скоро все изменится, малыш. Это говорит тебе Тонтон.

Голос Мэмер: «А Тонтон знает, что говорит. Ему сказал гражданин Грелье. Сам Грелье».

Тонтон. Что касается дезертиров и «уклоняющихся», то Комитет

общественного спасения¹ примет против них меры. Скоро эти молодчики совсем перестанут упираться!

Возвращается Мэмэр и ставит перед Рири тарелку с блиничками.

Мэмэр. Только не рассказывай, что ты сыт.

Тонтон. Мы тебе все равно не поверим.

Рири пытается есть, но кусок застревает у него в горле.

Мэмэр (*усаживается рядом с ним*). Знаешь, Рири, Риетта — в Ванве, и Жаннетта тоже. Но сегодня Жашетта здесь, по увольнительной, как и ты.

Тонтон. И Мэмэр тоже сегодня отдыхает. (*Смеясь.*) Потому что мамаша шьет теперь мешки для Коммуны. Она не работает только в честь твоего приезда... (*К Мэмэр.*) Верно, Мэмэр? (*Пауза.*) Но это еще не все. Тонтон тоже получил «увольнительную» от вдовы Легро за то, что отказался от ночной работы в пекарне. Печь хлеб по ночам, когда Коммуна установила дневной труд! Этого недоставало!

Рири. Риетта и Жаннетта... сражаются в Ванве?

Мэмэр кивает.

Тонтон. Мэмэр, расскажи-ка Рири, как ведет себя Риетта под грохот орудий!

Рири. А... Поля? Она все еще в Женском союзе защиты Парижа?

Тонтон. ...и помочь раненым? Пока нет, потому что бедняжка сама ранена.

Рири (*взволнованный*). Поля ранена!

Мэмэр. Не переживай так, малыш. Поля была здесь полчаса назад. (*Пауза.*) Да через несколько дней она совсем поправится.

Тонтон (*смеясь*). Лучше по-дружески отсоветуй ей прогулки в шестнадцатом округе, в обществе гражданина Уде.

Рири (*после паузы*). А Жюло... все еще продаёт «Сосиаль»? Он обещал мне писать, но не написал.

Тонтон. Жюло? Постой!

¹ Комитет общественного спасения был создан 1-го мая 1871 года и обладал широкими полномочиями.

Мэмэр. Ты ничего не ешь, Рири. Что с тобой?

Тонтон. Да, Жюло ведь в Ванве! Он ушел туда позавчера. И знаешь, что он сказал мне перед уходом? «Рири сражается, а я что?»

Рири. И Жюло в Ванве?

Тонтон. Не расстраивайся, Рири, что вы не вместе. Полно! Вы непременно встретитесь и опрокинете еще стаканчик за Комитет общественного спасения и за Тонтона, который с ним заодно.

Входит Леон Уде с баулом.

Леон Уде. Да это ж Рири! (*Целует его.*)

Мэмэр. В отпуске.

Тонтон (*Леону Уде*). И увольнительную сму дал Домбровский, слышишь, — сам Домбровский в награду... Наш Рири пришел из форта Исси, где сражался, как дьявол. (*Пауза.*) Да развязи ты наконец свой баул, тебе же не терпится! Мы ведь догадываемся, что это «добрая тетушка»¹ вернула твое снаряжение.

Леон Уде (*раскрывает баул и выкладывает перед собой его содержимое: будильник, спиртовку и т. п.*). Воля ваша, но вновь —обретенные вещички после стольких месяцев, согревают душу!

Тонтон (*смеясь*). Слышишь, Рири, я рассказываю ему о твоих ратных подвигах, а он в это время...

Леон Уде. На сей раз ты прав, что ругаешься. Это непростительного. (*К Рири.*) Ну, шалун, что происходит в Исси? Что за подвиг ты совершил? Меня-то здесь не было, когда ты им поведал свою историю.

Рири (*встает, выпаливает одним духом*). Вот вам моя история! Я все наврал! Нет у меня никакой увольнительной! Меня отослали, просто-напросто отослали, как «недостойного участвовать в ночных вылазках». Домбровский отдал приказ, но... мне вдруг стало так страшно, что... что я не смог выполнить... Только с этим теперь покончено! Я больше никогда бояться не буду, и если даже буду бояться... Клянусь тебе, Тонтон, я

¹ Имеется в виду ломбард.

возвращусь на аванпост немедленно, сию же минуту! Пожалуйста, передайте Поле... и Жюло... если его увидите, что я вернулся в Иесси!

Мэмер. Бедный мой малыш! Вот отчего он ничего не ел.

Тонтон (*похлопывая Рири по плечу*). Ну, раз ты возвращаешься туда... (*Показывая на голову Рири*.) Раз там внутри все решено...

Мэмер, обливаясь слезами, заворачивает близники и укладывает в походную сумку Рири.

ПРОХОД VI

Коммуна. Принимая во внимание, что администрация некоторых предприятий ввела беззаконную систему штрафов и удержаний из заработной платы, Исполнительная комиссия Парижской коммуны, согласно предложению Комиссии труда и обмена, постановляет: все штрафы и удержания из заработков, произведенные с восемнадцатого марта сего года, должны быть возмещены потерпевшим в двухнедельный срок со дня обнародования настоящего декрета.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

7 мая. Раннее утро. Муниципальная комиссия пятого округа. Та же декорация, что в шестой картине. Большой беспорядок. На полу — два туфляка. Горит лампа. Слева, на стуле, спит рассыльный. Справа, за столом.— Пьер Фурнье и Тонтон. Напротив них сидит Старый служащий Орлеанской железнодорожной компании.

Старый служащий. Во время осады, когда Орлеанская железнодорожная компания формировалась свой батальон, она обязала нас, служащих, надеть форму национальной гвардии и охранять депо...

Тонтон. Но когда вы потребовали оружие, вам его не дали.

Старый служащий. Несмотря на то, что орали мы до хрипоты.

Пьер Фурнье. Что мы можем для тебя сделать, гражданин?

Старый служащий. Погодите, граждане, сперва я вам все расскажу... С нас до сих пор еще ежемесячно удерживают

часть заработной платы... якобы за обмундирование. А наши заработка так тощи...

Пьер Фурнье. Слышишь, Тонтон!

Тонтон. Тебя это удивляет?

Старый служащий. Вот я и подумал: пойду-ка я в мэрию пятого округа, раз живу в этом округе,— и выпложу им свою обиду...

Пьер Фурнье. И хорошо сделал, что пришел. Твое поручение будет выполнено. Мы немедленно обратимся с запросом в Парижскую коммуну. Обещаю! (*Поднимается, чтобы проводить посетителя*.)

Старый служащий (*вставая*). Да, не мешало бы Коммуне высказать этим негодяям, кто они такие. Когда она будет поменьше занята версальскими шпирами, конечно!

Пьер Фурнье. Можешь на нас рассчитывать, старина, дело не затянется!

Тонтон и Пьер Фурнье пожимают руку Старому служащему, который уходит налево. Рассыльный продолжает спать.

Тонтон (*после паузы*). Бедный старик!

Пьер Фурнье. А главное — бедная Коммуна: за два месяца власти не сумела навести порядок... (*Расхаживая по комнате*.) Зачем я соврал этому человеку? Почему заверил, что дело не затянется, когда отлично знаю, что оно будет тянуться?

Тонтон. Пьеро, у меня идея: завтра ты напишешь донесение в Комиссию труда и обмена и попросишь Софию передать его, подчеркнув, что дело не терпит отлагательства. А теперь — спокойной ночи, я окончательно выдохся. (*Пауза*.) Притаптываться сюда в шесть часов утра! Он всему свято верит, этот старик!

Пьер Фурнье молча садится за стол и начинает писать.

Неужели ты собираешься писать сейчас?

Пьер Фурнье. Почему бы и нет?

Тонтон. Да потому, что ты не сомкнул глаза... после поездки к Домбровскому. И если ты будешь так надрываться, Пьеро, то

очень скоро свалившись. (Ложится на тюфяк.) Последуй лучше моему примеру.

Пьер Фурнье молча продолжает писать рапорт.

(Не может заснуть, бормочет.) Какие негодяи, эти железнодорожные администраторы! (Стараясь привлечь внимание Пьера Фурнье.) Какие же они негодяи!

Пьер Фурнье не отвечает.

(Встает и подходит к нему.) Ну-ка давай сюда свой рапорт!

Пьер Фурнье протягивает ему рапорт. Тонтон читает. К нему подходит рассыльный, который за это время проснулся и достал из кармана конверт.

Рассыльный (входя). Гражданин Фурнье, извини... у меня записка для тебя... со вчерашнего вечера. (Передает ему конверт.) Но так как я прочитал в «Гласе народа»...

Тонтон. Ладно.

Рассыльный возвращается к себе, садится на стул и разворачивает газету. Тонтон продолжает читать рапорт. Пьер Фурнье читает записку и взъерошенный ее содержанием начинает шагать по комнате.

Что случилось?

Пьер Фурнье. Софья обвиняет меня, и она права...

Тонтон (удивленный). Обвиняет тебя? В чем?

Пьер Фурнье. В том, что я подсунул Домбровскому рапорт о поставке солдатских башмаков, не задумавшись, почему господин Пешто ни с того ни с сего уступил.

Тонтон. Но...

Пьер Фурнье. Мы все дали себя облапошить. Обрадовались, что это выгодно для интенданства, и не заметили, что Пешто под шумок снизил заработка своим работницам.

Тонтон. Откровенно говоря... я не совсем...

Пьер Фурнье. Прочитай! (Протягивает ему записку Софии.)

Тонтон (потрясенный). Ты в самом деле убежден, что все... было подстроено с целью внушить работницам Пешто, что, по

сравнению с нынешними порядками, при старой республике и при империи им была лафа?

Пьер Фурнье. Именно. И еще для того, чтобы они подбили других. (Ходит по комнате.)

Тонтон (ложась на тюфяк). Возможно. Но при чем же тут ты, Пьеро? Ты ведь был просто курьером.

Пауза.

Ну а почему же Домбровский не подумал, прежде чем поднистал эту бумажонку? Гражданка Николаева явно перегибает палку. Я непременно проберу ее за это.

Пьер Фурнье (останавливаясь). Как по-твоему, Тонтон, если я попрошусь на аванссты — ободрять бойцов, собирать их жалобы... ну хотя бы изредка, раз в неделю... комиссия окажет мне это доверие?

В комнату входит взъерошенный рассыльный с газетой в руках.

Рассыльный. Вы прочитали в «Сосиаль» письмо Лапюэля? Рабочие-литейщики заявляют... вот! (Читает.) «Ввиду настоятельной необходимости в снарядах мы с сегодняшнего дня приступаем к их выпуску. И первый снаряд, вышедший из наших объединенных цехов, понесет ваш ответ клеветникам дела освобождения трудящихся». Здорово, а?

КАРТИНА ШЕСТЬНАДЦАТАЯ

10 мая на рассвете. Улица в пятом округе. На стенах еще есть афиши. Посреди сцены — камень. Две работницы с сумками для провизии, в которых лежат буханки хлеба, тихо разговаривают между собой. Справа входят изрядно пьяные Мартен-Бернар и Пешто. Они не замечают работниц, как и те — их.

Мартен-Бернар. Ну, кто был прав, Жорж? В конце концов вы заключили золотую сделку с этими проклятыми солдатскими башмаками!

Пешто. Золотую? Вы преувеличиваете, но, откровенно говоря...

Мартен-Бернар (смеясь). ...теперь у вас есть чем заплатить мне за картину Мане.

Слева входят четверо национальных гвардейцев. Они в лохмотьях, подавленные, растерянные. К ним подходят работницы, затем Мартен-Бернар и Пешто.

Откуда вы, молодцы?

Первый гвардеец. Из форта Иесси. Нас было там четыреста, почти все погибли.

Пешто. Форт Иесси... пал?

Второй гвардеец (тихо). Да.

Первая работница. Но как это могло случиться? Неужели Межи сдал его?

Вторая работница. Говорили, будто Эд...

Второй гвардеец. Форт пал.

Национальные гвардейцы уходят направо. Желая узнать подробности, работницы следуют за ними. Мартен-Бернар, смеясь, хлопает по плечу Пешто, который тоже смеется. Измодденные, шатаясь, словно пьяные, слева входят двое других национальных гвардейцев с носящими. Солдаты роняют носянки, с которых скатывается труп; они его неловко подбирают и уходят направо.

Пешто. Подумать только! И эти пьяные бестии претендуют на самоуправление! (Спотыкается: разговор о деньгах исчерпан, опьянение вновь овладело им.)

Мартен-Бернар. Претендовали!

Входит Пьер Фурнье в форме национального гвардейца, обесциленный, с непокрытой головой. Опустился на камень, поник, склонился за голову. Справа входит Непутевый рабочий с банкой клея и афишами.

Непутевый рабочий (наклеивая афишу, горланит). Трехцветный флаг развевается над фортом Иесси!

Пьер Фурнье неподвижен. Непутевый рабочий уходит налево, продолжая орат: «Трехцветный флаг развевается над фортом Иесси!»

Мартен-Бернар (читая афишу). «Трехцветный флаг развевается над фортом Иесси, покинутым вчера вечером своим гар-

низоном». Подпись — Россель. (Смеясь.) Ну, раз сам военный делегат признает, что Иесси оставили!..

Пьер Фурнье (пытаясь подняться, кричит). Неправда! Гарнизон не покидал форта. Это ложь! (Не в силах стоять, садится.)

Пешто хочет уйти, но Мартен-Бернар удерживает его. Они отходят.

Голос Жюло. Это ложь, что трехцветный флаг развевается над фортом Иесси!

Пешто вздрагивает. Входит Жюло с банкой клея и афишами и повторяет свой возглас. К нему подходят Пешто и Мартен-Бернар. Пьер Фурнье поднимает голову, будто в полуслоне, но с места не дангается.

Жюло (к Пешто и Мартен-Бернару). Читайте, граждане!

Пешто (читая, встревоженно). «Это ложь, что трехцветный флаг развевается над фортом Иесси!»

Жюло. Да. Россель говорит неправду, чтобы деморализовать Париж и захватить власть. (Кричит.) Они не взяли Иесси и не возьмут его никогда! (Уходит, повторяя.) Это ложь, что трехцветный флаг развевается над фортом Иесси!

Пешто. Кому верить?

Мартен-Бернар. Полн! (Смеясь.) Если бы Россель лгал, не последовало бы тут же опровержение!

Пешто. Значит, по-вашему, мы можем считать себя счастливыми?

Мартен-Бернар. Счастливыми? О нет! (С пафосом.) Ибо как не пожалеть бедных, доведенных до белого каления парней! Они безусловно сражались с большим мужеством и завтра будут сражаться так же, чтобы в результате самим расплачиваться за разбитые горшки, так как главари благополучно скроются!

Пешто. Признаться, дорогой, я нисколько не разделяю ваших переживаний. Для меня важнее всего...

Мартен-Бернар. ...чтобы предприятие Пешто-отца перешло к Пешто-сыну. Разумеется! (Смеясь.) Так оно и будет!

Уходят налево. Пьер Фурнье продолжает неподвижно сидеть на камне. Справа входит Софья.

Софья. Пьер! (*Подходит к нему.*) Гражданин Фурнье!

Пьер Фурнье (*очнувшись*). Софья?!

Софья (*мягко*). Я. (*Пауза*). Вы были в Иесси?

Пьер Фурнье (*тихо*). Да.

Софья. Иесси — в их руках?

Пьер Фурнье. Да.

Софья (*берет его руку*). Друг мой...

Пьер Фурнье (*прерывающимся голосом*). Да, Софья, все конечно, Иесси в их руках. Но не по нашей вине. Все наши люди погибли, кончились припасы... Надо было тысячу человек... а нас было всего двести... и ни одного орудия! «Отчаянные ребята» пали все до единого. Только Рири, кажется, уцелел... (*Показывая на афишу*.) Россель лжет, что гарнизон покинул форт... Мы сражались до конца. Даже дезертиры, которых Россель разжаловал... Шинели их были разорваны... просвечивала подкладка... И они тоже пошли драться, и тоже погибли... Но не это хотел я тебе сказать (*пытаясь улыбнуться*), гражданская Софья.

Софья (*стоя перед афишей, которую наклеил Жюло*). Здесь говорится... обратное... «Это ложь, что трехцветный флаг...»

Пьер Фурнье. Ах, опять! (*Он-то точно знает, что трехцветный флаг развевается над фортом, и поэтому печален, задумался*.) Да, вот что я хотел сказать. Софья: мне кажется, что я поступил правильно, оставшись в Иесси... вместо того чтобы (*с горечью*) заседать в мэрии. Ты была права. Я там плохо работал. Как вспомню мой рапорт Домбровскому!.. Конечно, теперь уже не важно... Но это не довод... Каждый в ответе за общее дело. Ты была права. (*Пауза*.) Софья, ты на меня больше не сердишься? (*Опускается перед ней на колени и цепляет ей руки*.)

Софья (*поднимая его*). Знаешь, Пьер, теперь предприниматели не могут ничего удерживать из заработка рабочих. И это отчасти благодаря твоему рапорту по делу служащего Орлеанской железнодорожной компании.

Пьер Фурнье (*радостно*). Правда?

Софья (*серъезно*). Правда.

Пьер Фурнье (*вставая, роняет свою куртку, но не замечает этого*). Софья, я там тоже приносил пользу, не как солдат, разумеется! В тот день, когда я почти научился стрелять (*с печальной ironией*), у нас не оставалось уже ни одного патрона. Но я хоть подбодрил товарищей.

Софья целует его в лоб.

Я все время думал о тебе, Софья. Нет, я лгу! Когда сплю — снаряды ни о чем не думаешь. И когда тобой владеет ненависть... (*Шатается*.)

Софья. Идем в Комитет бдительности, он рядом. Ты там немного отдохнешь.

Пьер Фурнье. Не знаю... дойду ли.

Софья. Я тебе помогу. (*Поддерживая, уводит его направо*.)

Навстречу им входят Аббат и Анатоль де Курмон.

Аббат (*вслед Пьера Фурнье и Софье*). Вы его узнали?

Анатолий де Курмон. Кого?

Аббат. Не короля английского, разумеется. Того жалкого субъекта, который попался нам навстречу со своей кралей. Третьего апреля...

Анатоль де Курмон. Третьего апреля?

Аббат. Конечно. Эта дата вам ничего не говорит? А мне она памятна. Шли повальные аресты служителей господна... Этому типу очень хотелось задержать и меня. (*Пауза*.) Мы были тогда вместе с вами, дорогой.

Анатоль де Курмон. Припоминаю... это друг Робера Удэ, он чуть не задержал нас на острове Сен-Луи.

Аббат (*резко*). Он самый. (*Поднимает куртку Пьера Фурнье, достает из карманов бумаги, просматривает их*.)

Анатоль де Курмон (*испуганно*). Аббат, что вы делаете?!

Вдруг национальные гвардейцы...

Аббат (*злорадно*). После взятия форта Иесси французской армией национальные гвардейцы больше не котируются, дорогой!

ИНТЕРМЕДИЯ VI

На помосте Бисмарк поит из ведра коня и слушает Тьера. На авансцене лицом к публике — Коммуна с листом бумаги в руке; она еле держится на ногах. Рядом — едва доходящий ей до талии — макет Вандомской колонны. Слева — в кресле встревоженная Ассамблея. Неподалеку от нее — Миротворец с поникшей головой. Французский банк приоткрывает и тут же захлопывает свой сейф.

Тьер (*Бисмарку*). Господин канцлер, в этот решающий момент мне очень хочется сказать вам, как Франция тронута вашей благосклонностью. Без вас, без великодушия возвращенныхами пленных Париж мог бы еще долго оказывать пагубное сопротивление. (*С глубоким волнением*) Как вас отблагодарить?!

Бисмарк. Уплатите его величеству императору первый взнос вшего военного долга в срок, установленный обеими сторонами.

Тьер (*важно*). Господин канцлер, даю вам слово.

Бисмарк смеется.

Ассамблея. Мсье Тьер! Мсье Тьер!

Тьер. Извините, господин канцлер...

Бисмарк, продолжая смеяться, делает жест, означающий: «Охотно извиняю».

(*С трудом спускается с помоста и подходит к Ассамблее, кланяясь*.) Мадам...

Ассамблея. Ну так пошли, что ли?

Тьер (*глубоко вздыхая*). Это все, что вы можете мне сказать?
(Принимается чистить пушку.)

Ассамблея. Все, все! Конечно, все! Что вы еще хотите?

Коммуна (*ударяет ногой Вандомскую колонну, та разваливается*). Граждане, мы стали свидетелями падения этой колонны и тирана, поверженного в прах и в прах превратившегося. (*Топча обломки колонны*.) Тот, кто растоптал Республику, повергнут теперь к итогам народа. Настал день отмщения. Вызов версальским убийцам брошен.

Тьер целился в Коммуну, стреляет. Тяжело раненная, Коммуна зашаталась. Ассамблея подпрыгивает от радости, как девчонка.

Коммуна (*выпрямляется и продолжает провозглашать*). Статья единственная: к семьям жертв гнусного нападения на патронный завод Рапп будет применяться апрельский декрет тысяча восемьсот сорок первого года о вдовах и сиротах. (*Несмотря на ранение и крайнюю усталость с ружьем на плече обходит сцену*.)

Бисмарк смеется, глядя на неуклюжую походку Коммуны. Но Миротворцу не до смеха. В течение всей предыдущей сцены он оставался мрачным и неподвижным.

Миротворец (*тихо, Тьери*). Вы действительно хотите... уже сегодня вечером захватить Париж... каких бы жертв это не стоило?..

Тьер. Несколько продырявленных домов, несколько убитых людей, но зато восторжествует закон. (*Еще тише, повелительно*.) Лучше идите, известите, вы знаете кого...

Миротворец кивает в знак согласия и с печальным видом направляется к сейфу банка. Стучится. Банк приоткрывает сейф.

Миротворец (*Банку, тихо, зловеще*). Сегодня вечером.

Французский банк берет лопату, ворочает груды золотых слитков, затем снова захлопывает за собой сейф.

Голос Французского банка (*глоухо из сейфа*). Первое кредитное учреждение мира вынуждено скрываться... из-за того, что куча мошенников, повелевающая пьяницами и покровительствующая убийцам, воображая себя в опасности,грозит уничтожением всему, что составляет славу цивилизаций!

Тьер с пушкой подкрадывается к Коммуне, которая, вконец изможденная маршем, прилегла к задремала.

Миротворец (*прикрепляет к рукаву траурную повязку, снимая шляпу, зловеще*). Словно на кладбище, когда забрасывают землей гроб! (*Опускает голову*.)

Коммуна (*во сне*). Гарибальдийцы обратили в бегство «деревенских». Мы удерживаем перевес в районе Кламара.

Бисмарк на коне весело скачет по помосту.

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

20 мая. Вечер. Тюильрийский сад. Гирлянды разноцветных фонариков. Доносится отдаленный орудийный грохот.

Голос Жанны-Марии (очень громко.) Для вдов и сирот
Парижской коммуны!

Справа входят два национальных гвардейца, один из них ранен.

Первый гвардеец (поддерживая раненого). Тебя вылечат, ты обязательно поправишься, не бойся.

Второй гвардеец. Я не боюсь... Я все время думаю о Кламаре. Если б ты знал... какое поражение!.. А в Париже болтали о наших победах!

Уходят налево. Сцена пуста.

Голос Жанны-Марии (удаляясь). Для вдов и сирот Парижской коммуны!

Пауза. Справа входят Пьер Фурнье и Софья.

Софья. Я знаю, почему ты на меня сердишься, гражданин Фурнье.
Пьер Фурнье. В самом деле?

Софья. Ты сердишься за то, что я не пошла с тобой во вторник поглядеть на падение Вандомской колонны. Я была занята в тот день. Да, занята. Мне необходимо было передать наказы работниц швейных мастерских в Комиссию труда и обмена.

Пьер Фурнье (иронически). А так как вы швея, отказаться было невозможно.

Софья. И хотя я и не швея, я не могу быть безучастной к судьбе работниц. Разделение труда, к счастью, не сильная сторона Коммуны, граждания Фурье.

Пьер Фурье. Лучше сознайся: ты считаешь разрушение Бандомской колонны ребячеством, более того — серьезной политической ошибкой. Только ты забываешь, гражданка Софья, что поверженная в прах императорская колонна означает для всех свержение тирании. Ты не понимаешь, что для нас пред-

ставлял собой Наполеон Бонапарт... (саркастически) не говоря уж о его благородном потомстве.

Софья. Отлично понимаю.

Пьер Фурнье. ...но тебя смущает международное общественное мнение? Очень помогло нам... ваше пресловутое общественное мнение! (*Горячас.*) Вот если мы сами будем бездействовать, если баррикады не вырастут буквально на всех улицах, на всех перекрестках... Мало вырыть одну траншею на Королевской улице, другую — у Трокадеро... за семь недель!

Софья (холодно). Какая связь?

Пьер Фурнье. Ну, раз ты не видишь связи!..

Софья. Не вижу. (Собирается уйти.)

Женский голос (объявляет). Плач покойной...

Мужской голос (смеясь продолжает)... Вандомской колонны!

Женский голос (поэт).

Хоть и на разные мотивы,
Гремят оркестры об одном,—
Что долгожданный и счастливый
Пришел ваш праздник в каждый дом!
Как будто в опере сидишь.
Наполнен музыкой Париж!
Народ, свергая властелинов,
Стремительно идет вперед.
Довольно нам таскать на спинах
И ублажать пичтожный сброд!
Но знай, народ,
 что лишь в борьбе
Добудешь счастье ты себе.

Амлодисменты прерываются канонадой, но вскоре возобновляются.

Пьер Фурнье (*кричит под шум аплодисментов*). Почему вы не уходите? Ведь сегодня я не падаю в изнеможении. Пожалеть защитника Исси, разбитого, описевшего, куда ни шло! Это допустимо даже для активистки Интернационала, даже для ответственного члена Комиссии труда и обмена! Но тратить попусту время со здоровым человеком, к тому же «отсталым»,

разделяющим взгляды тысяча семьсот восемьдесят девятого года!..

Аплодисменты прекращаются.

Мой привет гражданину Франкелю! (Идет в глубь сцены.) Софья. Я сейчас не в комиссию, а в походный госпиталь, на Елисейские поля.

После минутного колебания Пьер Фурнье уходит. Проводив его взглядом. Софья тоже уходит налево. Справа входят — с кружками для сбора пожертвований — Жанна-Мария и Ариэтта. Они в военной форме. Ариэтта плачет.

Жанна-Мария. Полню, Риетта!

Слышатся шаги.

(Громко.) Для вдов и сирот, подопечных Парижской коммуны!

Слева входит Тонтон.

Тонтон. Значит, деньги собираете, девочки? Отлично. Но за этих сирот надо еще отомстить, да заняться дезертирами. Как побываешь в госпитале — я только что оттуда, — как посмотришь на этих калек.. Однако и это пригодится... (Опускает монеты в кружку Ариэтты, которая внезапно разрыдалась.) Не плачь, Риетта, лучше открои свое сердечко Тонтону. Шарло будет отомщен. (Пауза.) Убивать ни в чем не повинных людей средь бела дня в Париже! Надолго запомнится взрыв на авеню Рапп. Это опять дело рук Версала, конечно!

Ариэтта отходит в сторону, утирая слезы.

Жанна-Мария (тихо, Тонтону). Да, с тех пор как семнадцатого на патронном погиб Шарло...

Тонтон кивает.

Тонтон (Ариэтте). Будь мужественна, девочка. Сегодня всем нам необходимо мужество.

Ариэтта продолжает плакать.

Ты ведь такая отважная!

Ариэтта плачет.

(Снова опускает деньги в ее кружку.) Ну вот тебе еще, это не помешает. (Пауза.) А теперь пойду наслаждаться музыкой! (Направляется в сторону, где идет концерт.)

Мужской голос (поет пародийные куплеты).

Простакам- pariжанам урок мы дадим.

Судьбою играть людям нравится.

Как стрелять, бунтовать как,

покажем мы им!

Голодранцам ли с нами расправиться!

Аплодисменты. Публика повторяет последнюю строчку при общем смехе.

Ариэтта идет, опустив голову.

Жанна-Мария. Расскажи!

Ариэтта. Рассказывать нечего.

Справа входит Мартен-Бернар.

Жанна-Мария. Для вдов и сирот Парижской коммуны! Немного доброй воли, гражданин!

Мартен-Бернар (подойдя к Ариэтте). Да это... гражданска Ариэтта! Мы ведь знакомы. Неужели вы меня не помните! Ариэтта (после минутного колебания). Нет.

Мартен-Бернар. Тогда вы продавали цветы. А сейчас больше не продаете, потому что парижская торговля, увы...

Жанна-Мария (агрессивно). Чем же вам не нравится парижская торговля? Вы, гражданин, видно, находите, что было лучше, когда люди изнывали под бременем арендной платы и векселей!

Мартен-Бернар. Не хочу огорчать вас, гражданска, но боюсь, что им скоро... придется все-таки оплатить и векселя и аренду.

Жанна-Мария. Вы, пожалуйста, имеете секретные сведения из генерального штаба? Поделитесь же с нами!

Мартен-Бернар. Никаких сведений у меня нет. Я самый обыкновенный гражданин. (Опускает несколько монет в кружку

Жанны-Марии.) Пусть моя лента будет не последней в этот вечер. (Кланяясь, удаляется налево.)

Навстречу ему идет Бобур.

Анриетта (*Жанне-Марии*). Никак не припомню, где я видела этого типа. Кто он?

Жанна-Мария. Провокатор.

Бобур. Господин Мартен-Бернар, я, право, счастлив...

Мартен-Бернар (*иронически*). Я тоже. (Пауза.) Наша дорогая «Фигаро» все еще бездельничает? Один-единственный номер за месяц! Вам легко живется!

Бобур (*в замешательстве*). Господин де Вильмессан, да и я тоже... мы оба подумали... так как мы скоро будем опять печататься в Париже...

Мартен-Бернар. ...незачем позорить себя, печатаясь в Версале, понятно! (*Пожав руку Бобиру, уходит налево*).

Бобур, очень смущенный, направляется в другую сторону.

Жанна-Мария (*громко, подходя к Бобиру*). Для вдов и сирот Парижской коммуны.

Бобур опускает деньги в ее кружку.

Спасибо, гражданин. (*Анриетте, которая опять плачет*.) Риетта...

Справа входит **Анри Лагард** с медицинской сумкой.

Анри Лагард. Здравствуйте, Жанна-Мария. (Пауза.) Вы все еще собираете деньги?

Жанна-Мария. Да.

Анри Лагард. Я восхищаюсь вами.

Жанна-Мария. Почему?

Анри Лагард. Потому, что при любых обстоятельствах вы выполняете свой долг.

Жанна-Мария. Вы тоже, гражданин Лагард. (Пауза.) Вы, наверно, — в госпиталь?

Анри Лагард кивает.

А почему вы сказали «при любых обстоятельствах»? (С тревогой.) Что случилось?

Анри Лагард (*уклончиво*). Ничего.

Жанна-Мария. Вы боитесь, что версальцы скоро вступят в Париж, и тогда французы начнут убивать друг друга на улицах? Да?

Анри Лагард (*тихо*). Я прежде всего боюсь, что не сумею оказать помощь всем, кто будет в ней нуждаться, гражданик Жанна-Мария. (*Уходит налево*.)

Жанна-Мария порывается его догнать, но Анриетта роняет свою кружку и опять начинает рыдать. Жанна-Мария подходит к ней. Рабочий с рукой на перевязи пересекает сцену справа налево. Входит буржуазная пара.

Жанна-Мария (*призывает*). Для сирот, чьи отцы отдали свою жизнь за Парижскую коммуну! Для семей и детей, опекаемых Парижской коммуной!

Буржуазная пара колеблется, но в конце концов опускает деньги в кружку Жанны-Марии и уходит. Анриетта продолжает плакать.

(*Властно*.) Ты все еще не желаешь говорить?

Анриетта. Нет-нет, я тебе скажу... мне страшно, Жаннетта, страшно. Разве ты не видела, что сегодня, после взрыва на патронном заводе, даже мальчишки показывали пальцем... на нашу форму! Шарло тут ни при чем... Ты ведь знаешь, за это время у меня уже был Пьетро... Я боюсь, Жаннетта, боюсь потому, что теперь все происходит рядом, здесь, в самом Париже. И когда они войдут... мама мне сегодня утром говорила... (Пауза.) Я больше не могу, Жаннетта! (*Бросает свою кружку, которую раньше подняла*.) Я... я пойду домой!

Жанна-Мария. Да, Риетта, не весело стыдиться самого себя.

Анриетта. Откуда ты знаешь? Ты когда-нибудь это испытала?

Жанна-Мария. Ты не права, Анриетта.

Справа входят Робер Уэй и Поля.
Они не замечают Жанну-Марию и Анриетту.

Поля (Роберу Удэ). Ну и что же! По-моему, очень правильно, что именно женщинам-добровольцам поручено обезоружить дезертиров. По крайней мере этим молодчикам будет стыдно, можно не сомневаться.

Жанна-Мария (подойдя к ним). Робер, скажи Риетте, что версальцы еще не скоро вступят в Париж, а если даже и скоро, что все равно непростительно... Она хочет бросить нас, изменить Коммуне, вот ты и скажи ей... (*Поле*). И ты скажи! **Робер Удэ.** Как, Риетта, неужели ты хочешь удрачить от нас? Но, Жаннетта, и не только Жаннетта, и Мэмэр, да и все рассказывали мне, какой мужественной ты была в Ванве... А теперь, из-за того, что в Кламаре и Кашиане версальцы благодаря хитрости обошли нас...

Поля. Анриетта, ты не покинешь нас! Я была бы так... огорчена! **Жанна-Мария.** Риетта, слышишь, что говорит Поля? Ведь Поля могла бы жить у себя дома богато и весело. Но когда Париж поднялся, она пришла сражаться вместе с нами против тиранов. А ты, ты — парижанка, ты, парижская работница — струсила? Риетта!

Робер Удэ целует Жанну-Марию в лоб. Поля протягивает ей руку. Анриетта продолжает плакать. Поля подходит к ней и кладет руки ей на плечи.

Мужской голос. Граждане, господин Тьер обещал вступить в Париж вчера. Господин Тьер не вошел и не войдет в Париж. Приглашаю вас в следующее воскресенье на наш второй концерт в пользу вдов и сирот Коммуны.

Голоса. Да здравствует Коммуна!

Прилев «Марсельезы»: «К оружью, гражданин!» Каждый второй фонарик гаснет. В глубине появляются первые выходящие с концерта зрители.

Ариетта (с огромным усилием). Для вдов и сирот... Парижской... коммуны.

Жанна-Мария (твёрдым голосом). Для вдов и сирот победоносной Парижской коммуны!

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

Плакат: «Кровавая неделя. 21–29 мая 1871 года»

ИНТЕРМЕДИЯ VII

Помост пуст. На авансцене, лицом к публике, — Коммуна с рукой на перевязи. Позади Коммуны стоит Бисмарк. К нему, толкая впереди себя пушку, направляется Тьеर; Бисмарк расставляет ноги. Слева, наблюдая за происходящим, стоит Ассамблея. Справа — Миротворец, закутанный в широкий плащ, — он торжественное прежнего. Сейф банка закрыт.

Коммуна. После двух месяцев непрерывной борьбы Париж по-прежнему полон сил. Париж продолжает бороться — неутомимый, героический, непобедимый. (*Делая шаг вперед*) Великие города Франции, неужели вы останетесь безмолвными и безучастными свидетелями смертельный поединка между будущим и прошлым, между республикой и монархией?

Ассамблея злобно грозит кулаком Коммуне, которая, поглощенная своим воззванием, не замечает ни ее, ни Тьеера, пробирающегося между ног Бисмарка.

Бисмарк громко хохочет. Коммуна и на это не обращает внимания. Благополучно завершив свой маневр, Тьеер стреляет из пушки прямо в спину Коммуны. Она падает.

Тьеер (громовым голосом). Ворота Сен-Клу пали под огнем наших орудий. Генерал Дуз прорвался через них и в эти минуты вступает в Париж во главе своих батальонов. Войска генералов Ладморо и Клемана тронулись следом за ними.

Ассамблея (внимательно слушавшая Тьеера). Уф!

Бисмарк (хлопая себя по ляжкам). Бесподобно!

Миротворец (обращаясь к незримой парижской толпе, тихо, трагично). Граждане, довольно крови, довольно слез, довольно жертв! (*Простирая руки*.) Матери, вам надлежит спасти Францию! Солдаты не устоят перед женской мольбой.

Бисмарк (про себя, но довольно громко, смеясь). Настоящий социализм!

Коммуна (поднимаясь с большим трудом). Пусть все истинные

граждане восстанут! На баррикады! Враг в наших стенах! Не медлите! Вперед за Республику, за Коммуну, за Свободу!

КАРТИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

22 мая. Раннее утро. Баррикада Пантенона. Национальные гвардейцы и штатские (рабочие блузы и сюртуки вперемежку) строят баррикаду. Среди них — Пьер Фурнье, Тонтон, Леон Уэз, Жанна-Мария, Поля, Анриэтта. Козлы из ружей. Жюло и Рири орудуют огромной лопатой и заступом. Две работницы наполняют мешки и корзины булыжниками. В стороне стоит Робэр Уэз.

Национальный гвардеец (*другому*). Если бы только провинция поднялась и поддержала нас!

Тот не отвечает.

Пьер Фурнье (*прерывая работу*). Как хотите, но это безобразие, что до сих пор ратуша не защищена баррикадами. Почему нет приказа Коммуны?

Робэр Уэз. Возможно, и есть, но его не выполняют.

Работница (*наполняя корзину*). Терраса Тюильри тоже не защищена.

Другая работница. И редут Сен-Флорантен. Я была там вчера...

Тонтон (*смеясь*). По-моему, гражданки, выход один: направить уполномоченного по баррикадам, гражданина Гайара-старшего с запросом в Парижскую коммуну!

Леон Уэз (*насмешливо*). А может быть, в Центральный комитет? Национальный гвардеец (*так же*). Или в Генеральный штаб?

Пьер Фурнье. Мне что-то не до смеха.

Жанна-Мария. Если бы у нас было единое командование и единая партия, то не было бы такой неразберихи.

Робэр Уэз. Полно, Жаннетта! Дискутировали бы столько же. (*Смеясь*) Париж есть Париж!

Поля. Нет, Жанна-Мария права. Потеряли бы куда меньше времени и сил.

Первая работница (*зло, Поле*). Значит, мы трудимся напрасно? Надо было сидеть у моря и ждать погоды... раз нет единой партии?

Поля. Почему вы так говорите? Я работаю... наравне с вами... (*Вдохнувшиясь*) И я убеждена: все принесет пользу. Понимаете? Все!

Робэр Уэз. Золотые слова! (*Оборачиваясь к Поле и Жанне-Марии*) А главное, мои милые, — и это всего дороже, — мы здесь все заодно.

В глубине сцены проходит Бобур; он смущен, торопится.

Тонтон. Все? Слишком громко сказано. Поглядите-ка на этого! Первая работница. По его виду не скажешь, что он болеет душой за Парижскую коммуну!

Жанна-Мария (*подойдя к Бобуру, агрессивно*). А ну-ка, гражданин, потрудитесь немного на благо республики!

Бобур продолжает молча идти. Жанна-Мария делает знак Анриэтте, чтобы она тоже окликнула его.

Анриэтта (*с трудом*). На благо республики, гражданин.

Бобур не оборачивается, хочет уйти.

Тонтон (*выступая вперед, угрожающе*). На благо социальной республики, гражданин!

Бобур колеблется, но возвращается, поднимает с мостовой булыжник и кладет в корзину.

Видали, сколько кривлялся, пока поднял булыжник?

Пьер Фурнье. И он не единственный.

Робэр Уэз. Да! Многие не любят пачкать руки.

Жанна-Мария. Я постыдилась бы на их месте.

Робэр Уэз. Но они-то не на твоем...

Справа входит Ари Лагард.

Жанна-Мария. Потрудитесь на благо Коммуны, гражданин Лагард!

Анри Лагард (*кидая булыжник на баррикаду*). Во имя республики, гражданка Жанна-Мария.

Жанна-Мария смотрит в упор на Анри Лагарда, который продолжает стоять.

Робер Уде Поля, на тебе лица нет, отдохнула бы немного.
Поля. Это смешно, Робер, ты ставишь меня в неловкое положение.

(*Внезапно*.) Разве Жанна-Мария отдыхает?

Робер Уде. Жанна-Мария вынослива, как першерон, а ты, бедняжка моя...

Жанна-Мария пристальноглядит на Робера Уде.

Анри Лагард (*тихо, Жанне-Марии*). Жанна-Мария... как вам... сказать... понимаете, я думаю, что уже... слишком поздно. Вы не сможете, мне кажется... помешать им вступить в Париж.
(*С искренней печалью*.) И много крови прольется понапрасну.

Жанна-Мария. Мы солдаты республики, гражданин Лагард, и сумеем умереть за нее.

Анри Лагард (*еще тише*). Если вы умрете, я не переживу (*с тихим, печальным смехом*), гражданская! (*Уходит налево*.)

Тонтон (*не прерывая работы*). Послушай, Уде, гражданин Дон Жуан Лагард приворожил Жаннетту. Ты пропал!

Влётает Непутевый рабочий, размахивая топором.

Непутевый рабочий. Эй, друзья, будет надрываться, все одно вам крышка! И Парижу крышка! Крышка!

Первый гвардеец (*хватает его за шиворот и обезоруживает*).
Почему? Отвечай! (*Трясет его*.)

Непутевый рабочий. Верни мне топор. Говорят тебе, верни топор! (*Пытается удрать*.)

Тонтон (*подымав его*). Почему Парижу крышка, ну?! (*Трясет его*.)
Жюло. Почему?

Непутевый рабочий. Да потому, что, если хотите знать, версальцы еще вчера в шесть часов вечера вступили в город через ворота Сен-Клу!

Все поражены.

Леон Уде. Извините, гражданин, я только что был у Трокадеро и не видел там никаких версальцев.

Жанна-Мария (*смерив взглядом Непутевого*). Кто тебе платит? Пьер Фурнье. Кто ему платит, — ясно, но неясно, что нам-то с ним делать.

Робер Уде. Отобрать топор, и точка. (*Непутевому*) Брысь отсюда! Чего ждешь? Топор останется у нас.

Рири (*хочуща к Жюло*). В качестве заложника.

Жюло тоже смеется.

Непутевый рабочий (*сердито ворчит*). Ну ладно уж, ладно...
(*Удаляется нарочито развязно, но довольно поспешно*.)

Пьер Фурнье (*Роберу Уде*). Ты неисправим!

Тонтон (*поддерживая Пьера Фурнье*). Он прав.

Жюло. Да он врет, этот тип! Врет! Не может быть!

Рири. Поля, неправда ведь, что версальцы ворвались...
Тонтон. Полиоте, мы знали бы!

Анриетта. А если он не врет? Если версальцы... в самом деле...

Жанна-Мария (*с упреком*). Риетта!

Вторая работница (*тихо, почти про себя*). Конечно, мы знали бы.

Робер Уде. Во-первых, мы знали бы, во-вторых, Париж все же укреплен... что бы там ни говорил наш друг Пьер...

Анриетта (*упавшим голосом*). Ну а если... все-таки... ворота Сен-Клу пали?

Тонтон (*вздывая руки к небу*). Риетта, помилуй! (*В сторону, с усмешкой*.) Пали ворота Сен-Клу!

Набат. Все застывают. Полная тишина. Свет усиливается.

КАРТИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

22 мая. Глубокая ночь. Снова баррикада Пантенона. Скудное освещение. Люди, в общем, те же, только нет «сюртуков».

Большинство национальных гвардейцев, среди которых Тонтон, спят — кто на тюфяке, кто — прямо на земле. Пьер Фурнье и еще несколько человек продолжают строить баррикаду, но работают они машинально, словно во сне. Жанна-Мария, сидя на земле, плетет мешок.

Тонтон (заплетающимся от усталости языком соседу-гвардейцу). Все это по вине Комитета общественного спасения! Когда землекопам платят по три франка семьдесят пять сантимов в день, — сам понимаешь!. Не говоря уже о федералистах Малого Ванва. Зачем было таптиться к Трокадеро? Простофили! Были б у меня обе ноги!..

Пауза.

Да ты меня совсем не слушаешь! (Засыпает.)

Входит расклейщик афиш, наклеивает афишу и уходит. Жюль, разбуженный его приходом, встает, подходит, просматривает афишу и снова ложится возле сияющего Рири.

Жанна-Мария (продолжая шить). Что там?

Жюль. Возвращение. Наше.

Пьер Фурнье (встает, подходит к афише, с трудом из-за полу-мрака вполголоса читает). «Довольно милитаризма! Дорогу народу, борцам с засученными рукавами! Час революционной борьбы пробил! Коммуна рассчитывает на вас, рассчитывайте на Коммуну!» (Усмехается.)

Жанна-Мария. А дальше?

Пьер Фурнье. Дальше... мы проиграем войну по вине военного делегата, гражданина Делеклюза. (Кричит.) Разве потому, что среди кадровых военных оказались предатели и авантюристы вроде Росселя...

Жанна-Мария (сухо)... и Домбровского...

Пьер Фурнье. Что с тобой?

Жанна-Мария. Спроси лучше, что было с Домбровским, когда он хотел сдать ворота Майо.

Пьер Фурнье (резко). Неправда! Он вовсе этого не хотел. Он заявил, что откроет городские ворота только из чисто военной хитрости.

Жанна-Мария (насмешливо). Знаю я... Он надеялся, верно, что, любезно впустив версальцев, мило возьмет их в плен, а потом так же... мило закроет за ними ворота Майо! Все ясно! Пьер Фурнье. Пожалуйста, не приплетай сюда свои мелоченные личные обиды...

Жанна-Мария. Какие обиды? Может, по-твоему я недостаточно нежно люблю Польшу?

Пьер Фурнье. Знаешь, почему были разбиты артиллеристы у ворот Майо?

Национальный гвардеец (лежавший неподалеку, внезапно встает). Потому, что никто не пришел им на помощь. В семнадцатом округе солдат было хоть отбавляй, но там не сочли возможным переправить часть людей в шестнадцатый! Между тем Бланки предостерегал (презрительно) против пресловутой обороны каждого округа в отдельности!

Тонтон (спросонья). Бланки?

Жанна-Мария (выпаливает одним духом, Пьеру Фурнье). Ты-то хоть раз видел интернационалистов на баррикадах? В самом деле, к чему вспоминать устарелые заветы сорок восьмого года сегодня, когда у нас уже существуют рабочие кооперативные товарищества? Одним артиллеристом больше или меньше у ворот Майо, какое это имеет значение? Интернационал все равно победит... в двадцатом веке!

Справа входят Софья и Франкель. Рири просыпается.

Софья. Граждане, кто из вас согласен перейти на баррикаду Вье-Коломбье? Там не хватает людей, а они необходимы. (Пауза. Представляет.) Лео Франкель, член Коммуны, делегат Комиссии труда и обмена.

Рири. Тонтон, проснись, Франкель пришел!

Тонтон (совсем проснувшись, восхищенно). Ах, это вы, Франкель? Тот, кто сказал: «Мы не должны забывать, что революция семнадцатого марта была осуществлена исключительно рабочим классом». Это, гражданин, настоящие слова!

Франкель. Они лишь выражают настоящее положение вещей!

Софья (Жанне-Марии). Пойдешь с нами?

Жанна-Мария (рассеянно). Куда?

Софья. На баррикаду Вье-Коломбье. Версальцы на вокзале Монпарнас, пытаются прорваться. Необходимо преградить им путь.

Тонтон. А как поступить жителю пятого округа? Я ведь живу теперь в пятом.

Франкель. Кто пойдет с нами?

Рири поднимает руку.

Пьер Фурнье. Я.

Национальный гвардеец. И я. (Встает, Тонтону.) Ну, так как же, гражданин из пятого, пошли в шестой!?

Тонтон молча встает.

Рири (пытаюсь разбудить Жюло). Жюло, проснись, пойдем на улицу Вье-Коломбье. С Франкелем, Пьеро и Софьей. На баррикаду. (Софья.) Софья, Поля тоже там?

Софья кивает.

Пьер Фурнье. Ну как, Жаннетта?

Жанна-Мария не двигается с места.

Жюло (к Рири). Что ты сказал?..

Рири. Сказал, что мы идем на улицу Вье-Коломбье, куда призывают нас республика.

Жюло, протирая глаза, встает.

Леон Удэ. Неужели и мальчуганы пойдут туда?

Жюло. А как же, раз мы там нужны!

Леон Удэ вздыхает.

Франкель. Необходимо отстоять баррикаду Вье-Коломбье. А вас здесь много. Оборона Пантеона нисколько не пострадает.

Франкель, Софья, Пьер Фурнье, Тонтон, Рири, Жюло и два национальных гвардейца уходят. Жанна-Мария медленно натягивает на плечи шаль и идет за ними.

ПРОХОД VII

Коммуна. Парижская коммуна. Комитет общественного спасения. К оружию, граждане! Пусть Париж ощентится баррикадами, пусть из-за этих укреплений он вновь бросит врагу свой

боевой клич, клич гордый и победоносный, ибо покрытый баррикадами Париж неприступен! Пусть революционный народ, народ великих дней, исполнит свой долг, предотвращая предательство, каюя измену! Коммуна и Комитет общественного спасения исполнят — свой.

Ратуша, 2 прериаль 79 года.

КАРТИНА ДВАДЦАТАЯ

23 мая. Перед кафе «Верная свинья» стоят Гарibalдице в полной форме (шляпа с пером и т. д.) и Анриетта, — она в гражданском платье. Мэр незаметно наблюдает за ними с порога.

Анриетта (кричит). Все трусят, все, и ты первый, несмотря на свой бравый вид и медали.

Гарibalдице. Ты увидишь, как струсил Пьетро Тутино! Я буду гарцевать на бульваре Итальянцев покрытый этими медалями и многими другими! — вот до сих пор!

Анриетта. Если ты не трусишь, то почему тогда не на Монмартре со своим батальоном? А может, Монмартр тоже сдался? (С печальным смехом.) В таком случае, конечно...

Гарibalдице. Эти сведения сообщил тебе твой теперешний дружок?

Анриетта. Эти как раз нет. Но мой дружок, действительно, хорошо осведомлен, ведь он чиновник Французского банка. С ним по крайней мере у меня есть шансы пожить в свое удовольствие.

Гарibalдице дает Анриетте пощечину.

О, не бог весть какие шансы!..

Гарibalдице. Знаешь, что ты заслуживаешь?!

Анриетта. Чтобы на меня донесли в Комитет общественного спасения! Верно? Ну что ж, изобрази шпика, беги! Только потопаливайся, не то Комитет завтра... сам...

Гарibalдице молча уходит направо. Анриетта порывается было догнать или позвать его, но не трогается с места. Ее сотрясают короткие, редкие рыдания.

Мээр (с порога). Риетта!

Анриетта. Чего тебе? (Подходит к Мээр.)

Мээр. Не порти себе кровь, Риетта. Ты хорошо сделала, что высказала все начистоту этому гарибальдийцу. Все они помешанные... Не соображают, что расплачиваться придется, как всегда, нам, маленьким людям... Узнать бы только, где наш Рири, что с ним!.. Дать пощечину женщине! Француз никогда бы себе этого не позволил! (Тихо.) Знаешь, ратушу эвакуируют.

Анриетта. Это правда?

Мээр. Сам Грелье сказал. Он еще сказал, что версальцы собираются наступать на Монмартр.

Анриетта. Ну, положим, до Монмартра им еще далеко!

Входят два национальных гвардейца, измученные, оборванные.

Первый гвардеец. Говорю тебе, — нас предали: холм Монмартра взят... сегодня утром...

Второй гвардеец. Враги! Красный флаг еще развевается там на верхушке.

Первый гвардеец. Они могли не снять его нарочно, чтобы ввести нас в заблуждение. Во всяком случае, с холма уже не стреляют, вернее, стреляют в нас.

Второй гвардеец. Кто тебе сказал?

Первый гвардеец. Все равно, с меня довольно. (Показывает Мээр и Анриетте свою грязную, прорызанную куртку.) Мы дрались трое суток подряд. Я не трус, поверьте, но это конец. Командиров больше нет. А дома плачут ребятишки. С меня довольно! Баста!

Внезапно срывается с брюк красные лампасы; наблюдавший за ним товарищ, после минутного колебания, следует его примеру. Потом оба гвардейца сбрасывают свои куртки и кепи.

Анриетта (смеется). Как... как вам же кажется?

Не замеченные присутствующими, в глубине сцены появляются Робер Уде и Жюль Валлес.

Первый гвардеец. Не нам, а вождям должно быть совестно. Где они? Почему их нет с нами? Мы готовы следовать за ними, но для этого они должны быть впереди.

Жюль Валлес (подходя к нему). Прежде чем говорить, гражданни, надо думать и смотреть... перед собой.

Робер Уде (указывая на Валлеса). Это Жюль Валлес, ты его знаешь?

Национальные гвардейцы в замешательстве.

Жюль Валлес. Граждане, сделайте одолжение, подберите все это и наденьте.

После минутного колебания национальные гвардейцы поднимают куртки и кепи, а также сорванные с брюк лампасы.

Мээр. Робер... это правда... что и Монмартр?...

Робер Уде утвердительно кивает. Мээр разрыдалась. Анриетта закрывает лицо руками. Гвардейцы продолжают неволко стоять с красными лампасами в руках.

ИНТЕРМЕДИЯ VIII

Бисмарк верхом на коне наблюдает с помоста за происходящим. Возле него — пушка, наведенная на Коммуну. Тьеर, толкая перед собой пушку, приближается к Коммуне, которая, как обычно, стоит лицом к публике. Все еще слева, но ближе к центру — Ассамблéя: «театр военных действий» ее тоже интересует. Мишатель и Французский банк отсутствуют, сейф на месте.

Коммуна (проговаривает). Солдаты версальской армии, час великой битвы народов против угнетателей пробил. Не предавайте дело трудящихся! Поступайте, как поступили ваши братья восемнадцатого марта, покидайте ваши ряды! Входите в наши жилища, вы будете принять как братья! Солдаты, слушайте внимательно, и пусть ваша совесть решит: когда приказ бесчестен, непослушание становится долгом.

Тьеर сзади подходит к Коммуне и наносит ей сильный удар. Коммуна падает на колени. Тьеер наступает на Коммуну со своей пушкой, она пятится.

Тьер (громовым голосом). Наши доблестные воины спаскали себе глубокое уважение и восхищение за границей.

Ассамблея (подавшись вперед своей большой головой, гневно). За границей, за границей! Очень нам нужна заграница!

Бисмарк (спустившись с помоста, преграждает путь пытающейся отступать Коммуне. Ассамблея). Иногда нужна, многоуважаемая!

Ассамблея (лепечет). Я... не про вас... вы же понимаете!

Бисмарк смеется.

Коммуна (окруженная, взывает). Граждане, национальные гвардейцы, эвакуируйте ратушу, отступайте к площади Вольтера в одиннадцатом округе.

Тьер снова наносит ей удар.

(Падает и, лежа на земле, продолжает выкрикивать.) Военная комиссия. Установить на кладбище Пер-Лашез две батареи... (Обессиленная, замолкает.)

Ассамблея (размахивая руками). В погоню! Хватайте коммунаров! Мсье Тьер, смелее, черт возьми! (Суеверно крестится.) Пинками! Прикладами! Мсье Бисмарк!

Бисмарк делает жест, означающий: «Я сделал что мог. Это лингнене». Тьер сначала ударяет Коммуну ногой, потом стреляет в нее из пушки. Коммуна замирает.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

24 мая. Солнечный полдень. Площадь Вольтера, перед мэрией одиннадцатого округа. Возле корзины, наполненной монетами, стоят бывший рассыльный из Муниципальной комиссии, теперь он казначей, и национальные гвардейцы, среди которых — Тонтон и Балашен. Несколько солдат спят прямо на земле. Поля и Гамбо лежат на тюфяках. Поодаль стоят еще два гвардейца.

Казначей (указывая на корзину). Граждане, пусть каждый возвратит по пригоршне.

Национальные гвардейцы берут монеты из корзины.
Никаких пререканий.

Первый гвардеец (стоящий поодаль, второму). Наши воззвания не дали никакого результата. Покинут они свои ряды, как же! Сегодня не восемнадцатое марта. Коммуна обольщается. (Пауза.) Версальцы расстреляли триста человек у святого Евстафия.

Второй гвардеец. Да, но оставшиеся в живых пошли на подкрепление баррикады Сен-Лоран...

Первый гвардеец. ...где их искромсает (иронически) французская армия с благословения господа бога.

Тонтон (рассматривая монету). Однако можно было бы переделать надпись, а? (Саркастически.) «Да хранит бог Францию!»

Балашен (так же). И поставить: «Да хранит бог Коммуну?»

Казначей. Некогда было. Торопились с чеканкой.

Тонтон. Шутки в сторону. Мы этих жалких грошей ждем с апреля месяца.

Казначей. Говорю тебе, они не были отчеканены.

Тонтон (брюзжит). Во всяком случае, если бы Коммуна действовала, вместо того чтобы... сочинять законы... за нами дело не стало бы. Да где там! Наша славная Парижская коммуна не в состоянии даже применить декрет о заложниках!

Казначей. Зато в состоянии заплатить солдатам жалование; эти монеты, гражданин Тонтон, нелегко достались...

Справа входит Робер Удэ и национальный гвардеец.

Робер Удэ. Ты уверен, что баррикада Сен-Лоран пала?

Национальный гвардеец печально кивает.

Тонтон. Мы все подожнем, прежде чем истратим эти гроши, граждане казначей!

Робер Удэ (сдержанно, серьезно, тоном, ему не свойственным). Не говори глупости, Тонтон.

Балашен. Если ты недоволен, иди домой. Это, пожалуй, будет лучше всего.

Тонтон. Подскажал бы заодно, как сегодня добраться с площади Вольтера до Контрескарп!

Первый гвардеец (*сторону*). Надо было отступить к Бельвилю и окопаться там.

Второй гвардеец. Пожертвовать Бастилией и Шато д'О? Ну нет!

Входит Пьер Фурнье в форме национального гвардейца.

Пьер Фурнье. Граждане, я иду с баррикады Шато д'О. Положение там сквернное. Наши собираются покинуть ее, они не могут больше держаться. А удержать баррикаду надо во что бы то ни стало.

Казначей. Сколько вам нужно туда людей?

Пьер Фурнье. Нужен один, но обязательно член Коммуны. Для поднятия духа. (*Пауза*). Есть среди вас член Коммуны?

Второй гвардеец (*указывая на Гамбона*). Вон там Гамбон. Только что были здесь Верморель и Феррэ, но, видно, ушли.

Гамбон (*поднимаясь медленно, с трудом*). Лучше я, чем кто-нибудь из молодых. Я-то пожил свое.

Тонтон. С твоего разрешения, гражданин Гамбон, я — с тобой.

Фурнье хлопает Тонтона по плечу.

Казначей (*дружелюбно*). Тонтон, между прочим, Шато д'О не совсем по дороге в Пантеон.

Робер Удэ (*Пьеру Фурнье*). Пьеро, мне тоже следовало бы пойти, но как... оставить Полю?! Она устала, разбита... Звать ее с собой... (*Пауза*) Ты не видел Жаннетту?

Пьер Фурнье (*в ярости*). Нет, я никого не видел, никого!

Пьер Фурнье и Гамбон уходят в сопровождении Тонтона, который делает широкий прощальный жест.

Тонтон (*вернувшись, Леону Удэ*). Леон, и тебе не стыдно? Будь ты членом Коммуны, тебя первого позвали бы и ты пошел бы первым.

Леон Удэ опускает голову. Тонтон уходит.

Первый гвардеец. Ну, если даже Шато д'О..

Второй национальный гвардеец молча, скорбно кивает. Слева входят Дюдюль и национальный гвардеец, таща аббата Вилледье в гражданской одежде, без головного убора.

Аббат. Я требую, чтобы меня передали законным властям. Дюдюль. Законная власть — это мы.

Аббат. Я никогда не занимался политикой. Неужели каких-то слухов достаточно, чтобы слетела с плеч голова невинного человека?!

Дюдюль. Невинный кюре?! Ведь он — кюре! А, кроме того, нам рассказали...

Аббат. Рассказали! Кто рассказал?

Национальный гвардеец (*конвоирующий Аббата*). Нам сообщили из верных источников, что это он распорядился шить трехцветные нарукавные повязки для гвардейцев «партии порядка»; они должны были их надеть якобы... в знак единения!

Дюдюль. Еще девять дней назад они готовились пролить кровь Парижа.

Аббат. Это неправда.

Национальный гвардеец, конвоирующий Аббата, грубо подталкивает его к Роберу Удэ; они в упор смотрят друг на друга.

Робер Удэ (*после паузы*). Ведите его в Комитет общественного спасения.

Глухой ропот.

Ясно, Дюдюль?

Национальный гвардеец (*конвоирующий Аббата*). Но в комитете отпустят его на все четыре!.. (*Показывая свою изуродованную руку*) Это так же верно, как и то, что у меня недостает пяти пальцев.

Леон Удэ (*после долгих колебаний решившись нарушить молчание*). Мы же не убийцы!

Дюдюль и национальный гвардеец, конвоирующий Аббата, переглядываются. Они больше не решаются тронуть Аббата и становятся по обе стороны. Справа входят очень изволившиеся три национальных гвардейца. Их разговор привлекает общее внимание.

Национальный гвардеец. Да, это я, я кузнец Малезье, арестовал в Сент-Уэне гражданина Домбровского: мы подумали, что он хочет скрыться. И не мудрено было ошибиться: лошади были оседланы, а его адъютанты то и дело косились в сторону пруссаков! Домбровский безусловно не собирался тогда в Париж, хотя потом он погиб как герой!

Национальный гвардеец (*входящий вместе с Малезье*). Все это подозрительно. Да и его посредничество между Версалем и Коммуной не доказывает, что он не был в сговоре с версальским ублюдком.

Робер Удэ (*к вновь вошедшему*). Замолчите! Домбровского еще не положили в гроб, а вам уже не терпится осквернить его память! (*Внезапно.*) На Шато д'О! Кто со мной, поднимите руки!

Два национальных гвардейца поднимают руки. В это время двое других вносят на носилках раненого Жюло.

Жюло (*кричит*). На моих глазах... Нет, нельзя себе представить!.. О, если бы мне попался этот подлец, этот мерзкий поп!.. который нанес ему... смертельный удар!.. (*Пауза.*) Где Рири? Он обещал мне... Я так хотел... (*Хрипло.*) Отец, ваш сын исполнил свой долг!..

Леон Удэ (*бросаясь к носилкам*). Жюло, мальчик мой! (*Кричит.*) Даже пруссаки не совершили подобных злодействий!.. (*Берет руку Жюло, в сторону.*) А я, старый дурак, заступался за того! (*Указывает в сторону Аббата.*)

Аббат, воспользовавшись общим замешательством, скрывается при последних словах умирающего Жюло. Общая растерянность не успевает перерастти в гнев: справа опрометью вбегает запыхавшийся Непутевый рабочий.

Непутевый рабочий (*кричит*). Что, что я сделал?

Раздается выстрел. Он падает.

ПРОХОД VIII

Коммуна. Честь и слава тебе, генерал Домбровский, неизменно поступавший только так, как подсказывала тебе твоя револю-

ционная совесть. Честь и слава тебе, которого хотели подкупить и очернить, но который не поддался провокациям! Честь и слава тебе, боец безвестной армии интернационалистов, призванной победить мрак старого мира, покончить с эксплуатацией человека человеком!

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

24 мая. Площадь Бастилии. Сцена на мгновение пуста. В глубине слева появляются четыре национальных гвардейца, за ними — Верморель. Двое несут завернутый в огромное красное знамя труп Домбровского. Они опускают его на землю. Двое других ставят рядом с ним гроб. Затем поочередно подходят и целуют Домбровского в лоб.

Верморель (*его голос дважды заглушается канонадой*). Итак, вот он, тот, кого обвинили в предательстве! Он один из первых отдал свою жизнь за Коммуну. Мы обязаны следовать его примеру! (*Пауза.*) Поклонимся, что будем стоять на смерть.

Все поднимают руки для клятвы. Домбровского кладут в гроб, закрывают крышкой. Скорбный, торжественный кортеж удаляется. Сцена снова пуста.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

24 мая. Сумерки. Покинутая бастионами Пантеона. На черном заднике огромными буквами мелом начертано: «Вам не убить идею!» В глубине сцены — Поля, в белом халате, стоя на коленях, перевязывает раненого Рири. Доносится ружейные выстрелы. Двое гвардейцев проходят направо. Слева лежит труп в офицерском кителе и черных брюках.

Рири. Уходи, ты ведь полька. Они тебя убьют, если найдут здесь. Ты их еще не знаешь! Не надо было, Поля... возвращаться... на левый берег! (*Пауза.*) Почему не атаковали на улице Суффло? Их была совсем небольшая кучка, а мы их обошли... через бульвар Сен-Мишель... (*Пауза.*) Надо было драться, а не оставлять Пантеон! (*Пауза.*) Если бы с вами был Домбровский, мы бы их обязательно атаковали... и выбили.

Зали. Пауз.

Рири. Правда, Поля?
Поля. Конечно.

Входит старая женщина, подходит к трупу и покрывает его простыней.

Что вы делаете, гражданка?

Старуха (плача). Это Риго... Прокурор Риго, наш... наш друг.
(Слезы ее душат.) Вот, я его и накрыла. (Уходит в слезах.)

Рири (после паузы). Знаешь, Поля, это ради тебя я вернулся обратно в Исси. Но не просто ради тебя, а потому, что и ты и все наши тогда боролись... и мне стало стыдно... И еще ради Коммуны... Какая ты красивая, Поля!.. Но не оставайся здесь... Ты полька, они схватят тебя и убют. Нет, не посмеют! Не уходи, Поля!

Поля (еле сдерживая слезы). Не бойся, Рири, я не уйду.

Рири. Поля, Домбровский не был подкуплен, это неправда, верно?
Раз ты им восхищаешься... ты ведь восхищаешься им, да?

Поля. Да.

Рири. Значит, все это вранье, просто вранье?!

Поля. Да, просто вранье. Они хотели его подкупить, но им не удалось.

Рири. А другие, Поля, другие предали?

Поля. Да, кое-кто предал. Например, на Монмартре.

Рири (громко). И еще раньше на Мон-Валериене, правда? (Пауза.)
Поля, если бы мы удержали Мон-Валериен, мы были бы теперь в Версале? Да?

Поля. Да, были бы в Версале.

Рири стонет.

Мальчик мой...

Рири. Нет, ничего, мне теперь легче. (Пауза.) Поля, а если мы были бы в Версале, вся Франция была бы теперь нашей? И везде раззвевались бы красные флаги?

Поля. Она все равно будет нашей. Позднее.

Рири стонет.

Ой, тебе больно!

Пауза. Входит печальный Анри Лагард с повязкой Красного Креста на рукаве.

Гражданин Лагард! Вы! я так... рада... Пожалуйста (указывая на Рири), осмотрите его. Как он?..

Анри Лагард (осмотрев Рири, тихо). Боюсь, что... конец. (Вставая.) Извините... вы не видели случайно... доброты Жанни-Марию?

Поля. Нет. (Пауза.) Вы не знаете, как дела у Шато д'О?

Анри Лагард отрицательно качает головой. Рири стонет.
Рири...

Анри Лагард. Мы с Жанной-Марией только что были вместе на площади Сен-Сюльпис. А потом кто-то сказал, что идут версальцы. Началась паника, и я ее потерял. (Пауза.) Мы должны были позднее встретиться на улице Вье-Коломбье, у баррикады.

Поля. Баррикада все еще держится?

Анри Лагард. Нет.

Рири стонет в последний раз и умирает. Поля опускается возле него на колени. Взглянув на умершего Рири, Анри Лагард отходит в сторону налево, прислоняется к стене, хватается за голову. Входит два в ерсальских солдата -- тучные физиономии, крестьянский говор; на них нарядная форма -- красные брюки. Сначала они не замечают ни Поля, которая спряталась при их появлении, ни Анри Лагарда.

Первый солдат. В их проклятом городе не мудрено и заблудиться!

Второй солдат (внезапно увидев Анри Лагарда). Эй ты, мерзвец, ты уже прилип к стене? Ловко!

Анри Лагард (оглядываясь, блоязниво). Вы... вы ошибаетесь. Я не из тех.. Я врач, исполняю свои обязанности. Вот замо бумаги.

Первый солдат. Покажи нам не бумаги, а свои руки.

Анри Лагард. Они не запачканы порохом, можете убедиться.

Второй солдат. Заткнись!

Первый солдат. Что это у тебя на рукаве?

Анри Лагард. Повязка женевской конвенции.

Первый солдат. Женевской? Что это такое?

Второй солдат. Не знаю, что это за штука!

Анри Лагард (*кричит*). Ну, одним словом... это... это повязка интернациональной женевской конвенции!

Первый солдат. Интернациональной! Интернациональной! Ах, ты из Интернационала! Черт возьми! (*Второму солдату*. Слышишь, он из Интернационала!

Второй солдат. Сейчас мы его полечим.

Первый солдат. Да, это подходящий. (*Вскидывает ружье*.)

Входит Мартен-Бернар.

Анри Лагард (*узнает его*). Мсье, скажите им, пожалуйста, что это... недоразумение... что я действительно врач (*указывая на свою повязку*), что это на самом деле женевская повязка.. Вы ведь меня немного знаете, значит, вы можете...

Мартен-Бернар молчит.

Это я однажды, на улице... когда к вам придрались... заступил-ся. Помните?

Мартен-Бернар. Нисколько. Вы, верно, что-то путаете.

Анри Лагард. Это было на площади Контрескарп. Вы тогда говорили, что возвращение владельцам заложенных в ломбарде вещей... сопряжено... с трудностями...

Мартен-Бернар. Решительно не помню. Впрочем, я готов помочь вам. (*Спокойно, солдатам*.) У мсье действительно женевская повязка, одним словом—повязка врача. В чем же дело?

Первый солдат (*нетерпеливо*). А вот в чем: предъявите-ка нам свои бумаги!

Мартен-Бернар. Извольте! (*Показывает им документы*.) Этого вам достаточно?

Особенно тупой первый солдат протягивает документы второму.

Второй солдат (*после длительного осмотра*). Приношу вам наши извинения, мсье.

Мартен-Бернар. Если у вас есть претензии к этому молодому врачу, можете его задержать и препроводить в Люксембургский дворец!

Первый солдат. Видите ли, у нас на этот счет есть приказ, мсье.

Мартен-Бернар. Ну, раз есть приказ... (*Уходит направо*.)

Второй солдат. Да иу его!

Первый солдат. Эй, Антуан, посмотри. Позади тебя, на земле—национальный гвардеец! (*Подходит к мертвому Рири, изо всех сил ударяет его ногой*.) Околел!

Анри Лагард (*кричит*). Трусы! Мертвого ребенка! (*Еще громче*.) Да здравствует Республика! Да здравствует Человечество!

Первый солдат подталкивает Лагарда к стене, второй вскидывает ружье.

Поля (*направляясь к оторопевшим солдатам, до тех пор не замечавшим ее*). Я — Поля Криковска. Я — полька. Член Женского союза защиты Парижа и помоши раненым. Сотрудница Комиссии труда и обмена. Боец Коммуны...

Анри Лагард. Да здравствует Коммуна!

Поля и Анри Лагард стоят рядом. Пришедшие в себя солдаты целятся в них.

ПРОХОД IX

Коммуна. Парижская коммуна. Граждане двадцатого округа! На-висла большая опасность, о которой надлежит предостеречь. Национальная гвардия отказывается продвигаться вперед под предлогом необходимости защищать баррикады, которым ничто не грозит. Поддержите девятнадцатый округ, помогите ему отбросить врага. Этим вы обеспечите самим себе безопасность и победу. Не ждите, пока атакуют Бельвиль, тогда, возможно, будет поздно! Итак, вперед! И Бельвиль еще раз восторжествует. Да здравствует республика! Бельвиль, 25 мая 1871 года. (*Пауза*.)

Парижская коммуна. Приказ. Немедленно уничтожить все до-

ма, из окон которых стреляли по национальной гвардии, расстрелять всех его обитателей, если они не выдадут или сами не казнят виновников преступления.
Военная комиссия, 4 января 1879 года.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

25 мая. Разрушенная баррикада Шато д'О. Небо освещено ярко-красными отблесками. Земля усыпана листовой, обломками военного снаряжения и клошами одежды. Неподалеку руятся снаряды. Частично скрытые листовой и обломками лежат тяжело раненные Жанна-Мария и Робер Уде.

Мужской голос. Да здравствует Коммуна!

Залп.

Робер Уде. Они будто поклялись не дать мне закончить... (Пауза.) Вспоминает прерванную мысль.) Да, когда я увидел отца, можно сказать, — самого Прудона, у тела убитого Жюло... я прошел. Разом все понял! О тебе я уже сказал... Другая на своем месте... а ты, после того, что я тебе причинил... ты сегодня... Не уверяй меня, Жаннетта, что ты пришла в Шато д'О не ради меня. (С печальной усмешкой.) Баррикад, правда, не так много, но у тебя все-таки был выбор. (Пауза) Жаннетон! (Пауза. Затем — тихо.) Он все еще мучает меня!

Жанна-Мария. Кто?

Робер Уде. Стыд. Со вчерашнего вечера я тщетно пытаюсь отдельаться от мысли.. Глупо, конечно, ахиглупо, но я все время думаю о том, что тот аббат.. не помню его имени... (с горечью) они-то все запоминают!.. Да, так вот, я думаю, что тот аббат, который благодаря моей глупости гуляет теперь на свободе... может завтра выследить... и выдать — как знать! — Пьеро, например...

Жанна-Мария. Все мы совершили ошибки. Я первая. Если бы мы захватили банк, они никогда, никогда... не отважились бы вступить в Пацж. Софья была права.

Робер Уде. Возможно. Но твоего мнения никто не спрашивал, Жаннетта, а с моим считались. И я его высказывал!. Наши не

пошли на Версаль из-за того, что мы были против: Валлес, я и многие другие, конечно... Но это ничего не меняет... (Пауза.) А наша газета: «Колокол зовет к труду!» Это был набат. (Пауза.) Жаннетта, я всегда только красиво говорил.

Жанна-Мария. Говорить тоже надо было. Надо было научить народ гордиться собой. (Неистово.) Для того чтобы он мог бороться.

Робер Уде. Полно, нас было всего двенадцать тысяч! А из этих двенадцати...

Жанна-Мария стонет.

Тебе больно, а я разболтался...

Жанна-Мария (с трудом, очень быстро). Это ты сделал отважными те двенадцать тысяч. Ты внушил им гордость!

Дальняя перестрелка.

Робер Уде. Мне очень хотелось бы иметь право гордиться! (Водоудушевляясь) Почему я не кричал во весь голос, что пресловутая оборона каждого округа в отдельности ломаного троша не стоит, что она нас погубит?

Жанна-Мария. Ты об этом не кричал, но зато сам сражался на всех баррикадах.

Робер Уде (тихо). Шато д'О будет последней.

Дальняя перестрелка.

Жанна-Мария (продолжает с огромным трудом). Последней — для нас с тобой. Но не... не последней. (Пауза.) Увидишь. Нет, ты не увидишь... и я тоже... Но другие увидят, поймут и отомстят за нас. (Пауза.) Победят, Робер, победят, и на земле не будет больше преступлений... клянусь тебе! Мы действовали преждесвеменно... Вот и все! (Окончательно обессилев, перестает говорить и двигаться. Умерла или умирает.)

Вбегает Убогая женщина с ручной тележкой, заваленной нищенским скарбом — ночной столик и т. п.

Убогая женщина (подталкивая тележку). Я-то при чем, если стреляют из наших окон! Не мы одни живем в этом доме! Мы-

то бедняки! Во всем виновата Коммуна! (Внезапно заметив Жанну-Марию и Робера Удэ.) Убийцы! Поджигатели! (Убегает. С тележки сваливаются вещи, она их не подбирает.)

Робер Удэ (тщетно пытаясь подняться, вдогонку Убогой женщины). Так пресмыкается из-за своего скарба, а мы за тебя... за тебе подобных... жизни своей не пожалели! (Падает в изнеможении.)

Входят три версальских солдата в щегольской форме, таша Старого служащего Орлеанской железнодорожной компании; он в простой рубашке, но в солдатских башмаках.

Первый солдат. К стенке, башмаки!

Старый служащий. Я... я действительно был национальным гвардейцем... Но это было во время осады... первой осады!

Я воевал только против пруссаков!

Второй солдат. Ладно. Повернись.

Старый служащий подчиняется. Оба солдата стреляют, служащий падает. Третий, не стрелявший, отворачивается. Входит аббат Вильлемье; он снова в сутане.

Аббат. Храбрецы, я ишу лейтенанта де ля Гарольда.

Первый солдат. Он сейчас завтракает, господин аббат.

Второй солдат. В ресторане Фуйо, что в Латинском квартале.

Первый солдат (уśmieхаясь). Теперь-то мы освоились в вашей столице.

Аббат. Мне некогда идти туда, да, собственно, и незачем. (Пауза.)

Я только что встретил некого Пьера Фурнье, он член муниципальной комиссии пятого округа, к тому же известный головорез. Внешность — заурядная, волосы — светло-каштановые.

Слева вдоль стены крадется очень осунувшийся Пьер Фурнье. Он не замечает Робера Удэ и Жанну-Марию, которые умерли или потеряли сознание.

(Указывая на Пьера Фурнье, тихо — солдатам.) Это он. (Скрывается направо.)

Первый солдат. Тебя в самом деле зовут Пьер Фурнье?

Пьер Фурнье. Пьер Луи Фурнье, национальный гвардеец, член муниципальной комиссии пятого округа, делегат Комитета двадцати округов...

Первый солдат. К стенке!

Пьер Фурнье (подчиняется, затем шепчет). Софья!

Второй солдат. Что ты сказал?

Пьер Фурнье. То, что сказал, касается одного меня. А то, что скажу, обращено ко всей вселенной. Да здравствует освобождение трудящихся! Да здравствует Интернационал!

Солдаты целятся в него.

ИНТЕРМЕДИЯ IX

На помосте — Бисмарк без коня, но пушка при нем. Он наблюдает в бинокль за Парижем. Тьер в одной рубашке, повязанный фартуком мясника, попирает ногой Коммуну, которая едва подает признаки жизни. Возле нее — разорванное в клочья красное знамя. Ассамблея впервые стоит посреди сцены, несколько позади Тьера. Французский банк незрим, его сейф — на обычном месте.

Тьер (попирая ногой теперь уже беззыканную Коммуну). Мы раздавили подлую гидру коммунизма. Окровавленные тела бунтовщиков послужат предостережением...

Миротворец (появившийся при последних словах Тьера, простирая руки). Довольно казней, довольно крови! Настало время отделить главарей от слепых последователей и солдат. Слово за правосудием; я хочу выразить желание, просьбу, надежду: обвиняемые должны подвергаться тщательному отбору... следовало бы учредить комиссию безопасности... Республика обязана самой себе...

Ассамблея. Мсье Тьер! Мсье Тьер! (Показывая на Миротворца.) Он все еще болтает... о республике.

Тьер. Извините, мадам, но это понятие для меня, как, впрочем, и для всех добрых французов, отнюдь не дискредитировано...

Бисмарк смеется.

Гъер (с ожесточением, над поверженной Коммуной). Какая доблесть! Наша армия отомстила за свои тяжелые утраты...
Бисмарк (громко хохоча). ... путем беспримерной победы!

Миротворец хватается за голову.

Тъер (подзывают Миротворца). Друг мой!

Миротворец (подбегая). Вы... меня звали?

Тъер. Да. (Указывая на Коммуну.) Освидетельствуйте ее, пожалуйста.

Миротворец (вынув из кармана плаща белый докторский халат, надевает его. С глубокой скорбью). Ии малейшего трепата, ии малейшего признака жизни. Париж побежден. (Приободрившись.) Да здравствует Франция! Да здравствует республика!

Французский банк (выссыпая голову из сейфа, твердо). Рынок крепнет, кредит возрождается.

Тъер (веско). Дела идут на лад.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

28 мая. Солнечно. Полуразобранная баррикада Пантеона. Развевается новенький трехцветный флаг. Два офицера в сальца с трехцветными нарукавными повязками суетятся, отдавая приказания. Слева входит чета рабочих.

Первый офицер. Давайте! Давайте! Разберите все это, да пакорее!

Рабочие, не повинуясь, проходят мимо.

Второй офицер. Пусть каждый сбрасывает по булыжнику.

Рабочие не подчиняются.

Первый офицер. Помогите же нам, черт побери!

Рабочий шепчет что-то своей спутнице и сбрасывает булыжники с баррикады. Работница колеблется, затем следует его примеру. Оба уходят направо. Появляется маленькая баронесса Сибилла в сопровождении Рауля.

Сибилла. Рауль, посмотрите! Разбирают баррикады, построенные господами коммунарами! О, я, конечно, испачкаюсь, но мне все равно! Хочу сбросить булыжник, черт возьми! (Изящным жестом кидает булыжник на мостовую.)

Рауль (расторганный). Девочка моя! (Целует ее.)

Сибилла (полусердито, полуушутя). Что за манеры! (Второму офицеру.) Господин лейтенант, когда все это кончится на конец?

Второй офицер. Париж будет полностью очищен к вечеру, мадемузель.

Офицеры уходят.

Рауль. Идемте, Сибилла. О чём мы говорили до этих баррикад?

Ах, да! Послезавтра в Версале состоятся публичные молебны. Надо обязательно побывать. Можно поехать завтра вечером. (Пауза.) Настоящий триумф для господина Тьера!

Сибилла (брзгливо). В самом деле?

Рауль. Он вам не по душе, я знаю. Но вы неправы, уверяю вас. Во всяком случае, вы увидите Версаль. Он так преобразился, пока вы были в Нанси... в обществе господ пруссаков!

Сибилла. Рауль, я не могла иначе, они вели себя весьма корректно по отношению к маме. О, посмотрите, какой у него забавный вид! (Показывает на Гарibalльдайца, которого волочат двое версальцев; он пытается вырваться, его куртка в лохмотьях, медали сорваны.)

Вдова Легро (вошедшая вслед за солдатами). Пусть прогуляется еще! Еще!

Солдаты уходят направо, таща Гарibalльдайца, который все сильнее упирается. Вдова Легро уходит вслед за ними.

Сибилла. Они заставляют его ползать на коленях в отместку за генералов Леконта и Клемана Тома, да, Рауль?

Рауль (смущенно усмехнувшись). Да, Сибилла.

Сибилла. Ах, я чуть не забыла: вы больше не встречали Бобура? Он обещал поместить мое изображение в «Фигаро»: первая ма-

ленькая баронесса — в еще бунтующем Париже. Можете себе представить, как он ухватился за такую сенсацию! (Смеется.)

За склоной взглас: «Да здравствует Гарibalди!», сопровождаемый несколькими выстрелами.

О, пойдемте, пойдемте скорее! Мне хочется посмотреть! У нас масса времени, уверяю вас. Девальеры могут прекрасно подождать. (Увлекает Рауля направо.)

Слева входят Пешто и Мартен-Бернар.

Пешто. Вы для меня живая загадка, Полы!

Мартен-Бернар смеется.

Я часто задавал и задаю себе вопрос, почему эти молодчики не закрыли вашу картишную галерею? Как вы устроились? Откровенно, — неужели вам удалось договориться с ними, втолковать им?

Мартен-Бернар. Да, Жорж. Представьте себе, я даже отыскал среди них несколько честных, сообразительных людей, беседовать с которыми было не всегда приятно, зато почти всегда легко.

Возвращаются двое офицеров.

Первый офицер. Пусть каждый сбрасывает булыжник, черт побери!

Мартен-Бернар (*подойдя ближе*). Зачем кричать, мой лейтенант? Мы охотно поможем вам (смеясь) и на сей раз. (Сбрасывает булыжник с баррикады.)

Пепито следует его примеру. Оба уходят. Первый офицер провожает их взглядом. Слева входит рабочий, затем — аббат Вилледье в сутане и Анатоль де Курмон, опираясь на трость.

Первый офицер (*громко, в сторону рабочего*). Пусть каждый сбрасывает булыжники!

Рабочий исполняет приказание и уходит.

Аббат. Ко мне это тоже относится?

Первый офицер. Полноте, господин аббат! (Показывая вслед рабочему.) Среди этой швали немало тех, кто эту баррикаду строил! (Пауза.) Зато они здорово поплатились в Люксембургском.

Аббат (многозначительна). И не только в Люксембургском! Второй офицер (узнав Анатоля де Курмона). Дорогой друг, как я рад видеть вас в добром здоровье! Я часто вспоминал вас. Вам, очевидно, пришлось немало пережить за эти ужасные месяцы. Художник, лишенный возможности заниматься своим искусством!..

Анатоль де Курмон. Увы, майор, боюсь, что мне никогда больше не придется им заниматься. Мое зрение слабеет с каждым днем, а потом после смерти моего бедного Эдуарда... Он был моим единственным натурщиком, если вы помните.

Второй офицер. Как не помнить! Но надо ли так отчаиваться?! Вам следовало бы найти другого натурщика, который подошел бы вам. (Пауза.) Надеюсь, что ваша вилла не очень пострадала...

Слева входят два версальских солдата, подталкивая плачущую Убогую женщину.

Первый солдат. Мой лейтенант, мы привели вам самую что ни на есть настоящую петролейщицу¹.

Второй солдат. Взгляните на ее рожу. Она посилаась как угoreлая по улице Кюжа, вопя: «Долой Коммуну!»

Первый солдат. Но такие трюки нам уже известны.

Второй офицер. Вы нашли у нее бидон с керосином?

Первый солдат. Нет, мы нашли ее у сожженной ею халупы.

Убогая женщина. Это неправда, неправда.. Я всегда стояла... за Францию. У меня даже были неприятности из-за того,

¹ Версальцы так называли коммунарок, обвиняемых в поджогах.

что я шила новязки... (показывая на трехцветное знамя) вот с этими тремя цветами...

Солдаты хохочут. Офицеры ухмыляются. Аббат отворачивается.

Первый солдат. Можно исполнять, мой лейтенант?

Первый офицер. Да, но подальше. На главных улицах запрещено расстреливать.

Второй офицер. Это было объявлено вследу. Вы разве читать не умеете?

Первый солдат (*второму, с хитроватым и тупым смешком*). Ты умеешь читать?

Второй солдат (*так же*). А ты?

Солдаты уводят сопротивляющуюся Убогую женщину. Аббат прохаживается. Пауза. Донесится выстрел.

Анатоль де Курмон (*затыкая уши*). Эта трескотня действует мне на нервы.

Аббат останавливается, затем опять начинает ходить. Входят трое других версальских солдат, волоча священника в сутане, с разбитым лицом.

Первый солдат (*священнику*). Мерзавец!

Второй солдат. Кюре, а туда же, воевать против... Франции!

Первый солдат. Стоило приехать в Париж, чтобы посмотреть на такого!

Вскидывают ружья.

Первый офицер. Не здесь, идите подальше.

Второй офицер (*раздраженно*). На больших улицах запрещено расстреливать!

Солдаты уводят истерзанного священника. Аббат стоит, опустив голову.

Анатоль де Курмон (*тихо, Аббату*). Это ведь ваш викарий, не правда ли?

Аббат (*не поднимая головы*). Да.

Проходит газетчик, ранее продававший газеты Коммуны.

Газетчик. «Общественное благо!» «Общественное благо!» Париж очищен от коммунарских крыс! Покупайте «Общественное благо!»

Первый офицер знаком подзывает газетчика.

(Подходит и, пряча глаза, протягивает офицеру газету. Упавшим голосом.) Покупайте «Общественное...» (*Осекся*.)

Вошедший справа Тонтон, переодетый в костюм буржуа, смотрит на него в упор.

(*Тихо, Тонтону*.) У меня дома двое малышей, голодные...

Тонтон молча пересекает сцену. Газетчик удаляется, повторяя свой призыв глухим, почти беззвучным голосом.

Первый офицер (*в сторону Тонтона*). Пусть каждый сбрасывает булыжник, черт побери!

Тонтон возвращается и, сбросив булыжник с баррикады, уходит направо. Аббат все еще стоит неподвижно, с опущенной головой. Анатоль де Курмон пытается читать «Общественное благо» через плечо первого офицера. Справа вновь появляются Сибилла и Рауль.

Анатоль де Курмон. Я решительно ничего не вижу.

Сибилла (*заметив Анатоля де Курмона и Аббата*). Вот это — да! (Рауль.) Вы, конечно, ничего не замечаете, вы ни о чем не думаете, кроме вашего господина Тьера! Взгляните же перед собой! (*Подойдя сзади к Аббату, прикрывает ему глаза ладонями, с игравшим смешком.*) Ку-ку!

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

1 июня. Задняя комната в кафе «Верная синька». На столе графин красного вина и несколько стаканов. Посреди сцены стоит Ариетта. Справа из-за шкафа выходит переодетая монахиней Софья, неся в руках свою прежнюю одежду.

Анриетта (*Софье*). А теперь уходи, умоляю тебя, уходи поскорее.
Софья (*холодно*). Одну секунду. (*Достает бумагу из кармана своей старой одежды*.)

Анриетта (*почти кричит*). Ты, кажется, не слишком торопишься в свой Лондон! (*Зло смеется*.) Однако тебя там ждут. Ведь французская секция... (*громко хохоча*) рабочего... Интернационал должна быть хорошо представлена... Тем более что, налив на себя наряд доброй тетушки, ты будешь иметь сногшибательный успех!

Софья. Тебе, видимо, приятно думать, что я боюсь. Ну, допустим! Анриетта. Извини, Софья... но уходи. (*Пауза*.) Я знаю, это ужасно... ты на каждом шагу рискуешь... Но если тебя найдут здесь... Не могу даже объяснить... (*Кричит*.) Уходи!

Софья (*протягивая руку Анриетте, указывает на свою одежду*). Не забудь выбросить это. И спасибо, Анриетта!

Анриетта (*еле сдерживая слезы*). Желаю... желаю тебе успеха, Софья!

Софья (*идет направо, оборачивается*). Еще одно слово: ты не видела Поля? Она исчезла после падения баррикады Вьс-Коломбье.

Анриетта (*застыв на месте*). Я ее давно не встречала.
Софья. А Пьера?

Анриетта (*кричит*). Никого, слышишь, — никого! (*Пауза*.) Да уйдешь ли ты наконец!

Голос Мээр. Нет, мне не стыдно! Не стыдно нисколечко!
Анриетта (*Софье*). Вот видишь!.. Спрячься, живо! Туда, да! Живее! (*Подталкивает Софью к шкафу*.)

Софья скрывается. Анриетта жмется к стене в глубине комнаты. Слева входит Тонтон с баулом в руках, сопровождаемый Мээр.

Мээр (*изо всех сил цепляясь за Тонтона*). Совершенно верно! Если они не вскружили бы ему голову своими бреднями, он был бы теперь здесь, мой Рири, живой и здоровый. Ну, а раз ты этого не хочешь понять, Тонтон, можешь уходить... я тебя больше не держу. Уходи! (*Отпускает Тонтона*.)

Он не двигается с места, пристально глядя на нее.

Я не хочу, чтобы и Риетта... потому что Рири, я уверена... а Риетта наделала глупостей... больше, чем надо... После всего, что было, как не прислушаться к советам Летро.. Я не задумавшись — слышишь, не задумавшись ни минуты — пошла в префектуру и выложила там все про Полю: что она полька, член Женского союза защиты Парижа и Комитета бдительности пятого округа, и пошла, и пошла. Так по крайней мере, если они явятся за Риеттой, мне будет что сказать: господа, скажу я им, мы не какие-нибудь коммунарки. И вот вам доказательство!.. (*Кричит*.) А что она нам дала, твоя Коммуна? Отстрочила платежи? Очень приятно. Но взамен забрала наших детей!.. Я это называю давать взаймы под проценты, Тонтон! (*Пауза*.) И на что нам перины, когда наши детишки валяются в канавах, как Рири, я уверена...

Тонтон неподвижен, продолжает смотреть в упор на Мээр.

И вообще эта Поля небось удрала, когда увидела, что эвакуируют ратушу и что все трещит по швам. У них обоих есть на что... Сейчас барышни Поля и Софья наверняка разгуливают по Женеве, разодетые как принцессы. (*Насмешливо*.) И оплачивают наши певзгоды!

Тонтон. Несчастная старуха, что с тебя взять! (*Направляется к выходу направо*.)

Мээр. Неужели ты так и уйдешь... из-за этого... Я ведь не могла не сказать тебе, Тонтон... понимаешь? (*Снова пытается удержать его*.) Умоляю тебя! Всюду вокруг Пантеона сплют патрули... Ты не пройдешь и ста метров, несмотря на свою одежду! Теперь они раскусили, не то, что два дня назад. Подстрелят тебя... как зайца... Ты... ты меня слышишь?

Тонтон слышит, но все-таки уходит. Мээр следует за ним.

Голос Мээр. Это несправедливо, Тонтон, несправедливо! Разве я возражаю против того, чтобы ты оставался здесь? Разве я колебалась хотя бы одну секундочку?

Анриетта, продолжавшая стоять у стены в глубине комнаты, разрыдалась.

Софья (выйдя из своего укрытия). Спасибо за одежду. (Идет направо и в дверях сталкивается с Луи Лавинем.)

Анриетта (очень быстро, Луи Лавиню.). Это... это подруга моей тетушки... ты же знаешь, — кarmелитки, которая недавно умерла в Нанси...

Луи Лавинь. Нет, Риетта, не знаю. (Садится.) Но зато знаю, что на улице творится что-то ужасное... просто страшно! (Показывая рукой.) Везде убивают, убивают! И на Пер-Лашез; тебе не рассказывали? А когда подумаю, что и ты была немного с ними... (Садится за стол, наливает себе вина, выпивает.) Ты уверена по крайней мере, что у вас в доме нигде не валяется ничего такого, что в случае обыска?.. (Пауза.) Сейчас при мне они ворвались в какой-то дом и выволокли оттуда все — людей и вещи! (Дрожит.) Риетта, если бы ты видела то, что я... (Снова пьет.) Ты ведь знаешь, я не питало собой нежности к коммунарам, но все-таки!.. (Вставая.) Десять минут назад перед фонтаном Сен-Мишель один кричал: «Цельтесь мне в грудь, пощадите голову!» И бац! Через секунду его голова... (Доканичивает жестом.) А недавно на бульваре Вольтера другой назвал себя, свои титулы и все, а потом его тоже... Звали его... забыл, но его размозженную голову я никогда не забуду! Пьер Фурнье! (Пауза.) Как странно, что я вдруг вспомнил его имя!

Анриетта (кричит.) Какое мне до всего этого дело? Зачем ты мне все это рассказываешь?

Луи Лавинь (обнимая Анриетту). Потому, что мне надо хоть немного выговориться. И для того, чтобы ты была поосторожней, Риетта, чтобы с тобой ничего плохого не случилось. (Пауза.) Посмотри, пожалуйста, не осталось ли каких-нибудь вещей... Было бы глупо... Мне ли, мелкому служащему Французского банка, помешать им?.. (Усмехаясь.) Луи Лавинь, мол, возражает! (Пауза.) Посмотри, пожалуйста, получше!

Вдали раздается версальская песня на матре: «Я уезжаю в Финистер».

Анриетта. Нет, я даже не могу себе представить, что могло бы...

Но я все-таки посмотрю. (Сделав несколько шагов, останавливается посреди комнаты, затем подходит к шкафу и на всякий случай заглядывает в него.)

Версальская песня приближается.

Луи Лавинь. Посмотря хорошенько везде.

Анриетта (поднявшись на цыпочки, осматривает верхнюю полку шкафа). Боже мой, оно здесь! (Пытается втолкнуть обратно красное знамя, но делает неловкое движение, и знамя падает, накрывая ее почти целиком.)

Приближаются шаги и песня версальцев, которую они горланят во все горло.

Занавес

ЭПИЛОГ

Карта, изображающая Париж и его окраины, исчезла. Она заменена картой пяти континентов, на которой социалистические и прогрессивные страны (Куба, Гвинея и т. д.) окрашены в красный цвет.

Занавес опускается под мощные звуки «Интернационала».

ОБ АВТОРЕ

Артур Адамов родился в 1908 году в Кисловодске. В канун первой мировой войны отец писателя, крупный нефтепромышленник Сурен Адамов уехал вместе с семьей в заграничную поездку. Война, а затем революция помешали их возвращению на родину. Адамовы скитались по Германии и Швейцарии, наконец поселились во Франции, сперва — в провинции, а с 1924 года — в Париже.

Артуру Адамову пришлось испытать горечь эмиграции — нужду, отчужденность, породившие в нем чувство безысходности, пессимизм, отчаяние. Это и привело молодого поэта в конце 20-х годов к сюрреализму.

Во время второй мировой войны Адамов был заключен в петенновский концлагерь, где провел около полугода. «Ужасный дневник» и автобиографическая повесть «Признание», появившиеся в 1943 и 1946 годах, отражают его глубокое смятение тех лет.

В 1950 году Артур Адамов вместе с Эженом Ионеско и Самуэлем Беккетом создал «авангардный театр», стремящийся показать абсурдность человеческого бытия. К этим годам относятся пьесы Адамова «Пародия» (1947—1950) и «Вторжение» (1950). В 1953 году были опубликованы «Большой и малый маневр» и фарс «Все против всех».

Постепенно драматург начинает отходить от бесплодного экзистенциалистского пессимизма и все чаще задумывается над ролью и задачами современного театра, над правом театра вторгаться в жизнь, влиять на нее. Об этом свидетельствуют его драма «Профессор Таранн» (1953), и особенно комедия «Пинг-понг» (1955), и трагифарс «Паоло Паоли», поставленный в 1957 году известным прогрессивным режиссером Роже Планшоном в Лионе и Париже.

В 1958 году вышел в свет сборник А. Адамова «Общественные пьесы», включавший короткие публицистические произведения драматурга, среди которых — «Я — не француз», «Аполитичные», «Интимность».

Франко-прусская война, крушение Второй империи и Парижская коммуна воспоминания, документы, исследования, публистика, аудио- и видеоматериалы можно скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>
http://community.livejournal.com/znanie_vlast/
<http://politzbuka.ru/>

В 1959 году Артур Адамов составляет антологию политических и художественных текстов времен Парижской коммуны и, «захваченный этой исключительной, уникальной эпохой истории», решает написать о ней пьесу.

«Весна семьдесят первого» появляется в 1961 году, в канун 90-летия Парижской коммуны.

Главный герой пьесы — французский пролетариат, сражающийся на баррикадах Парижа. Пьеса интересна по форме. Она двухплановая: картины основного действия чередуются с интермедиями («гиньоль»), в которых действуют исторические персонажи: Тьер, Бисмарк и другие.

Премьера «Весны семьдесят первого» состоялась в 1962 году в лондонском театре «Юнити». Пьеса шла в берлинском театре имени М. Горького, в театрах Венгрии, Чехословакии, Югославии.

В марте 1961 года, когда отмечалось 90-летие Коммуны, в парижском зале «Мютоалитэ» был показан лишь монтаж исторических интермедий пьесы (режиссер Андре Штейгер, художник Рене Аллю). Журналист Жорж Леон писал тогда в «Юманите», что спектакль, прошедший с огромным успехом, обладал «силой и убедительностью поэм Маяковского».

Целиком пьеса во Франции была поставлена спустя два года (1963) на сцене муниципального театра имени Жерара Филиппа в Сен-Дени бывшим режиссером рабочего агитационного театра Клодом Мартеном в содружестве с художником Рене Аллю. Деньги на постановку дал коммунистический муниципалитет Сен-Дени. И хотя в пьесе показано поражение Парижской коммуны, спектакль звал к борьбе. Он прозвучал как вызов «незыблемости» современных буржуазных социально-политических порядков.

В 1964 году вышел сборник статей и бесед Адамова о театре «Здесь, сейчас», а в 1966 году пьеса «Святая Европа», зло высмеивающая западный «свободный мир».

Артур Адамов известен и как переводчик на французский язык пьес А. П. Чехова и А. М. Горького. В 1960 году Адамов инсценировал поэму Н. В. Гоголя «Мертвые души». В преди-

словии он писал, что, хотя «втиснуть» в сценические рамки гоголевскую прозу представляется непосильным, он все же отважился на это, так как поэма Гоголя, «находясь на стыке острой социальной критики и поэзии», является одним из тех произведений, в котором более всего нуждается современный театр.

Драматург Артур Адамов — член Коммунистической партии и Национального комитета писателей Франции.